
Министерство образования и науки
Российской Федерации

Научный журнал
**УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ
ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА**
(продолжение журнала 1947–1975 гг.)

№ 7 (152). Ноябрь, 2015

Серия: Общественные и гуманитарные науки

Главный редактор
А. В. Воронин, доктор технических наук, профессор
Зам. главного редактора
В. Б. Акулов, доктор экономических наук, профессор
Э. В. Ивантер, доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
В. С. Сюнёв, доктор технических наук, профессор
Ответственный секретарь журнала
Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук

Перепечатка материалов, опубликованных
в журнале, без разрешения редакции запрещена.
Статьи журнала рецензируются.

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrso.ru

Редакционный совет

В. Н. БОЛЬШАКОВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Екатеринбург)	Н. Н. МЕЛЬНИКОВ
доктор технических наук,
профессор, академик РАН (Апатиты)
И. П. ДУДАНОВ
доктор медицинских наук,
профессор, член-корреспондент РАН
(Петрозаводск)	И. И. МУЛЛОНЕН
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
В. Н. ЗАХАРОВ
доктор филологических наук,
профессор (Москва)	В. П. ОРФИНСКИЙ
доктор архитектуры, профессор,
действительный член Российской академии архитектуры
и строительных наук (Петрозаводск)
Ю. ИНОУЭ
профессор (Токио, Япония)	П. ПЕЛКОНЕН
доктор технических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)
А. С. ИСАЕВ
доктор биологических наук,
профессор, академик РАН (Москва)	И. В. РОМАНОВСКИЙ
доктор физико-математических наук,
профессор (Санкт-Петербург)
М. ВОХОЗКА
доктор экономических наук
(Чешские Будейовицы, Чешская Республика)	Е. С. СЕНЯВСКАЯ
доктор исторических наук, профессор (Москва)
В. М. ЛЕВИН
доктор физико-математических наук,
профессор (Мехико, Мексика)	К. СКВАРСКА
доктор философии (Прага, Чешская Республика)
Т. П. ЛЁННГРЕН
доктор философии (Тромсё, Норвегия)	А. Ф. ТИТОВ
доктор биологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Петрозаводск)
В. И. МАЕВСКИЙ
доктор экономических наук, профессор,
академик РАН (Москва)	Р. М. ЮСУПОВ
доктор технических наук, профессор,
член-корреспондент РАН (Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия серии
«Общественные и гуманитарные науки»

Т. А. БАБАКОВА
доктор педагогических наук,
профессор (Петрозаводск)	Т. Г. МАЛЬЧУКОВА
доктор филологических наук,
профессор (Петрозаводск)
С. Г. ВЕРИГИН
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)	Т. В. МОРОЗОВА
доктор экономических наук (Петрозаводск)
Р. ГРЮНТХАЛ
доктор философии,
профессор (Хельсинки, Финляндия)	Н. В. ПАТРОЕВА
доктор филологических наук, профессор (Петрозаводск)
П. В. ДРУЖИНИН
доктор экономических наук, профессор (Петрозаводск)	А. М. ПАШКОВ
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)
П. М. ЗАЙКОВ
доктор филологических наук,
профессор (Йоэнсуу, Финляндия)	М. Н. РУДАКОВ
доктор экономических наук,
профессор (Петрозаводск)
Ю. М. КИЛИН
доктор исторических наук,
профессор (Петрозаводск)	С. В. СИГОВА
доктор экономических наук
(Петрозаводск)
С. И. КОЧКУРКИНА
доктор исторических наук (Петрозаводск)	С. Н. ЧЕРНОВ
доктор юридических наук,
профессор (Петрозаводск)
А. Е. КУНИЛЬСКИЙ
доктор филологических наук, профессор,
ответственный секретарь серии (Петрозаводск)	М. И. ШУМИЛОВ
доктор исторических наук, профессор (Петрозаводск)

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Scientific Journal
PROCEEDINGS
OF PETROZAVODSK
STATE UNIVERSITY
(following up 1947–1975)

№ 7 (152). November, 2015

Social Sciences & Humanities

Chief Editor

Anatoliy V. Voronin, Doctor of Technical Sciences, Professor

Chief Deputy Editor

Vladimir B. Akulov, Doctor of Economic Sciences, Professor

Ernest V. Ivanter, Doctor of Biological Sciences, Professor,
The RAS Corresponding Member

Vladimir S. Syuney, Doctor of Technical Sciences, Professor

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Philological Sciences

All rights reserved. No part of this journal may be used
or reproduced in any manner whatsoever without written permission.
The articles are reviewed.

The Editor's Office Address

185910, Lenin Avenue, 33. Tel. +7 (8142) 769711

Petrozavodsk, Republic of Karelia

E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrSU.ru

Editorial Council

V. BOL'SHAKOV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Ekaterinburg)	I. MULLONEN
Doctor of Philological Sciences, Professor (Petrozavodsk)
I. DUDANOV
Doctor of Medical Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)	V. ORPHINSKIY
Doctor of Architecture, Professor,
Full Member of Russian Academy of Architectural Sciences
(Petrozavodsk)
V. ZAKHAROV
Doctor of Philological Sciences, Professor (Moscow)	P. PELKONEN
Doctor of Technical Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)
Y. INOUE
Professor (Tokyo, Japan)	I. ROMANOVSKIY
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (St. Petersburg)
A. ISAYEV
Doctor of Biological Sciences,
Professor, the RAS Member (Moscow)	E. SENYAVSKAYA
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Moscow)
M. VOCHOZKA
Doctor of Economic Sciences
(Ceske Budejovice, Czech Republic)	K. SKWARSKA
Doctor of Philosophy
(Praha, Czech Republic)
V. LEVIN
Doctor of Physical-Mathematical Sciences,
Professor (Mexico, Mexico)	A. TITOV
Doctor of Biological Sciences, Professor,
the RAS Corresponding Member (Petrozavodsk)
T. LÖNNGREN
Doctor of Philosophy (Tromsø, Norway)	R. YUSUPOV
Doctor of Technical Sciences, Professor, the RAS
Corresponding Member (St. Petersburg)
V. MAEVSKIY
Doctor of Economic Sciences, Professor (Moscow)	
N. MEL'NIKOV
Doctor of Technical Sciences,
Professor, the RAS Member (Apatity)	

Editorial Board of the Series "Social Sciences & Humanities"

T. BABAKOVA
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	T. MAL'CHUKOVA
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
S. VERIGIN
Doctor of Historical Sciences, Professor (Petrozavodsk)	T. MOROZOVA
Doctor of Economic Sciences (Petrozavodsk)
R. GRYŮNTHAL
Doctor of Philosophic Sciences,
Professor (Helsinki, Finland)	N. PATROEVA
Doctor of Philological Sciences, Professor
(Petrozavodsk)
P. DRUZHININ
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)	A. PASHKOV
Doctor of Historical Sciences, Professor
(Petrozavodsk)
P. ZAIYKOV
Doctor of Philological Sciences,
Professor (Joensuu, Finland)	M. RUDAKOV
Doctor of Economic Sciences, Professor (Petrozavodsk)
U. KILIN
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)	S. SIGOVA
Doctor of Economic Sciences (Petrozavodsk)
S. KOCHKURKINA
Doctor of Historical Sciences (Petrozavodsk)	S. CHERNOV
Doctor of Juridical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)
A. KUNIL'SKIY
Doctor of Philological Sciences, Professor,
Executive Secretary of the series (Petrozavodsk)	M. SHUMILOV
Doctor of Historical Sciences,
Professor (Petrozavodsk)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

- Суворов Ю. В.*
Софья фон Гацфельдт. У истоков германской социал-демократии. 7
- Филимончик С. Н.*
Театральная жизнь Карелии в 1918 – начале 1920-х годов. 12
- Бауэр Т. В.*
Обращение за помощью к святым в контексте вооружения. 21
- Кузнецова Н. Ю.*
Письмо С. Б. Пругавина архангельскому губернатору Н. П. Игнатьеву. 26
- Шеремет А. В.*
Сотрудничество предприятий Карелии в рамках побратимских связей в 70–80-е годы XX века. 29

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Елаховский Д. В., Назаров А. И.*
Методическое обеспечение практических занятий бакалавров строительной специальности . . . 33

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

- Баркович А. А.*
Компьютерно-опосредованная коммуникация: потенциал металексической значимости 38
- Никифорова С. А.*
Пассив в структуре немецкого поэтического текста (на примере стихотворений И. В. Гете) 44
- Панфилова С. С.*
Графико-пунктуационные средства реализации эмотивного компонента в англоязычном гипертексте 49
- Семенова О. В.*
Игра синонимами в повести А. Платонова «Котлован» 54
- Каширина В. В.*
«Великосветский раскол» в оценке русских светских и духовных писателей XIX века. 57
- Розанов Ю. В.*
Старец Антоний (Флоренсов) и декаденты 63
- Боева Г. Н.*
Драматургические новации С. Шибишевского и Л. Андреева: рецептивный аспект 69

Минеева И. Н.

- Неизвестные факты из истории создания повести Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон (Старинное сказание)». 74

Морозова Т. Н.

- Современное состояние промыслового фольклора Зимнего берега Белого моря 81

Всероссийская научная конференция «Актуальные проблемы преподавания классических языков и культуры»

Цветков Ю. Л.

- Модель мифа Р. Вагнера и Ф. Ницше в оперном либретто Гуго фон Гофмансталя «Египетская Елена» 85

Нилова А. Ю.

- Лермонтовский фрагмент «Это случилось в последние годы могучего Рима...»: особенности формы и проблема источников 92

Маршалок Н. В., Ульянова И. Л.

- Латинский язык в международном праве (методы ранней профессиональной мотивации студентов-юристов) 95

Скоропадская А. А.

- Горацианские цитаты в переписке И. С. Тургенева. . . 98

Агапитова Е. К.

- Исторические источники в романе И. А. Ефремова «Таис Афинская». 103

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Поподько Г. И., Голоушкина Е. Н.

- Анализ проблем развития энергетической отрасли региона в новых экономических условиях 107

Гулиев И. А. О., Мустафинов Р. К.

- Обзор прогнозов долгосрочного изменения средневзвешенной цены на нефть 113

Лебедева Ю. В.

- Уровень образования и субъективная оценка россиянами собственных возможностей на рынке труда 117

Юбилей

- К 90-летию М. И. Шумилова. 121

Научная информация. 122

Contents 124

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в ОАО «Агентство “Книга-Сервис”» и размещаются на базовом интернет-ресурсе www.rucont.ru

Журнал и его архив размещаются в «Университетской библиотеке онлайн» по адресу <http://biblioclub.ru>

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВПО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик Н. К. Дмитриева. Верстка Е. В. Бобковой

Дата выхода в свет 30.11.2015. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 120 экз.). Изд. № 356

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-37987
от 2 ноября 2009 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ СУВОРОВ

кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории, политологии и международных отношений Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
Suvorov@psu.karelia.ru

СОФЬЯ ФОН ГАЦФЕЛЬДТ. У ИСТОКОВ ГЕРМАНСКОЙ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИИ

Статья посвящена роли графини С. фон Гацифельдт в становлении германской социал-демократии. С 1846 года Гацифельдт была самым верным другом Фердинанда Лассалья, она финансировала его политическую деятельность – создание рабочей партии. После смерти Лассалья Гацифельдт боролась с многочисленными «врагами» лассальянства, распространяла культ своего кумира, организовывала встречи с рабочими, создала и фактически руководила Лассалевским Всеобщим Германским Рабочим Союзом. Как представительница родовой прусской аристократии оказалась одним из лидеров рабочего движения? Как осмелилась женщина в середине XIX века участвовать в политической борьбе? Роль Гацифельдт в истории германского рабочего движения была неоднозначной, большинство исследователей считают ее интриганкой, стремившейся к власти. Автор статьи обращает внимание на положительные стороны деятельности «красной графини», прежде всего распространение в Германии социалистических и феминистских идей.

Ключевые слова: Софья фон Гацифельдт, Фердинанд Лассаль, социал-демократия, лассальянство, Всеобщий Германский Рабочий Союз, Лассалевский Всеобщий Германский Рабочий Союз, оппортунизм

Процесс становления германской социал-демократии был сложным и продолжительным. В 1863 году возник Всеобщий Германский Рабочий Союз (ВГРС), во главе которого в течение года стоял Фердинанд Лассаль. После смерти Лассалья организация переживала кризис, связанный с внутренними распрями и борьбой за власть между лидерами Союза. Одним из таких лидеров была графиня Софья фон Гацифельдт (1805–1881).

Лассаль познакомился с графиней в январе 1846 года в доме известного общественного деятеля Варнгагена фон Энзе. Судьба этой сорокалетней женщины, ее неравная борьба с мужем глубоко взволновали молодого Лассалья. Софья фон Гацифельдт в 1822 году семнадцатилетней девушкой вышла замуж за своего кузена Эдмунда фон Гацифельдта, одного из богатейших магнатов Германии. Брак должен был примирить враждующие семьи внутри клана Гацифельдт. Вскоре Софье стало ясно, что брак не удачен. Ссоры, неурядицы, конфликты с мужем следовали один за другим. Граф обвинял свою жену в неверности, легкомыслии, беспечности. Отношение графа Эдмунда не изменилось и после появления детей: двух сыновей и дочери. Пользуясь огромными связями и влиянием, граф лишил свою супругу средств к существованию, изолировал от нее старшего сына, дочь поместил в иезуитский монастырь под Веной, а к середине 1840-х годов решил забрать и младшего сына Пауля¹. Именно судьба Пауля сильно беспокоила графиню, так как он не мог претендовать на фамильный май-

орат, а мог рассчитывать только на наследство, определенное ему в завещании родителей.

Влиятельные родственники графини, пользовавшиеся поддержкой при прусском дворе, пытались на семейном совете образумить графа Эдмунда, добиться от него изменения в отношении к жене, но все попытки были безрезультатными. Когда С. фон Гацифельдт решила прибегнуть к защите своих прав через суд, она лишилась поддержки родственников, осуждавших теперь ее за предание гласности фактов поведения члена их семейного клана². Именно в таком одиноком, беззащитном положении и застал графиню Лассаль в начале 1846 года. Он решил один, собственными силами, несмотря на могущество противников, оказать графине помощь в получении развода и в разделе имущества³. Лассаль объявил войну в защиту не только «отдельной индивидуальности», но против феодальной системы, жертвой которой в глазах Лассалья была графиня. «Я видел перед собой в лице одной индивидуальной жизни олицетворение всех неправд прошедшего жизненного строя, олицетворение всех злоупотреблений власти, силы и богатства, направленных против слабого, все нарушения наших общественных прав»⁴.

Летом 1846 года Лассаль вместе с графиней переехал из Берлина в Рейнскую область, он бывал в Дюссельдорфе, Кельне, Аахене, Кобленце, где собирал сведения о поведении графа, занимался подготовкой к судебным процессам. В 1847 году он дважды привлекался к суду по иску графа, но оба раза был оправдан. Тогда же, в 1847 году, он стал через прессу призывать обществен-

ное мнение к осуждению графа. Лассаль пытался через газетные сообщения придать процессу социальную и политическую окраску, а свою борьбу за достижение графиней финансовой независимости представить как политическую борьбу за социальную свободу [2; 32].

В 1847 году произошло событие, известное как «Дело о краже шкапулки». До С. фон Гацфельдт дошли сведения, что граф Эдмунд сделал своей любовнице баронессе Мейендорф денежный подарок в форме контракта на пожизненную ренту, который отнимал наследство у младшего сына Пауля. Для Лассалья было необходимо узнать содержание документа, а затем опротестовать его через суд. Следить за баронессой стали друзья Лассалья – Мендельсон и Оппенгейм, которые и украли у Мейендорф 20 августа 1847 года шкапулку, где, по их мнению, находилась дарственная запись. Вскоре Оппенгейм был арестован, а Мендельсон бежал во Францию. Через некоторое время к судебной ответственности был привлечен и Лассаль как интеллектуальный вдохновитель преступления. Его арестовали в Берлине 20 февраля и продержали под арестом до начала августа, сам суд состоялся с 5 по 11 августа 1848 года. Во время следствия в поддержку Лассалья выступила вся демократическая пресса Рейнской области. Особую активность проявляла «Новая Рейнская газета», редактируемая К. Марксом, которая из номера в номер информировала своих читателей о ходе следствия, о всех нюансах дела графини. Газета старалась представить графа Э. фон Гацфельдта ярким реакционером, подчеркивала в его поступках не моральные ошибки супруга, а проявление беззакония, характерного для всей Германии [2; 33].

На суде Лассаль выступил с превосходной многочасовой речью. Он представлял этот процесс как месть погибшей в революции аристократии, как тенденциозный процесс против борца за социальную справедливость [2; 33]. Выступление Лассалья оказало должное воздействие на присяжных заседателей, подсудимый был оправдан. Участие в процессе Гацфельдт принесло Лассалю широкую известность как блестящему оратору, адвокату и борцу за справедливость.

Осенью 1848 года Лассаль и Гацфельдт находились под постоянным наблюдением полиции. Дом Гацфельдт в Дюссельдорфе был открыт для всех поборников демократии, сторонников революции, среди посетителей были К. Маркс, Ф. Энгельс, поэт Ф. Фрейлиграт. То, что графиня, представительница древнего аристократического рода близко общается, проживает в одном доме с выходцем из третьего сословия, евреем, мужчиной, который младше ее на 20 лет, будоражило, эпатировало общественное мнение и вызывало скандалы.

Около восьми лет потребовалось Лассалю для достижения победы, в тридцати шести судах он вел процессы, пока в 1851 году брак С. фон Гацфельдт не был расторгнут, а в 1854 году было достигнуто финансовое соглашение между сторонами. За годы процесса графиня и Лассаль сдружились. С. Гацфельдт стала самым верным и преданным другом Лассалья. Она сопровождала его во время поездок, в частности, в 1861 году они встречались в Италии с Дж. Гарибальди, была первым читателем его произведений и финансировала политические акции.

Во время президентства Лассалья в ВГРС Гацфельдт всемерно поддерживала своего друга. После смерти вождя (август 1864 года), как это часто бывает, началась борьба за власть между его соратниками. В этой борьбе участвовали ближайшие соратники Ф. Лассалья – Б. Беккер, графиня С. фон Гацфельдт, И. Б. фон Швейцер. Так или иначе в этой борьбе принимал участие К. Маркс, желая видеть одним из лидеров ВГРС своего ставленника В. Либкнехта [1; 31].

На декабрьском генеральном собрании 1864 года в Дюссельдорфе было высказано предложение об объединении постов президента и секретаря Союза. Это объяснялось необходимостью достижения внутреннего единства в организации. Хотя на собрании Б. Беккер выступил за исключение из ВГРС Ю. Вальтейха, и таким образом пост секретаря остался бы вакантным, С. Гацфельдт выступила против этого, в ее глазах совмещение двух постов было выступлением против воли Лассалья. Графиня опасалась, что это может привести к диктатуре внутри организации. На этом же собрании Б. Беккер выступил с обращением к делегатам, в котором содержался намек на нежелательность контактов с I Интернационалом, так как это может только навредить ВГРС.

В ходе дюссельдорфского собрания С. фон Гацфельдт убедилась в том, что Б. Беккер является дезорганизующей силой в Союзе, и начала действовать. Первый ее шаг заключался в том, что она поддержала оппозиционные группы в Союзе, которые выступали против Б. Беккера.

За присоединение ВГРС к Интернационалу выступали не только оппозиционеры внутри Союза, в этом был заинтересован и К. Маркс, который имел свои далеко идущие планы. В письме К. Зибелю от 22 декабря 1864 года Маркс подчеркивал, что необходимо ВГРС присоединить к Интернационалу, а затем взорвать организацию⁵. Та опасность, которая исходила для Союза от Маркса, была видна все той же С. Гацфельдт. Она рассматривала Маркса как полного антипода Лассалья, как человека, постоянно интригующего. «Сохрани нас Бог от таких политиков!» – писала графиня в одном из писем [3; 156]. Но не все в ВГРС разделяли эту точку зрения. Еще 11 ноября 1864 года И. Б. Швейцер направил

Марксу и Энгельсу письма, в которых изложил концепцию новой газеты и предложил сотрудничество. Оба поначалу скептически отнеслись к данной затее, полагая, что не смогут сотрудничать с изданием, где присутствуют С. Гацфельдт и Б. Беккер. Однако в редакцию был приглашен В. Либкнехт, после чего Маркс и Энгельс дали свое согласие.

15 декабря 1864 года вышел пробный номер газеты «Социал-демократ». Здесь были опубликованы адрес Первого Интернационала, письмо Маркса С. Гацфельдт, в котором он скорбит о смерти Лассалю, большая статья, инициатором которой выступила графиня. В статье с особой очевидностью просматривалось возвеличивание Лассалю, именно она положила начало культа Лассалю в германском рабочем движении.

Конфликт внутри редакции газеты начался тогда, когда Швейцер и Беккер стали пропагандировать бисмарковскую политику. Начиная с 8 января 1865 года Швейцер публикует серию статей под общим названием «Министерство Бисмарка и правительства средних и мелких германских государств», в которой со всей резкостью выступил против партикуляризма мелких германских государств и приветствовал шаги Пруссии по объединению страны. Эта публикация вызвала крупный скандал. 23 февраля 1865 года Маркс и Энгельс выступили против «королевско-прусского государственного социализма» и публично заявили о своем выходе из редакции «Социал-демократа»⁶. По той же причине редакцию покинули И. Ф. Беккер, Г. Гервег, В. Либкнехт. Сама С. Гацфельдт поддерживала лассалевский взгляд на объединение страны, но она прекрасно понимала, что линия «Социал-демократа» будет иметь далеко идущие отрицательные последствия. Она видела в этой линии, как и Маркс, поддержку Бисмарку, если не союз с последним. И тогда графиня решила на разрыв с «Социал-демократом» и стала оказывать действенную помощь К. Бруну и его газете «Северная звезда», которую графиня считала единственной газетой ВГРС.

Неизбежной реакцией на оппозиционные голоса в Союзе были ответные шаги Б. Беккера и И. Б. Швейцера. На 12 марта 1865 года Б. Беккер назначил в Бармене съезд рабочих союзов Рейнско-Вестфальской области. Главную задачу, которую ставил перед собой президент ВГРС, — добиться вотума доверия, поддержки со стороны рабочих, как для себя лично, так и для «Социал-демократа». В принятой на собрании резолюции отмечалось, что правительство действительно собирается отменить трехклассную избирательную систему и ввести всеобщее избирательное право. Таким образом, одна из целей рабочего движения будет достигнута. Эта резолюция вызвала се-

рьезные противоречия, так как в ней содержался намек на поддержку правительства Бисмарка.

Гацифельдт пыталась объединить все оппозиционные силы и направить их на борьбу против Беккера и Швейцера. Но выступала графиня и против другой стороны — Маркса, Энгельса и Либкнехта. Она считала, что своей борьбой две названные «партии» могут полностью разрушить Союз.

Новый конфликт случился в ВГРС тогда, когда И. Ф. Беккер выступил от имени оппозиции с резолюцией, в которой требовал, чтобы во главе Союза стоял не президент, а директория в составе трех человек. Гацифельдт восприняла эту инициативу как новую интригу. Она обратилась за поддержкой к М. Гессу, и он 19 августа 1865 года опубликовал в «Северной звезде» статью «Предупреждение», направленную против плана И. Ф. Беккера. За спиной Беккера явно стояли Маркс и Энгельс. Благодаря стараниям графини и ее приверженцев марксистско-беккеровская оппозиция внутри Союза провалилась. В результате своей бурной деятельности С. фон Гацифельдт добилась не только выхода И. Ф. Беккера из ВГРС и устранения оппозиции, но и вынудила Б. Беккера уйти с поста президента ВГРС.

Внутри Союза укреплял свои позиции новый лидер — К. В. Тельке. Именно с ним графиня встретила в марте 1866 года, в ходе беседы Гацифельдт обещала Тельке поддержку, а от него требовала следовать ее линии. Тельке от такого предложения отказался. Надо отметить, что Тельке был крупным теоретиком ВГРС и крупнейшим оратором партии. На митингах и собраниях, где он выступал, собирались тысячи человек, в качестве оратора он был сравним с Лассалем.

Сама С. Гацфельдт не только боролась со своими многочисленными противниками, но и активно участвовала в партийной жизни. Она организовывала праздники для рабочих, денег на эти мероприятия не жалела. Все было обставлено с большой пышностью — снимались самые большие помещения, которые украшались цветами, портретами и бюстами Лассалю. На таких собраниях звучали прославляющие его речи, рабочих призывали вступать в ВГРС и идти по пути, намеченному Лассалем. По мнению одного из членов Союза Ю. Ретинга, графиня истратила на агитацию примерно 5000 талеров, огромные по тем временам деньги [3; 199]. Нередко Гацифельдт встречалась с враждебным к себе отношением со стороны рабочих. Например, на одном из собраний в ходе выступления графини раздавались возгласы: «Мадам, убирайтесь домой! Мы хотим побеждать лучшим оружием, чем бабы!» [3; 205]. Продолжалась вражда графини со Швейцером, он постоянно обвинял Гацифельдт как агента правительства Бисмарка. Хотя «Социал-демократ»

поддерживал его политику, когда начиная с 1866 года Бисмарк стал объединять страну, Гацфельдт разделяла идею объединения страны, ее лозунг звучал: «Через единство к свободе!» По ее мнению, необходимо было достичь строго единого и неделимого государства. «Единство Германии — это историческая задача Пруссии», — считала графиня. Хотя по принципиальным вопросам расхождений со Швейцером было не так и много, Гацфельдт рассматривала его как личного врага. Здесь дело обстояло следующим образом: графиня считала именно себя самым верным последователем Лассалля, именно она одна могла правильно интерпретировать положения его теории, верно направлять деятельность партии, вести рабочий класс к намеченным Лассалем целям. В теории Лассалля она выделяла два самых важных положения: 1) развитие свободы; 2) отмена всех привилегий. Кроме того, графиня обладала средствами, из которых она финансировала деятельность ВГРС. Не без участия Гацфельдт популярность «Социал-демократа» в 1866 году несколько снизилась, газета имела всего 220 подписчиков. Графиня приложила руку к тому, что Швейцер не с первого раза был избран депутатом рейхстага Северогерманского Союза. Противостояние со Швейцером и «Социал-демократом» вылилось в раскол организации. После очередного генерального собрания, состоявшегося в мае 1867 года, на котором Швейцер был избран президентом ВГРС, графиня решила создать собственную организацию. 16 июня 1867 года в Дрездене произошло образование нового Союза, который стал называться Лассалевский Всеобщий Германский Рабочий Союз (ЛВГРС). Президентом стал Ф. В. Э. Фёрстерлинг.

Гацифельдт полагала, что примерно пятая часть членов ВГРС перейдет в ее Союз. Наибольшей популярностью новая организация пользовалась в Саксонии, Шлезвиг-Гольштейне, Бремене. У ЛВГРС вскоре появился свой печатный орган — «Свободная газета». Первоначально она издавалась в Гамбурге, затем в Лейпциге. Программа газеты заключалась в проведении линии на достижение политики «права, справедливости и истории». В первый год издания газета занималась распространением культа Лассалля, публиковала работы вождя, часто сравнивая его с мессией.

Уже в скором времени ЛВГРС столкнулся с обычными проблемами — кадровыми и финансовыми. Без поддержки Гацфельдт он вряд ли смог преодолеть названные препятствия. Кроме того, имели место старые раздоры между «гацифельдовцами» и «швейцерами». В качестве успеха молодой организации можно назвать победу на выборах в рейхстаг Северогерманского союза Фёрстерлинга.

В 1869 году произошло образование Социал-демократической рабочей партии (эйзенахцы),

в этом же году произошло важное событие — объединение ВГРС и ЛВГРС. Поводом к сближению двух Союзов стал арест президента ЛВГРС Ф. Мендеса, последовавший 24 апреля 1869 года. За него вступился в рейхстаге И. Б. Швейцер. Уже 18 июня 1869 года в «Социал-демократе» и «Свободной газете» было напечатано совместное заявление Швейцера и Мендеса о воссоединении на основе устава ВГРС, разработанного Лассалем. Современники охарактеризовали этот шаг Швейцера как «государственный переворот», так как были ликвидированы демократические принципы руководства, установленные генеральным собранием Союза в Бармен-Эльберфельде весной 1869 года. Швейцеру удалось добиться восстановления диктаторских полномочий президента и своего избрания на эту должность. «Государственный переворот» привел к выходу из ВГРС наиболее передовых его членов. После объединения двух лассалевских организаций политическую арену покинула и графиня С. фон Гацфельдт.

На наш взгляд, бурная политическая деятельность графини Гацфельдт объясняется, во-первых, тем чувством благодарности, которое она всю жизнь испытывала к Лассалю, поэтому и старалась после его смерти продолжить дело первого президента ВГРС. Во-вторых, графиня еще в 1846 году впервые бросила вызов обществу, отстаивая свои права в суде; теперь же она хотела показать общественности и власти, что женщина в Германии способна к участию в политике, готова к эмансипации.

Обращает на себя внимание активность, боевой дух этой уже немолодой ко второй половине 1860-х годов женщины. Можно по-разному относиться к тем методам борьбы, которыми пользовалась Гацфельдт, — осуждать их или оправдывать. Учитывать надо то, что такими же средствами пользовались и ее противники — И. Б. Швейцер, К. Маркс, другие политики.

Роль С. фон Гацфельдт в истории германского рабочего движения была неоднозначной. Большинство исследователей, таких как Ф. Меринг, Г. Майер, Г. Хюммлер, Ш. Нааман, считают ее дезорганизующей силой внутри ВГРС, интриганкой, стремившейся к диктаторской власти. Безусловно, в таком подходе есть существенная доля истины. Нам же хотелось обратить внимание на положительные стороны деятельности С. фон Гацфельдт. Без ее финансовой помощи была бы невозможной большая издательская работа, мощная агитация, которая велась и Лассалем, и его последователями. На наш взгляд, деятельность Гацфельдт способствовала эмансипации женщин в Германии, их более активному включению в политическую жизнь общества. И, наконец, в ходе агитации, которая проводилась лично Гацфельдт в Германии, распространялись социалистические идеи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лассаль Ф. Автобиография. СПб., 1882. С. 58.
- ² Там же. С. 59.
- ³ Там же. С. 62.
- ⁴ Там же. С. 60.
- ⁵ Маркс К. – Зибелю К. Письмо от 22 декабря 1864 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 369.
- ⁶ Маркс К. Кугельману Л. Письмо от 23 февраля 1865 г. // Там же. С. 383.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суворов Ю. В. Страницы истории германской социал-демократии. Ч. 1. Петрозаводск, 2013. 48 с.
2. Суворов Ю. В. Ф. Лассаль: Штрихи к политическому портрету. Петрозаводск, 1997. 159 с.
3. Kling-Mathey C. Sofia von Hatzfeldt. Bonn, 1989. 333 s.

Suvorov Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

SOPHIA VON HATZFELDT. AT THE ORIGINS OF GERMAN SOCIAL DEMOCRACY

The article is focused on the role of Countess Sofia von Hatzfeldt in the development of the German Social Democracy. Since 1846 Hatzfeldt was one of the most loyal friends of Ferdinand Lassalle; she financed his political activities – creation of the Workers' Party is one of the strong evidences of her support. After Lassalle's death Hatzfeldt contended with numerous "enemies" of Lassalleism, propagated the cult of her idol, organized meetings with workers, created and actually superintend Lassalle's General German Association. It is reasonable to ask how a representative of Prussian aristocracy could become one of the leaders of the labor movement. How could a woman living in the middle of the XIX century even dare to participate in the political struggle? The author of the article tries to answer these questions. Hatzfeldt's role in the history of German labor movement was controversial. Most of the researchers considered her a schemer who aspired to power. The author pays special attention to the positive aspects of the "Red Countess" activities and, in the first instance, to the expansion of socialist and feminist ideas in Germany.

Key words: Sofia von Hatzfeldt, Ferdinand Lassalle, social democracy, lassalleism, the General German Workers' Association, the Lassalle's General German Workers' Association, opportunism

REFERENCES

1. Suvorov Yu. V. *Stranitsy istorii germanskoy sotsial-demokratii. Ch. 1* [Pages on the history of German social democracy. 1 parts]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 2013. 48 p.
2. Suvorov Yu. V. *F. Lassal'. Shtrikhi k politicheskomu portretu* [F. Lassalle. Strokes to the Political Portrait]. Petrozavodsk, PetrSU Publ., 1997. 159 p.
3. Kling-Mathey C. Sofia von Hatzfeldt. Bonn, 1989. 333 s.

Поступила в редакцию 23.04.2015

СВЕТЛАНА НИКОЛАЕВНА ФИЛИМОНЧИК

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
syrsa@yandex.ru

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ КАРЕЛИИ В 1918 – НАЧАЛЕ 1920-х ГОДОВ

Охарактеризованы социально-политические и культурные факторы, определившие развитие театрального искусства Карелии в послереволюционную эпоху. Показано, что инициатором создания профессионального театра стал Олонецкий губисполком. Государственное финансирование способствовало знакомству с театральным искусством рабочих, крестьян, красноармейцев и приобщению малообразованных слоев населения к культурному наследию. Раскрыто значение работы в провинции в условиях бедствий Гражданской войны ряда режиссеров и актеров столичных театров, прежде всего Александринского. Их деятельность определила высокий художественный уровень театральных постановок. На материалах Карелии проведен анализ дискуссий о роли театра в революционную эпоху. Представители властных структур видели в театре действенное средство идеологического воздействия, актеры и режиссеры подчеркивали эстетическое начало в театральном творчестве. Театральные диспуты, рецензии, чествования актеров, различные мероприятия просветительского характера с участием театра автор статьи характеризует как определенный опыт общественного диалога, сохранявшегося в условиях военного и политического противостояния.

Ключевые слова: культурная политика, театральное искусство, общественное сознание

История театра в послереволюционную эпоху активно изучалась советскими искусствоведами. В 1960 – первой половине 1980-х годов опубликованы исследования Б. В. Алперса, Д. И. Золотницкого, Г. А. Хайченко, А. З. Юфита [1], [11], [28], [32], обобщающие труды по истории театра [14], [15], [16]. В этих книгах охарактеризованы основные тенденции в развитии театрального искусства, проанализировано творчество выдающихся российских режиссеров и актеров, прослежена история столичных театров. В 1918 году в России действовало 250 театров [10; 208], однако история ряда интересных в творческом отношении коллективов, прежде всего работавших в провинции, в монографическом плане не получила должного освещения, хотя их влияние на культурную и общественную жизнь российских регионов было существенно.

Театральное искусство Карелии в интересующий нас период рассмотрено в работах В. И. Кийранен, С. В. Колосенка, П. Е. Никитина, С. Д. Тогатова и др. [17], [18], [21], [26]. Авторами первых работ о театре являлись актеры, режиссеры, а также ответственные работники министерств и ведомств. В центре их внимания находились достижения сценического искусства, творчество ведущих мастеров, постановочная культура. В 1960–1980-е годы история театра Карелии стала предметом научных исследований историка А. И. Афанасьевой [3], [4], [5]. Ею рассмотрены взаимоотношения театра и властных структур, показано влияние исторического контекста на театральную культуру и воздействие театра на общественное сознание.

Ликвидация цензуры и ослабление идеологического контроля способствовали активизации изучения театра как социокультурного института. В постсоветское время более полно стала характеризоваться культурная политика советского государства. В исследованиях В. С. Жидкова подчеркивается, что с первых послеоктябрьских дней большевистское правительство относилось к театру как к инструменту решения государственных задач – прикладных, лежащих вне сферы искусства [10; 185]. Л. В. Борисова полагает, что стратегия и тактика, избранная большевиками по отношению к театральной интеллигенции, не была столь разрушительна, как в других сферах, и была направлена на сохранение культурного наследия [8; 106].

В последние годы в Карелии ценные исследования по истории театров второй половины XX века опубликовали Ю. Д. Генделева и И. В. Шорохова [9], [30], [31]. В то же время остается недостаточно изученным процесс становления профессионального театра в нашем крае. Целью данной работы является изучение социально-политических факторов и культурной среды, определявших развитие театрального искусства Карелии, воздействие театра на жизнь местного сообщества в 1918 – начале 1920-х годов.

Первая попытка организовать в Петрозаводске профессиональный театр была предпринята в 1906–1910 годах антрепренером И. Ф. Савельевым на сцене Народного дома. Ставились преимущественно развлекательные пьесы. Когда здание Народного дома сгорело, труппа распалась. С 1912 года в общественном саду губернского

города работал Летний театр, на сцене которого эпизодически проходили гастрольные спектакли драматических трупп из Петербурга [13; 130], [24; 176–177].

Формирование профессионального театра в Карелии ускорила революционная эпоха. Восстание большевиков в Петрограде многочисленная интеллигенция Олонецкого края восприняла настороженно. Те же, кто примкнул к революционерам, стремились, невзирая на усугубляющийся экономический кризис и падение уровня жизни, показать созидательный потенциал новой власти. В январе 1918 года при Олонецком губернском Совете начал активную работу комиссариат просвещения во главе с преподавателем гимназии В. М. Парфеновым. В составе наркомата создан подотдел искусств, включавший три секции: театральную, музыкальную и изобразительных искусств. В 1918 году в Петрозаводске открылся народный университет, начали работу симфонический и духовой оркестры, детская музыкальная школа, опубликован сборник стихов местных поэтов, открылся рабочий клуб [24; 230–238].

В феврале 1918 года, когда были национализированы частные кинотеатры Петрозаводска, Олонецкий губисполком решил передать здание кинотеатра «Триумф» народному театру и обратился в Наркомпрос РСФСР, просветительные учреждения Петрограда с просьбой направить на работу в губернский город артистов и режиссеров [4; 94–95]. Численность населения Петрозаводска в это время не превышала 19 тыс. человек. На призыв олонецких артистов откликнулся ряд артистов старейшего государственного театра России – Александринского. На его сцене традиционно с большим успехом шла русская классика, имена Грибоедова, Гоголя, Островского не сходили с афиш. В то же время провал в Александринском театре «Чайки» в 1896 году показал необходимость учета новых веяний в драматургии, важность повышения постановочной культуры. Ориентируясь на МХТ, режиссеры П. П. Гнедич, А. А. Санин стремились усилить психологизм актерской игры, подчеркнуть многогранность характеров сценических героев. В начале XX века в Александринском театре успешно ставились чеховские пьесы, произведения других современных авторов, в том числе западных [25; 135–150].

В 1908–1917 годах главным режиссером этого театра являлся В. Э. Мейерхольд, под руководством которого в Александринском театре был переосмыслен сценический опыт, обновлены художественные приемы, в основе которых лежали метафоричность, образы-маски, пластический гротеск, эксцентрическое заострение игровых моментов, пространственное соединение сцены со зрительным залом. Наиболее полно модель метафорической режиссуры Мейерхольда представил спектакль «Маскарад», вызвавший бурную полемику в печати о современном виде-

нии классической драмы, о реализме и условном театре. В марте 1917 года А. Бенуа писал: «Какой блестящий, расточительный фейерверк этот беззаботный спектакль, который приготовили в бывшем императорском театре точно нарочно к грозным дням переворота!» [20; 358, 497].

Переход власти в руки Советов труппа Государственного театра драмы (так с 1917 года стал называться Александринский театр) встретила десятидневным бойкотом. В ноябре 1917 года представления возобновились. Однако через некоторое время покинула Россию выдающаяся актриса Е. Н. Рощина-Инсарова, ушли из театра корифеи труппы В. Н. Давыдов, Ю. М. Юрьев. Многие молодые актеры не могли продолжать работу в столичном городе из-за голода и материальных лишений и уезжали в провинцию.

Весной 1918 года, спасаясь от бедствий Гражданской войны, группа актеров Александринского театра под руководством режиссера Н. В. Петрова прибыла в Петрозаводск. Николай Васильевич Петров (1890–1964), окончив режиссерский класс МХТ, руководимый В. И. Немировичем-Данченко, в 1910 году начал работу помощником режиссера в Александринском театре. В 1915 году он дебютировал на императорской сцене как режиссер в новой пьесе Л. Андреева «Тот, кто получает пощечины». В это время Петров сблизился с Мейерхольдом, был его ассистентом в работе над «Маскарадом» [15; 100]. Петров получил преподавательский опыт, работая в драматической школе при Александринском театре. Молодого режиссера хорошо знали в Петрозаводске по успешным гастролям летом 1916 года [23; 22–127].

5 июня 1918 года труппа открыла летний сезон в Петрозаводске спектаклем по драме М. Горького «На дне». Пьеса была «разыграна образцово»¹. За лето труппа Петрова поставила 38 пьес, в том числе: «Идиот», «Вишневый сад», «Гроза», «Не все коту масленица», «Месяц в деревне» и др. Как обычно, в летний репертуар включались и мелодрамы – публика была довольна, а губернская газета сетовала: «А все же жаль тратить такие силы на постановку вещей, от которых ничего не остается ни для ума, ни для сердца»².

Вечерами в «Триумф» спешили, как правило, служащие учреждений, интеллигенция. Перед революцией в Петрозаводске проживало 120 преподавателей средних и средних специальных учебных заведений, 24 врача, несколько десятков инженеров и техников [4; 24]. Неизбалованные петрозаводские зрители были восхищены столичным театром. В газетных отчетах эмоционально описывались «бесконечные овации», «потрясающее впечатление», «безукоризненное исполнение». Рецензенты подчеркивали глубокое проникновение в характер своих героев П. И. Лешкова, артистическую энергию К. Н. Вертышева, силу чувств А. П. Есипович, искренность, лиризм Н. С. Рашевской. С первых

минут захватывала внимание зрителей своей яркой игрой Е. П. Корчагина-Александровская³.

Сотрудники губернского ОНО убедили Н. В. Петрова взять на себя организацию и руководство зимним театральным сезоном в Петрозаводске. Театр был принят на государственное содержание. В сезон 1918/19 года почти треть, в следующий сезон – половина спектаклей были бесплатными. Значительная часть мест на платные постановки выделялась общественным организациям [4; 98].

Эти меры позволили расширить зрительскую аудиторию за счет рабочих, мелких служащих, подростков-учащихся. Высокий уровень художественных постановок определил популярность театра среди горожан. Спектакли шли с неизменным аншлагом. В газетной заметке читаем: «Редко можно было достать билет в театр накануне спектакля независимо от цены места. В день же спектакля добыть билет нельзя было никакими способами»⁴. В то же время в газете отмечалась с горечью «крайняя некультурность, проявляемая нечуткой частью зрительного зала»⁵. Отчасти это было связано с тем, что среди зрителей стали преобладать «пришедшие организованно». Многие зрители не обладали необходимой театральной культурой, не имели должного художественного опыта.

Невзирая на это театр стремился понять нового зрителя. «Жажда деятельности заставляла нас искать новые формы общения со зрителем», – вспоминал Н. В. Петров [23; 173]. Перед спектаклем режиссер представлял свое толкование пьесы, рассказывал о драматургии, историческом контексте. После спектакля зрителям предлагалось заполнить опросные листы, поделиться впечатлениями. Была организована «Школа зрителя»: Н. В. Петров проводил доклады об искусстве театра: «Движение действия в спектакле», «Внутренний диалог на сцене» и др. Во втором отделении артисты исполняли отрывки, поясняя тезисы доклада. В духе времени просветительский вечер в «Триумфе» могли назвать митингом. Так, 10 февраля 1919 года на вечернем митинге были заслушаны доклады «Театр и радость», «От театра для себя к футуризму», а после перерыва устроен диспут. Активными участниками этого митинга были не только режиссер Петров, но и местные театралы – врач М. Ф. Леви, учитель Т. Леонтьев и др.⁶ Статьи Н. Петрова о театре публиковались в бюллетене подотдела искусств.

За первый зимний сезон было поставлено 88 спектаклей. Основу репертуара составила классика. В Петрозаводске шли «Горе от ума», «Ревизор», «Коварство и любовь» и другие знаменитые пьесы. Приоритет отдавался драматургам конца XIX – начала XX века. Зимой 1918/19 года было поставлено 5 пьес Л. Андреева, в репертуар входили пьесы А. Чехова, Г. Ибсена, Г. Гауптмана и др. С другой стороны, Н. Петров охотно ста-

вил французские комедии, а для своего бенефиса выбрал французский водевиль «Соломенная шляпка».

В газетных рецензиях строго разбирались оплошности, недочеты спектаклей. Так, спектакль «Власть тьмы» по произведению Л. Толстого рецензент Олонь назвал «провинциализмом дурного тона», а из впечатлений после спектакля «Лес» по Островскому выделил чувства досады и скуки⁷. Однако в печати доминировало общее восхищение мастерством труппы старейшего российского театра, ее слаженностью («работала как стройный ансамбль»). Особенно тепло в этот сезон публика принимала В. А. Македонскую и А. В. Турцевича. Сильное впечатление оставила их игра в «Горе от ума» Грибоедова, «Эльге» Гауптмана, «Савве» Андреева. В рецензиях на эти спектакли подчеркивалась способность передать полутона и нюансы чувств, цельность исполнения⁸. Характерно, что больше всего ценилась способность артиста передать тонкую гамму душевных переживаний героя.

У известного в Петрозаводске врача Максима Филипповича Леви местные любители искусств нередко устраивали музыкальные вечера, капустники, разыгрывали домашние спектакли. С радостью приняли в этом доме петроградских артистов. Во время дружеских бесед в доме М. Ф. Леви возникла идея создать творческий союз «Таранта». В памяти артистов еще свежи были вечера в «Бродячей собаке» – своеобразном артистическом клубе, созданном мастерами искусства в Петербурге в 1912 году. О создании «Таранты» известили телеграммой наркома просвещения А. В. Луначарского. Членами «Таранты» стали композитор Юрий Шапорин, командующий Онежской флотилией Эдуард Панцержанский. У артистического клуба появился свой гимн, своя «Свиная книга», продолжавшие традиции «Бродячей собаки». Был поставлен балет-пантомима «Тарантиана», написанная гостеприимным хозяином дома М. Ф. Леви. В недрах «Таранты» создана также оперетта «Наука любви» (автор М. Леви), в увертюре которой торжественно звучал гимн Союза. Состоялось несколько театрализованных клубных вечеров: «Рождение Таранты», «Прорезывается зуб», «Первый шаг» [23; 174, 539]. Своей главной целью члены «Таранты» провозгласили борьбу с провинциальной скукой и обывательщиной.

При театре Н. В. Петров создал студию, в которую после конкурсного отбора были приняты 30 юношей и девушек. Студийцам преподавали теорию драмы, технику движения, режиссуру. Занятия вели режиссеры Н. Петров, Е. Сергеев, Ю. Юрьин. Последний возглавил студию после отъезда Петрова. Студийцы участвовали в спектаклях, готовили показательные работы. В сентябре 1921 года состоялся первый выпуск. Спектакль студийцев «В городе» (автор С. Юшкевич) рассказывал о тяготах семьи безработного

Гланка в капиталистическом мире, при этом все-лял надежду, что вскоре жизнь бедняков переменится. Главные роли успешно сыграли А. Егоров, А. Корытова, Н. Лузгин, Е. Силаева, Я. Свирский, И. Биневич, Парижская и др. Зрители очень тепло приняли игру Е. Максимовой. «Удивительно сильно провела роль Сони Е. Максимова. Зал был буквально захвачен молодой артисткой», – писала газета⁹. Через несколько лет, поверив в свое призвание, выпускницы студии Екатерина Максимова, Софья Неелова, Анисья Рыбкина поступили в ленинградский Институт сценических искусств и стали профессиональными актрисами. По окончании учебы в сезон 1925/26 года А. И. Рыбкина играла в Петрозаводском театре [19; 118, 122–131].

Повседневная жизнь большинства горожан зимой 1919 года была полна тягот и лишений, и зрители спешили в «Триумф» в надежде получить заряд радости и энергии. Позже в газете на вопрос «Что дал нам петрозаводский театр?» ответят так: «Среди тяжелых будней, когда в силу необходимости только и говорили: о продовольствии, о ценах на продукты, что можно выменять, как выгодно выменять, какой кто получает паек, в каком из учреждений паек дается больше и т. д., мозг тупел от мучительных забот материального характера... Театр приютил нас как усталых путников и дал погреться у огонька»¹⁰.

Трудно жилось не только местным жителям – прибывшим в чужой город актерам было не легче. Горожане худо-бедно выживали за счет артелей Петрозаводского городского потребительского общества. На неосвоенных землях в пределах городской черты повсюду были разделаны огороды [13; 163], и горожане смогли запастись картошкой, овощами. Артисты такого подспорья не имели. Зима 1918/19 года была голодной.

Пытаясь сплотить свой коллектив в тяжелое время, в октябре 1918 года работники Народного театра драмы предприняли попытку создать профсоюз сценических деятелей Петрозаводска. Инициативу взял на себя режиссер Н. В. Петров. Профсоюз поставил перед собой две цели: поднять в городе театральное дело и улучшить условия труда и быта работников сцены. На общем собрании работников театра был утвержден Устав профсоюза. К вступающим предъявлялось единственное требование – наличие стажа работы в театральном предприятии не менее 1 года. Был избран исполком союза в составе Н. В. Петрова (председатель), К. Н. Вертышева и А. И. Смирнова¹¹.

Весной 1919 года интервенты и белые развернули наступление на Петрозаводск. В апреле финские отряды захватили Олонец, Пряжу, подошли к Сулажгоре. Петрозаводск готовился к обороне, началась эвакуация городских учреждений и населения. В мае 1919 года Н. В. Петров и часть труппы вынужденно покинули при-

фронтной город. В июне 1919 года все попытки финнов штурмовать Петрозаводск были отбиты. В ходе Видлицкой операции Онежская военная флотилия разгромила опорную базу интервентов, части Красной армии развернули общее наступление и к началу июля 1919 года освободили южную Карелию.

Как только линия фронта отодвинулась от Петрозаводска, стали устраиваться любительские театральные спектакли под руководством И. И. Рыбкина (Неволина) [23; 244], а в октябре 1919 года возобновил работу Народный театр драмы. Художественным руководителем театра стал актер Юрий Николаевич Юрьин (1890–1927). Одновременно он возглавил театральный подотдел губернского ОНО. 12 октября 1919 года пьесой А. Островского «Последняя жертва» начал новый сезон Народный театр драмы. В тот же день десантники Онежской флотилии освободили от белых д. Челмужи и продолжили наступление в Заонежье. Уже были разбиты под Лижмой войска противника, продвигавшиеся вдоль Мурманской железной дороги. 12 октября интервенты покинули Мурманск. Боевые операции в Карелии продолжались до поздней осени [12; 420–422].

Большую часть зрителей в театре стали составлять военнослужащие, выведенные в Петрозаводск из фронтовых районов. В начале 1920 года Народный театр драмы был переименован в Губернский театр драмы – тем самым подчеркивалась обязанность театра обслуживать зрителей не только Петрозаводска, но и других городов, а также отдаленных населенных пунктов. Осенью 1919 года по просьбе командования Онежской военной флотилии театр выезжал в Лодейное Поле. В 1920 году побывал на гастролях в Кончезере, Спасской Губе, Повенце, Пудоже [4; 102]. В зимний сезон 1919/20 года было показано 156 спектаклей, обслужено около 78 тыс. зрителей¹².

В губернской печати был остро поднят вопрос о том, какие спектакли театр должен предлагать красноармейцам, рабочим и крестьянам. «Островский с его обрисовкой темного царства постепенно уходит из нашего театрального репертуара», – настаивал один из корреспондентов¹³. Воспеванием пессимизма и уныния, «экзаменом на выдержку здоровым нервам» назвала газета спектакль по пьесе Л. Андреева «Савва»¹⁴. Неинтересны прибывшим с позиций бойцам пьесы, воспевающие тихое счастье обывателей, – был уверен рецензент спектакля по сказке Диккенса «Сверчок на печи»¹⁵.

В разгар военного противостояния сторонники Советов убеждали театр строить репертуар на основе пьес, рассказывающих о борьбе угнетенных и вселяющих веру в торжество социальной справедливости. Но таких пьес театр не имел. Тогда режиссер Ю. Н. Юрьин сам взялся за перо. 13 января 1920 года зрителям была представлена

драма «Его шаги». В этот вечер Юрьин предстал перед петрозаводчанами не только в привычном качестве (постановщик спектакля, исполнитель одной из ведущих ролей), но и впервые как автор пьесы. В ней рассказывалось о бедной еврейской семье, действие разворачивалось на фоне революции 1905 года. В газетной рецензии на спектакль особо отмечалось агитационное значение пьесы, то, что она «выдержана в бодрых, радостных, свежих, весенних тонах»¹⁶.

Успех первой пьесы вдохновил молодого автора. Всего в 1919–1927 годах им было написано 13 пьес, они входили в репертуар столичных театров, издавались большими тиражами [2; 143–147], [7; 31], [22; 35–36], [27; 104–111]. Среди них особой популярностью пользовался рассказывающий о движении Степана Разина «Сполошный зык». Для крестьянского самодельного театра была написана драма о борьбе старого и нового быта в деревне «Советский черт».

17 июля 1921 года в Летнем театре Петрозаводска торжественно отмечалось 10-летие сценической деятельности Ю. Н. Юрьина. Горожане преподнесли юбиляру цветы, подарки, адреса, желали новых творческих успехов [27; 111]. Осенью 1921 года Ю. Н. Юрьин возглавил в Петрозаводске передвижной театр, находившийся в ведении Мурманской железной дороги, но его работу в этом коллективе прервала болезнь. В 1922 году Юрьин вернулся в Петроград. К несчастью, болезнь не отступала. В самое трудное время пришла поддержка от Е. А. Максимовой, в прошлом учащейся театральной студии в Петрозаводске. В 1927 году режиссер получил разрешение выехать для лечения туберкулеза в Италию, в этой поездке больного и его маленькую дочь Наташу сопровождала Е. А. Максимова, через полгода на Капри она проводила Ю. Н. Юрьина в последний путь [6; 138–145], [29].

В 1920 году на территории части Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии была создана Карельская Трудовая Коммуна (КТК) – национальная область в составе РСФСР. Петрозаводск стал административным центром Олонецкой губернии (до ее упразднения в 1922 году) и КТК. Управление культурой в КТК находилось в ведении отдела народного образования Карисполкома. Организационным центром политико-просветительной и агитационной работы стал Карполитпросвет, созданный весной 1921 года в составе Карельского отдела народного образования. В губернском отделе народного образования продолжала работу театральная секция. В октябре 1920 года она разработала Положение о губернском театре и организовала театральную репертуарную комиссию, в которую вошли не только работники театра, но и представители политических и общественных организаций Петрозаводска. Целью комиссии называлась выработка репертуара, удовлетворяющего запросам пролетариата¹⁷.

Театральный сезон 1921/22 года стал одним из самых ярких в истории театра Петрозаводска. В местной печати его называли «чудным», подарившим «много прекрасных минут истинного счастья»¹⁸. Главным режиссером театра был назначен Николай Васильевич Смолич (1888–1968) – талантливый режиссер Александринского театра, широко образованный человек с университетской подготовкой (в 1905–1908 годах он обучался на историко-филологическом факультете Петербургского университета). Сезон 1921/22 года в Петрозаводске открылся драмой «Царь Федор Иоаннович». Постановщиком спектакля и исполнителем главной роли был Н. В. Смолич¹⁹. В 1921/22 году на петрозаводской сцене им были созданы также запоминающиеся образы князя Мышкина и барона Скарпия.

В состав труппы были приглашены видные артисты государственных театров, в том числе Н. П. Шаповаленко, Б. В. Харламов, И. Д. Калугин, М. В. Данилова, Н. А. Усачева, Б. А. Бертельс и др. Зрители высоко оценили исполнительское искусство этой звездной труппы. Театр вдохновлял, призывал к серьезной работе мысли, игра актеров захватывала зрителей²⁰. «Спектаклем высокой духовной ценности» называла местная печать драму по пьесе А. Дюма «Дама с камелиями». В спектакле были заняты М. В. Данилова, Н. В. Смолич, И. Д. Калугин, И. И. Неволин и др.²¹

20 марта 1922 года зал театра был переполнен – шел «Лес» Островского. Роль Счастливецца в этом спектакле играл юбиляр Николай Петрович Шаповаленко. Он работал в Александринском театре более 40 лет и принадлежал к той талантливой когорте артистов, которые составили славу театра. По окончании спектакля горожане сердечно поздравили артиста, в течение 5 последних сезонов работавшего в Петрозаводске. Юбиляру были переданы многочисленные адреса, подарки. Любимцу петрозаводской публики устроили овации²². Также тепло и сердечно в марте 1922 года было отмечено 15-летие творческой деятельности актера и режиссера Б. А. Бертельса²³.

Зимой 1921/22 года на севере Карелии возобновились военные действия с финскими интервентами и антибольшевистскими силами. Ревком вел призыв добровольцев и сбор средств для Красной армии, широко использовал на производстве трудовые повинности. Бедность и неустроенность жизни привели к росту заболеваемости. Смертность в городе была в два раза выше, чем в сельской округе. Жалованье артистам выдавалось все более обесценивавшимися «совзнаками» и не вовремя. Постоянные задержки зарплаты вынудили работников театра обратиться весной 1922 года с открытым письмом в местную газету. В нем артист Н. П. Юрьев отмечал, что в марте актеры не получили еще январской зарплаты. Напечатано это письмо было

уже посмертно, 22 марта 1922 года 27-летний Н. П. Юрьев скончался от сыпного тифа²⁴.

В условиях хозяйственной разрухи и политического кризиса, когда социальная опора действующей власти была невелика, немногочисленная партийная организация Петрозаводска (ее численность в 1922 году составляла 400 человек) активизировала пропагандистскую работу. В январе 1922 года Карполитпросвет организовал в Петрозаводске три диспута на тему «Театр сегодняшнего дня и его репертуар». 9 января основным докладчиком на диспуте выступил артист И. Д. Калугин. Он убеждал слушателей в том, что основными мотивами театрального спектакля всегда будут любовь и смерть, экзистенциальные идеи и переживания. И. Д. Калугина горячо поддержал режиссер Н. В. Смолич. Главное предназначение театра он видел в том, чтобы поддерживать и воспитывать «просто человека». Рассказав о диспуте, областная печать подвергла критике идеи, высказанные артистами. Газета отмечала, что Калугин «нанизал тяжеловесных витиеватых цитат из буржуазного кладезя премудрости»²⁵, но театр должен идти в ногу с жизнью страны, быть агитпунктом революционного строительства (впрочем, тут же признавалось, что прямолинейно понимать идею агитпункта нет необходимости). В полемику активно включился руководитель Карполитпросвета, член губкома партии Л. Г. Гершанович. Он был убежден, что «идея революционизирования искусства должна заявить о себе и в Петрозаводске»²⁶. В ответ артисты театра прислали в редакцию письмо, в котором утверждали, что «коммунисты выступили с запоздалыми, давно отзвучавшими требованиями», и, как бы они не усердствовали, основной ценностью искусства будет оставаться свобода творчества. В свою очередь редакция газеты заявила, что, пока жива революция, искусство будет служить ей и трудовому народу. На этом редакция сочла полемику законченной²⁷.

На диспуте 16 января И. Д. Калугин добродушно иронизировал над своей первой «туманной» речью, критически отозвался о старом театре, заявил о поддержке театральной реформы, в ходе которой театры были национализированы и стали финансироваться из госбюджета, и даже напомнил о своем участии в деятельности петроградского Пролеткульта. В то же время он вновь высмеял примитивные попытки постановок-агиток для рабочих и красноармейцев. Оратор призвал накапливать опыт революционного творчества, а пока опираться на классику. Обсуждение доклада было бурным, в прениях приняли участие 7 человек. Вновь с яркой речью выступил Н. В. Смолич. Он призывал театр прежде всего помогать развитию эстетического вкуса зрителей, учить их воспринимать, переживать красоту, наслаждаться ею. Театр призван создавать произведения, обладающие высоким эстетическим

качеством. Именно такие произведения способны оказать сильное духовное воздействие, подарить душевную радость, вдохновлять как зрителей, так и их создателей. Театр участвует в преобразовании мира, создавая красоту и тем самым одухотворяя, облагораживая мир. Представители Карполитпросвета такое понимание преобразовательской миссии театра сочли абстрактным и призвали театр более активно участвовать в воспитании трудящихся, в пропаганде среди народа классовых ценностей²⁸. Эти идеи вскоре после диспута раскрыл на страницах официальной печати Л. Гершанович. «Мы не утверждаем, что классический репертуар себя изжил, – писал он. – Классика развивает эстетический вкус, возвышает зрителя нравственно. Но мы хотим, чтобы театр лучше отзывался на те проблемы, которые волнуют народ, пролетариат»²⁹.

Через месяц газета с удовлетворением отмечала, что «артисты пошли навстречу потребностям пролетарской публики». Здание «Триумфа» и прежде постоянно использовалось для проведения съездов, конференций, совещаний. Теперь театр стал более активно участвовать в проведении государственных праздников. Именно в театре собирались в праздничные дни руководители КТК и Олонецкой губернии, партийные активисты. Перед началом представления выступали партийные ораторы, память погибших в боях за революцию зрительный зал читал минутой молчания. Правда, тематика пьес не всегда соответствовала празднику. Так, в день 5-летия Февральской революции была показана «Свадьба Кречинского». Впрочем, ответственные работники неудовольствия не высказали, «в курилке они оживленно делились впечатлениями от спектакля»³⁰.

Карполитпросвет попытался воплотить свои идеи о революционном театре в деятельности начинающих театральных коллективов. В мае 1921 года под его эгидой в Карельской Трудовой Коммуне открылся новый театр – Карельский. Художественным руководителем коллектива назначили Виктора Линдена, в административный орган – коллегия – вошли также В. Такала и А. Хямяляйнен. Труппу составили артисты Г. Сальминен, О. Куйттинен, Л. Ниеминен, С. Селандер, М. Келлосальми, Т. Лайтинен, Л. Котиярви, Х. Крангольм, Н. Синисало, дирижер О. Тюккюляйнен³¹. В Петрозаводске впервые появился театр, работающий на финском языке, для тех, кто его не знал, предполагалось печатать содержание пьесы на русском языке. Зрителям были представлены пьесы финских драматургов Т. Паккала «На сплавной реке», К. Хальме «Надломленный» и др. [21]. Большинство пьес имели острую социальную направленность. Так, пьеса «Накануне великого дня» до революции вообще была запрещена в Финляндии³². Летом 1921 года театр побывал с гастролями на севере Карелии.

14 октября 1921 года открылся передвижной театр Мурманской железной дороги. Художественное руководство его работой осуществляли Ю. Юрьин, Б. Деген-Ковалевский. Основу труппы составила молодежь, привлекались как профессиональные артисты, так и местные любители сцены. Одной из первых постановок стала пьеса М. Горького «На дне». Однако предпочтение, судя по названиям, театр отдавал пьесам развлекательного характера («Шутники», «Сердце не камень» и т. д.). В отличие от 1919 года теперь уже хвалили в печати «Сверчок у огня» Ч. Диккенса: «прекрасный, увлекательный спектакль»³³. С самого начала в театре сложилось правило: репертуар утверждал культотдел МЖД.

Помимо театров в Петрозаводске во время Гражданской войны успешно работал драматический театр в Олонце. В его труппу вошли эвакуированные из Петрограда профессиональные актеры Финогенова, Чарская, Сумбатова, Блюменау³⁴.

В начале 1920-х годов в КТК при поддержке уездных Политпросветов работало 18 любительских театров, в том числе 7 в Пудожском уезде. В самом Пудуже действовали два любительских театра – красноармейский и театр при клубе имени Карла Маркса. Клубным театром руководил профессиональный артист А. В. Даманский. Зрительный зал клуба был рассчитан на 340 зрителей, спектакли начинались в 9 часов вечера. Материальные и художественные возможности оставались весьма скромными, поэтому ставились в основном одноактные комедии или драмы. В 1921 году в Пудуже шли «Старики» А. Аверченко, «Горящие письма» П. Гнедича, «Искры пожара» Г. Ге и др. Часть сборов самодеятельные артисты передали в фонд помощи голодающим Поволжья. Любительский театр активно вовлекался в пропагандистскую работу. В 1922 году в клубе Пудожского театра в театрализованной форме обсуждалось произведение французского писателя О. Мирбо, героем которого являлся аристократ, ставший грабителем. Присяжные заседатели признали оригинального вора виновным в совершении проступка против частной собственности, но заслуживающим снисхождения: «он понял природу буржуазного общества». Суд принял решение послать вора для искупления вины в одну из опаснейших экспедиций³⁵.

В начале нэпа в условиях хозяйственной разрухи и голода было резко сокращено и передано

местным бюджетам финансирование культуры. В связи с прекращением государственного финансирования в 1922 года закрылся Карельский театр, завершили работу уездные театры. Губернский театр драмы решено было сохранить, но перевести его на самоокупаемость. Государство не устранилось полностью от финансовой помощи коллективу. Правительство Карелии неоднократно выдавало театру субсидии. Однако финансовые трудности театра нарастали. В 1923 и 1925 годах в связи с этим театр на несколько месяцев прерывал работу. 27 августа 1926 года СНК АКССР принял решение о закрытии драматического театра. Профессиональный театр в Петрозаводске возобновит свою работу осенью 1929 году в новых исторических условиях.

Таким образом, в 1918–1922 годах в Карелии был накоплен определенный опыт театральной работы в условиях государственного содержания. Власть прозорливо увидела в театре действенное средство политического и идеологического воздействия, поэтому всячески стремилась приобщить к нему широкие слои малообразованных граждан и ввести в репертуар ценные с точки зрения марксистской идеологии постановки. Финансовая, материальная, организационная поддержка государства способствовала тому, что театр стал одним из главных центров культурной жизни Петрозаводска. В значительной мере этому содействовало мастерство работников сцены – прежде всего актеров и режиссеров столичного Александринского театра. Взаимодействие столичной и провинциальной культур оказалось благотворным. Работа в Петрозаводске позволила артистам в период войны продолжить профессиональную деятельность, иметь признание зрителей, развить новые грани таланта. В условиях войны и политического противостояния театр помогал сохранять человечность, даря радость, тепло, веру в жизнь. Театр способствовал воспитанию художественного вкуса зрителей, приобщению их к искусству, являлся действенным средством просвещения. Он стал важным коммуникационным центром, местом встречи с земляками, сослуживцами, единомышленниками. Через театральные диспуты, встречи зрителей, обсуждение спектаклей в печати накапливался опыт диалога людей разных политических взглядов, что было важно в условиях жесткого гражданского и военного противостояния.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известия Олонецкого губернского Исполнительного Комитета Советов крестьянских, рабочих и солдатских депутатов. 1918. 9 июня.

² Известия Олонецкого... 1918. 18 июня.

³ Известия Олонецкого... 1918. 19 июля, 25 июля, 14 августа, 15 августа, 21 августа.

⁴ Олонецкая коммуна. Орган губернского комитета РКП(б), Олонецкого губисполкома, Мурманской железной дороги и политотдела Н-ской дивизии. 1919. 8 марта.

⁵ Известия Олонецкого... 1918. 23 ноября.

⁶ Олонецкая коммуна. 1919. 10 февраля.

⁷ Олонецкая коммуна. 1919. 22 января, 25 января.

⁸ Известия Олонецкого... 24 октября, 26 ноября, 28 ноября.

- ⁹ Коммуна. 1921. 21 сентября.
- ¹⁰ Карельская коммуна. 1922. 27 января.
- ¹¹ Известия Олонецкого... 1918. 19 октября, 19 ноября.
- ¹² Национальный архив Республики Карелия (далее НА РК). Ф. 2150 (Управление по делам искусств при Совете Министров К-ФССР). Оп. 1. Д. 17/207а. Л. 52.
- ¹³ Олонецкая коммуна. 1920. 14 апреля.
- ¹⁴ Олонецкая коммуна. 1920. 27 марта.
- ¹⁵ Олонецкая коммуна. 1919. 9 декабря.
- ¹⁶ Олонецкая коммуна. 1920. 15 января.
- ¹⁷ Олонецкая коммуна. 1920. 30 октября.
- ¹⁸ Карельская коммуна. 1922. 12 мая.
- ¹⁹ Коммуна. 1921. 25 октября.
- ²⁰ Карельская Коммуна. 1922. 27 января.
- ²¹ Карельская коммуна. 1922. 25 января.
- ²² Карельская коммуна. 1922. 25 марта.
- ²³ НА РК. Ф. 2150. Оп. 1. Д. 17/207а. Л. 54–55.
- ²⁴ Карельская коммуна. 1922. 23 марта, 6 марта.
- ²⁵ Карельская коммуна. 1922. 11 января.
- ²⁶ Карельская коммуна. 1922. 14 января.
- ²⁷ Карельская коммуна. 1922. 16 января.
- ²⁸ Карельская коммуна. 1922. 18 января.
- ²⁹ Карельская коммуна. 1922. 7 февраля.
- ³⁰ Карельская коммуна. 1922. 14 марта, 22 марта.
- ³¹ НА РК. Ф. 545 (Продовольственный комитет при Исполкоме КТК). Оп. 1. Д. 13/245. Л. 58–59.
- ³² Коммуна. 1921. 2 декабря.
- ³³ Коммуна. 1921. 27 октября.
- ³⁴ НА РК. Ф. 317 (Исполком Олонецкого уездного Совета). Оп. 1. Д. 1/22. Л. 15.
- ³⁵ НА РК. Ф. 298 (Отдел народного образования Пудожского уездного исполкома). Оп. 1. Д. 30/376. Л. 32.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алперс Б. В. Театральные очерки: В 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1977. 566 с.
2. А Пушкин Я. Один из первых // Театр. 1957. № 9. С. 143–147.
3. Афанасьева А. И. Массовое театральное движение в Карелии в первые годы Советской власти (1918–1920) // Научная конференция по итогам работ Института за 1963 год. Секция истории, археологии, этнографии: Тезисы докладов. Петрозаводск, 1964. С. 17–20.
4. Афанасьева А. И. Великий Октябрь и становление советской культуры в Карелии (1918–1927 гг.). Петрозаводск: Карелия, 1983. 238 с.
5. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. (1928–1940 гг.). Петрозаводск: Карелия, 1989. 279 с.
6. Батцер И. М. Любовь Рамзая // Война у каждого своя. Петрозаводск, 2005. С. 138–145.
7. Богуславский А. О., Диев В. А., Карпов А. С. Краткая история русской советской драматургии. М.: Просвещение, 1966. 347 с.
8. Борисова Л. В. Театральная интеллигенция и советское государство в 20-е годы // Отечественная история. 1993. № 2. С. 94–106.
9. Генделева Ю. Д. Музыкальный театр Карелии: очерк истории. Петрозаводск: Петропресс, 2009. 238 с.
10. Жидков В. С. Культурная политика и театр. М.: Издат, 1995. 320 с.
11. Золотницкий Д. И. Будни и праздники театрального Октября. Л.: Искусство, 1978. 255 с.
12. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
13. История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск: КарНЦ РАН, редакционно-издательский отдел, 2008. 373 с.
14. История русского драматического театра: В 7 т. / Под ред. Е. Г. Холодова и др. Т. 7. М.: Искусство, 1987. 585 с.
15. История русского советского драматического театра: В 2 кн. / Под ред. Ю. А. Дмитриева, К. Л. Рудницкого. Кн. I. М.: Просвещение, 1984. 334 с.
16. История советского драматического театра: В 6 т. Т. 2. М.: Наука, 1966. 472 с.
17. Кийранен В. И. Государственный финский драматический театр. Петрозаводск: Карелия, 1972. 111 с.
18. Колосенок С. В. Театр нашего города. Петрозаводск: Карелия, 1972. 64 с.
19. Ларцева Н. В. Театр расстрелянный. Петрозаводск: Петропресс, 1998. 158 с.
20. Мейерхольд в русской театральной критике. 1892–1918. М.: Артист. Режиссер. Театр, 1997. 527 с.
21. Никитин П. Е. Театр края Калевалы: Творческий путь Государственного ордена Дружбы народов финского драматического театра. Петрозаводск: Карелия, 1985. 158 с.
22. Очерки истории русской советской драматургии: В 3 т. Т. 1. 1917–1934. М.; Л.: Искусство, 1963. 602 с.
23. Петров Н. В. 50 и 500. М.: Всероссийское театральное общество, 1960. 552 с.
24. Петрозаводск. Хроника трех столетий. Петрозаводск: Периодика, 2002. 512 с.
25. Русская художественная культура конца XIX – начала XX века. Кн. 1. М.: Наука, 1968. 442 с.
26. Тогагов С. Д. Рассказы об актерах. Петрозаводск: Карелия, 1973. 100 с.
27. Тогагов С. Актер, режиссер, драматург // Север. 1978. № 1. С. 111.
28. Хайченко Г. А. Советский театр. Пути развития. М.: Знание, 1982. 239 с.
29. Шлейкин Ю., Лексунова К. Петрозаводская любовь Рихарда Зорге [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://old.rk.karelia.ru/blog/petrozavodskaya-lyubov-riharda-zorge/>
30. Шорохова И. В. К вопросу о государственном финансировании театрального искусства в Карелии в конце 1940-х – первой половине 1960-х годов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 1 (138). С. 29–33.
31. Шорохова И. В. «Стирание национальных особенностей» в театральном искусстве Карелии в 1950-е – начале 1960-х годов: (на примере работы Финского драматического театра) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер.: «Общественные и гуманитарные науки». 2014. № 5 (142). С. 18–22.
32. Юфит А. З. Революция и театр. Л.: Искусство, 1977. 270 с.

Filimonchik S. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

KARELIAN THEATRES IN 1918 – BEGINNING OF THE 1920s

The article characterizes social, political and cultural factors, which determined the trends of theatrical art development in Karelia after the Revolution. It shows that a professional theatre was established by the initiative of Olonets Executive Committee. The state financial support rendered to the theatres of the Republic assisted in popularization of theatrical art among local workers, peasants, and the Red Army soldiers. It also encouraged familiarization of poorly educated people with the cultural heritage of the country. The significance of the work carried out by the directors and actors from numerous well-known theatres in challenging conditions of the Civil war – first of all, Alexandrinskiy theatre – is described. Their professional supervision defined a high artistic level of the theatrical production. The analysis of discussions influencing the role played by the theatre art on the outcome of the Revolution was made based on the materials describing the theatre life in Karelia. The state authorities approached the art of theatrical performance as a tool of ideological influence. The actors and directors of Karelian theatres focused on the aesthetic principles of theatrical art. The author of the article characterizes theatrical debates, meetings, and reviews found in the local newspapers as a certain experience of the social dialogue existent in conditions of military and political confrontation.

Key words: cultural politics, theatrical art, public opinion

REFERENCES

1. Alpers B. V. *Teatral'nye ocherki* [Theater sketches]. In 2 vol. Vol. 1. Moscow, Iskusstvo Publ., 1977. 566 p.
2. Apushkin Ya. One of the first [Odin iz pervykh]. *Teatr* [Theater]. 1957. № 9. P. 143–147.
3. Afanas'eva A. I. Mass theater movement in Karelia in the first years of Soviet power (1918–1920) [Massovoe teatral'noe dvizhenie v Karelii v pervye gody Sovetskoy vlasti (1918–1920)]. *Nauchnaya konferentsiya po itogam rabot Instituta za 1963 g. Sektsiya istorii, arkhologii, etnografii: Tezisy dokladov* [Scientific conference on the results of the work of the Institute for the year 1963. Department of history, archeology, ethnography: Theses]. Petrozavodsk, 1964. P. 17–20.
4. Afanas'eva A. I. *Velikiy Otktyabr' i stanovlenie sovetskoy kul'tury v Karelii (1918–1927 gg.)* [The Great October and the establishment of the Soviet culture in Karelia in 1918–1927]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985. 238 p.
5. Afanas'eva A. I. *Kul'turnye preobrazovaniya v Sovetskoy Karelii (1928–1940 gg.)* [Cultural changes in Soviet Karelia in 1928–1940]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1989. P. 279.
6. Batser I. M. Ramzay's love [Lyubov' Ramzaya]. *Voyna u kazhdogo svoya* [Everyone has his own perception of war]. Petrozavodsk, 2005. P. 138–145.
7. Boguslavskiy A. O., Diev V. A., Karpov A. S. *Kratkaya istoriya russkoy sovetskoy dramaturgii* [A short story of the Russian Soviet drama]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1966. 347 p.
8. Borisova L. V. Theater intelligentsia and the Soviet state in 1920s [Teatral'naya intelligentsiya i sovetskoe gosudarstvo v 20-e gody]. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1993. № 2. P. 94–106.
9. Gendeleva Yu. D. *Muzikal'nyy teatr Karelii: ocherk istorii* [Karelian musical theater: historical sketch]. Petrozavodsk, Petropress Publ., 2009. 238 p.
10. Zhidkov V. S. *Kul'turnaya politika i teatr* [Cultural policy and theater]. Moscow, Izdat Publ., 1995. 320 p.
11. Zolotnitskiy D. I. *Budni i prazdniki teatral'nogo Otktyabrya* [Weekdays and holidays of theatrical October]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1978. 255 p.
12. *Istoriya Karelii s drevneyshikh vremyn do nashikh dney* [History of Karelia from ancient times to present days]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2001. 944 p.
13. *Istoriya Petrozavodsk: vlast' i gorozhane* [History of Petrozavodsk: authorities and citizens]. Petrozavodsk: Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences, printing and publication department Publ., 2008. 373 p.
14. *Istoriya russkogo dramaticheskogo teatra* [History of the Russian Drama Theater]. In 7 vol. Edited by E. G. Kholodova and others. Vol. 7. Moscow, Iskusstvo Publ., 1987. 585 p.
15. *Istoriya russkogo sovetskogo dramaticheskogo teatra* [History of Russian Soviet drama theater]. In 2 books / Edited by Yu. A. Dmitrieva, K. L. Rudnitskiy. Book I. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1984. 334 p.
16. *Istoriya sovetskogo dramaticheskogo teatra* [History of the Soviet drama theater]. In 6 vol. Vol. 2. Moscow, Nauka Publ., 1966. 472 p.
17. Kiyranen V. I. *Gosudarstvennyy finskiy dramaticheskii teatr* [State Finnish Drama Theater]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1972. 111 p.
18. Kolosenok S. V. *Teatr nashego goroda* [Theater of our city]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1972. 64 p.
19. Lartseva N. V. *Teatr rassstrelyannyy* [A shoot dead theater]. Petrozavodsk, Petropress Publ., 1998. 158 p.
20. *Meyerhold' d v russkoy teatral'noy kritike. 1892–1918* [Meyerhold in Russian theater criticism. 1892–1918]. Moscow, Artist. Rezhisser. Teatr Publ., 1997. 527 p.
21. Nikitin P. E. *Teatr kraia Kalevaly: Tvorcheskii put' Gosudarstvennogo ordena Druzhy narodov finskogo dramaticheskogo teatra* [Theater of Kalevala region: Creative development of the Order of Peoples Friendship of the Finnish Drama Theater]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1985. 158 p.
22. *Ocherki istorii russkoy sovetskoy dramaturgii* [Historical sketches of the Russian Soviet drama]. In 3 vol. Vol. 1. 1917–1934. Moscow, Leningrad, Iskusstvo Publ., 1963. 602 p.
23. Petrov N. V. *50 i 500* [50 and 500]. Moscow, Vserossiyskoe teatral'noe obshchestvo Publ., 1960. 552 p.
24. *Petrozavodsk. Khronika trekh stoletiy* [Petrozavodsk. Chronicles of three hundred years]. Petrozavodsk, Periodika Publ., 2002. 512 p.
25. *Russkaya khudozhestvennaya kul'tura kontsa XIX – nachala XX veka* [Russian art culture of the end of the XIX – beginning of the XX century]. Book 1. Moscow, Nauka Publ., 1968. 442 p.
26. Togatov S. D. *Rasskazy ob akterakh* [Stories about actors]. Petrozavodsk, Kareliya Publ., 1973. 100 p.
27. Togatov S. Actor, director, playwright [Akteur, rezhisser, dramaturg]. *Sever* [Nord]. 1978. № 1. P. 111.
28. Khaychenko G. A. *Sovetskiy teatr. Puti razvitiya* [Soviet theater. Ways of development]. Moscow, Znanie Publ., 1982. 239 p.
29. Shleykin Yu., Leksunova K. *Petrozavodskaya lyubov' Rikharda Zorge* [Richard Sorge's Petrozavodsk love]. Available at: <http://old.rk.karelia.ru/blog/petrozavodskaya-lyubov-rikharda-zorge/>
30. Shorokhova I. V. State financing of the theater art in Karelia at the end of the 1940s – the first half of the 1960s [K vo-prosu o gosudarstvennom finansirovanii teatral'nogo iskusstva v Karelii v kontse 1940-kh – pervoy polovine 1960-kh godov]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Obshchestvennye i gumanitarnye nauki* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Science and Humanities]. 2014. № 1 (138). P. 29–33.
31. Shorokhova I. V. Disappearance of national peculiarities in the theater art of Karelia in 1950 – the beginning of 1960s: on the example of the work of the Finnish Drama Theater [Stiranie natsional'nykh osobennostey v teatral'nom iskusstve Karelii v 1950-e – nachale 1960-kh godov: na primere raboty Finskogo dramaticheskogo teatra]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Science and Humanities]. 2014. № 5 (142). P. 18–22.
32. Yufit A. Z. *Revolutsiya i teatr* [Revolution and the theater]. Leningrad, Iskusstvo Publ., 1977. 270 p.

Поступила в редакцию 20.05.2015

ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА БАУЭР

старший преподаватель кафедры отечественной истории
Института истории, политических и социальных наук, Пе-
трозаводский государственный университет (Петрозав-
водск, Российская Федерация)
taty-lis@yandex.ru

ОБРАЩЕНИЕ ЗА ПОМОЩЬЮ К СВЯТЫМ В КОНТЕКСТЕ ВОРОВСТВА

Целью статьи является рассмотрение образов святых, оказывающих помощь, с одной стороны, вора́м, а с другой – потерпевшим от кражи, по материалам крестьянской культуры середины XIX – начала XX века. Выявляются причины, которыми обусловлен выбор конкретных святых, покровительствующих участникам данного конфликтного взаимодействия. Особое внимание уделяется образам Николая Угодника и Иоанна Воина как святым, для которых характерна двунаправленность функций, так как к ним обращались за помощью как воры, так и их жертвы. Автор приходит к выводу, что данный феномен объясняется не только фундаментальным для антропологических и социологических наук принципом реципрокности, но и представлениями о краже как о каре Божьей.

Ключевые слова: народное православие, крестьяне, феномен двунаправленности функций святых

В крестьянской культуре, как отмечает вслед за сербской исследовательницей М. Детелич А. Б. Мороз, в соответствии с народными представлениями о святости, святой – это прежде всего защитник и помощник [6; 104], причем каждый святой имеет свою специализацию. Так, считалось, что молитва Иоанну Крестителю помогает в случае головной боли, Илье Пророку – в случае засухи, Георгий Победоносец и св. Власий защищают скот, св. Вонифатий исцеляет от запоя и т. д.¹

В списке святых, приведенных А. Баловым, упоминается и Иоанн Воин, которому молились о возвращении украденного. Кроме него, святыми, специализирующимися на помощи потерпевшим от воровства, считались также Николай Угодник², Феодор Тирон³, Миней мученик, упоминание об обращении к которому содержится только в материалах В. Магницкого, отмечавшего, что молебны этому святому служат в Уржуме для того, «чтобы вор подбросил украденное»⁴, и, в случае конокрадства, Флор и Лавр, по народным представлениям являвшиеся покровителями лошадей⁵.

Обратимся теперь в тех случаях, где это представляется возможным, к причинам, обусловившим выбор вышеупомянутых святых в качестве защитников имущества и помощников потерпевшим от кражи. М. Едлинский, пытаясь объяснить наличие Феодора Тирона в списке святых, защищающих имущество от воровства, приводит в качестве аргумента тот факт, что в переводе с греческого «Тирон» обозначает «охраняющий, блюдуший», а молитва, посвященная великомученику, содержит мотив обхода святым земли и избавления от бед и напастей всех, кто его с верой призывает [2; 154–155]. Отметим, что на многочисленных иконах и гравюрах XIX века, именовавшихся «Сказание киим святым какие

благодати исцеления от Бога даны», этот святой изображается вместе с Иоанном Воином [8].

По поводу Николая Угодника можно отметить, что если в этнографической литературе начала XX века он упоминается в качестве защитника от краж⁶, то в более ранних источниках, имеющих византийские корни, он фигурирует и как помощник потерпевшим от воровства. Так, в частности, в ряде легенд говорится о Николае как о хранителе вещей, за похищение которых святой строго наказывает. Е. В. Аничков приводит в качестве примера записанную в Киеве в XI веке легенду, согласно которой еврей, уходя из дома, поручил иконе св. Николая беречь имущество. Во время его отсутствия разбойники обокрали дом. Вернувшись, еврей избил икону. Николай явился разбойникам, которые делили награбленное имущество, с ранами на теле и велел вернуть украденное. Еврей, увидев, что его имущество возвращено, уверовал в силу св. Николая и крестился (см.: Аничков Е. В. Микола угодник... С. 26–27).

Судя по материалам, самой популярной фигурой среди святых, специализировавшихся на помощи жертвам воровства, был, пожалуй, Иоанн Воин. По справедливому замечанию Е. И. Якушкина, выбор этой фигуры объясняется прежде всего тем обстоятельством, что в числе чудес, совершенных святым и описанных в его житии, есть открытие татьбы и обличение воровства⁷. Эти представления нашли отражение и в иконографии. Так, в частности, на иконах (в том числе и домашних, из категории «расхожих»), фресках и гравюрах изображены сцены ограбления и явления святого вора́м или возвращения украденного. Причем, как отмечает А. С. Преображенский, если житие лишь в общих чертах указывает на помощь святого в подобных ситуациях, то в изобразительном

искусстве этот мотив был конкретизирован как посмертное чудо [8]. Получается, что функция святого объясняется интерпретацией и жития, и иконографии.

М. Едлинский основанием для подобной специализации Иоанна Воина наряду с примерами обличения и открытия татбы, имеющимися в житии, считает также мотив заступничества «от обидящего человека» и «всякой злой напасти», содержащийся в молитве, обращенной к святому. По наблюдениям священника, «воры так боятся этого [обращения обворованных за помощью к Иоанну Воину], что нередко сами сознаются в своей вине или же, под влиянием страха, нечаянно выдают себя» [2; 156]. Как считает А. С. Преображенский, именно с этим аспектом почитания святого связана традиция устройства приделов во имя святого в колокольнях, в том числе надвратных, то есть при входе в храм или на его территорию, а также бытование изображений мученика в административных учреждениях и тюрьмах [8].

Вышеуказанным святым служили молебны, перед их иконами ставились свечи, им молились о возвращении украденного, а также об обличении и наказании воров, то есть считалось, что святой может найти и покарать вора. Обычно за помощью к святому обращались сразу же после обнаружения пропажи, однако в материалах упоминается также, что Иоанну Воину молились и 30 июля (по старому стилю), в день его поминовения (см.: Романов Е. Р. Белорусский сборник... С. 274). Как отмечает А. С. Преображенский, именно с представлениями об Иоанне Воине как святом, помогающем в обретении украденных или потерянных вещей, была связана традиция всенощного бдения с молебном мученику в день его памяти в тульском губернском правлении [8].

Однако за помощью к святым обращались не только жертвы воровства, но и сами преступники, пытавшиеся заручиться благосклонностью божественных сил, причем вызывает интерес тот факт, что в некоторых случаях одни и те же святые упоминаются как в списке помогающих пострадавшим от кражи, так и в списке тех, кто оказывает помощь ворами. И хотя обращение к божественным силам со стороны преступника расценивалось негативно, так как «всякая молитва о злых делах» строго порицалась, тем не менее согласно народным представлениям «призна[валось], что молитва может помочь вору». Так, в частности, в случае кражи «риз[ы] или ценн[ых] украшен[ий] с образа, находящегося в церкви <...> молитва обраща[лась] к святому, изображенному на образе, у него испрашива[лась] позволение снять ризу или украшения, ему обеща[лась] дар»⁸.

Святым, специализировавшимся на помощи ворами, считался св. Никола (см.: Романов Е. Р. Белорусский сборник... С. 274). На Украине, ввиду

контаминации Николы и архангела Михаила, в функции покровителя воровства мог выступать св. Михаил. Именно к св. Николе воры обращались с молитвами об удачном воровстве. Б. А. Успенский, объясняя этот факт, подчеркивает связь Николы с деньгами и накоплением и приводит материалы, подтверждающие этот тезис. Так, в частности, в Бессарабии зимний Николин день является днем денежных счетов и наймов, а польское *m'iklus* переводится как «неразменный рубль». В качестве иллюстрации к своим наблюдениям Б. А. Успенский приводит и такие поговорки, как «До Николы – нет добра николи» и «Позоочь и Николу вором зовут» [13; 72–73]. Отметим, что последний текст, скорее всего, не имеет отношения к представлению о св. Николае как покровителе воровства. Он, во-первых, строится на контрасте («даже святой может быть вором»), а во-вторых, в тексте акцентируется внимание на том, что вора называют вором только в его отсутствие, то есть «за глаза». По мнению исследователя, с представлениями о Николе как покровителе богатства соотносятся представления о змее-деньгоносце: змей, согласно точке зрения Б. А. Успенского, является прообразом восточнославянского Волоса, к которому генетически восходит образ Николы [13; 63, 72].

Отметим, что трактовка образа св. Николая как покровителя воров в различных фольклорных текстах неоднозначна. Так, в одном из сюжетов легенды, где сильна дидактическая установка, Никола помогает вору, спрятав его, однако воровство, осмысляемое как греховный поступок, не находит поддержки у святого. См., в частности, сюжет 848 «Вор и св. Николай»: «Вор, спасаясь, молится св. Николаю; старик заставляет его залезть в падаль, где вор и прячется; старик, оказавшийся св. Николаем, объясняет, что ему от свечи вора было так же душно, как вору от запаха падали» [11; 216]. Однако в другой легенде св. Николай вместе со св. Петром выступают в роли воров: они едут на Украину покупать лошадей, но пропивают деньги и в результате крадут два табуна [1; 400].

Интересна также посредническая функция святого Николы в ситуации, которую А. Л. Рогачевский квалифицирует как «временное позамимствование» [10; 16]. Эта форма является промежуточной между воровством и одалживанием. С воровством ее сближает то, что изъятие собственности совершается самовольно и тайно, без заключения договорных отношений с владельцем, однако владелец опосредованно – в письменной или предметно-символической форме – получает информацию об изъятии собственности и обещание возместить убытки, и, как и в случае с одалживанием, украденное по истечении определенного срока возвращается законному владельцу, то есть ситуация возвращается в ряд нормативных форм обмена: «В голодный год

мужики у богатого мужика увезли хлеба кладушку и оставили на его место икону Николая; хозяин не стал и искать, взял Николая и унес; на другой год весь хлеб возвратили, сложили, пришли к хозяину, выпросили икону Николая; хозяин поставил им угощение»⁹.

Святой Николай становится в данном случае «своеобразным “поручителем” за крестьян <...> и оставление иконы выступа[ет] <...> как молчаливый вариант клятвы в том, что долг будет возвращен» [10; 16]. В роли поручителя св. Николай выступает также в некоторых сюжетах средневековых легенд. Так, в одном из сюжетов он заставляет заплатить выкуп отпущенного на свободу из плена половца (см.: Аничков Е. В. Микола угодник... С. 29).

В другой легенде св. Николай выступает поручителем возвращения долга, взятого христианином у еврея. Христианин, желающий обмануть еврея, поклялся на суде, что вернул долг. Во время клятвы он отдал еврею жезл, наполненный золотыми червонцами, сказав: «...яко отдах тебе больше, неже ти виновен бых», а по окончании ритуала забрал жезл себе. По дороге домой христианин был раздавлен колесницей. Золото при этом рассыпалось. Еврея стали убеждать забрать золото, но он отказался, заявив, что пока не увидит христианина восставшим из мертвых по молитве св. Николая, не возьмет золото, а если увидит – примет христианство. Как только он сказал это, мертвый восстал (см.: Аничков Е. В. Микола угодник... С. 28).

Кроме св. Николая, воров обращаются с молитвой к св. Иоанну Воину, испрашивая у него благословения своему предприятию. При этом считалось, что «молитва, обращенная к святому Иоанну Воину <...> может помочь только при простом воровстве» (см.: Якушкин Е. И. Заметки... С. 8, 10). По-видимому, Иоанн Воин покровительствовал также разбойникам, см., в частности, упоминание о том, что икона святого, хранящаяся в тульском Успенском соборе, по преданию, была отобрана «начальством» у разбойников [8].

Функциональной заменой образа Иоанна Воина, по материалам, приведенным Е. И. Якушкиным, являлся в некоторых местностях, например в Костромской губернии, св. Иван Встречный. По народным представлениям, назван он так потому, что «как только вор украдет что-нибудь, днем или ночью, навстречу ему всегда выходит Иван Встречный. Так как образа Ивана Встречного нет ни в одной церкви, то свечи ему ставят перед образом всех святых» (см.: Якушкин Е. И. Заметки... С. 9). Кроме того, в материалах упоминается, что после удачно совершенной кражи воров служат молебен и ставят свечу перед иконой святого Меркурия¹⁰.

Вряд ли во всех этих случаях является верным мнение Е. И. Якушкина, рассматривающего

подобную тактику как «пережит[ок] языческих времен, когда воровство считалось подвигом, достойным похвалы» (см.: Якушкин Е. И. Заметки... С. 8). Скорее всего, речь идет просто о стремлении заручиться поддержкой высшей силы вне зависимости от того, дьявольская эта сила, к помощи которой воров также активно прибегали [3; 4], или божественная.

Рассмотренные выше материалы показывают, что Иоанн Воин и Николай Угодник считались покровителями как воров, так и потерпевших от кражи. Применительно к образу Иоанна Воина Е. И. Якушкин пытается объяснить этот факт своеобразной трактовкой жития святого угодника: посланный на убийство христиан Юлианом Отступником, Иоанн Воин, «прежде чем схватить христиан, предупреждал их, чтобы они бежали, или же отпускал схваченных» (см.: Якушкин Е. И. Обычное право... С. 9).

Однако вряд ли это объяснение двунаправленности функции святого можно считать удовлетворительным. Здесь необходимо отметить, что подобное явление не является исключительно славянским и встречается в других культурах, в частности греческой. Функциональный аналог Иоанна Воина и Николая Угодника в греческой традиции – Гермес: он является одновременно и покровителем воров и мошенников, и богом, помогающим отыскать украденное.

В гомеровском «Гимне Гермесу», в частности, описываются воровские подвиги Гермеса и история кражи стада коров у Аполлона. Он владеет магическим золотым жезлом, способным усыплять людей; он незримо открывает любые узы; надевая шлем Аида, он становится невидимым [12; 292]. Все эти способности и магические предметы, их дарующие, были чрезвычайно важны в воровском промысле [3; 6–8]. Однако у Гермеса была еще одна важная функция: он считался проводником в мир мертвых. Р. Назиров называет Гермеса «весел[ым] вор[ом]», который «крадет души и уводит их в царство Аида». Как отмечает исследователь, «и способность усыплять, и воровское искусство Гермеса определяются его связью с миром смерти», и, поскольку «магическое усыпление было «малой смертью», вполне логично, что этот бог-похититель стал выступать в качестве покровителя воров [7]. Поэтому неудивительно, что многие воровские атрибуты были связаны со смертью [3; 6–8], а образ вора – с подземным миром [5; 117].

Образ Гермеса был проанализирован американским исследователем К. Уоткинсом, который считает, что подобный феномен можно объяснить «фундаментальным антропологическим и социологическим принципом реципроктности» [14; 345]. Очевидно, что вышесказанное применимо и к образам Иоанна Воина и Николая Угодника, причем в плане сходства функций Гермесу ближе св. Николай: он также является проводником на

тот свет и покровительствует путешественникам и торговцам [1; 399–400].

Отметим, что общность этих функций, скорее всего, не случайна. Так, в частности, в паремиях торговля сопоставляется с воровством либо сопровождается кражами: «Знатного купца, карманной слободы тяглеца, серебряных и золотых дел волочищника»¹¹, «Кто чем торгует, тот тем и ворует»¹². Торговля как метафора воровства встречается и в языке московских мошенников [9; 335].

Относительно соотношения воровства и путешествий можно отметить, что метафора дороги и путника, со всех сторон защищенного от опасности, является весьма продуктивной для заговоров «в дорогу», активно использовавшихся для обеспечения удачи в воровском промысле (см.: Якушкин Е. И. Заметки... С. 9–10). Связь образа вора и категории пути можно проиллюстрировать также загадкой о дороге: «Кабы встал молодец, я бы до неба достал, кабы руки да ноги, я бы вора связал, кабы рот да глаза, я бы все рассказал»¹³.

Помимо принципа взаимности, на наш взгляд, прояснить феномен двунаправленности помогают и представления о краже как каре Божьей [4; 35–36]. Так, с точки зрения крестьян, многие несчастия, произошедшие с людьми, рассматривались как следствие совершенного ими проступка или преступления. Показательными в этом отношении являются следующие пословицы: «Кто украл, у того один грех; у кого украли, у того семь»; «Кто украл, у того один грех, а у кого украли, у того десять»¹⁴ и др. Именно поэтому святые оказывают помощь не только жертве, но и преступнику, являющемуся орудием осуществления Божественной воли.

Рассмотренные материалы позволяют сделать вывод о том, что выбор святых, оказывающих помощь как жертвам воровства (в том числе и потенциальным), так и самим преступникам, не является случайным. В ситуации с потерпевшими от воровства он может быть обусловлен семантикой имени святого, соответствующими мотивами, содержащимися в житийных текстах, иконографии и молитвах, обращенных к святому (в частности, мотивом обличения воровства и открытия татбы, мотивом обхода святым земли как способа создания символической границы для защиты имущества и мотивом заступничества от обидчика и избавления от «напасти»), а также тем, что святой выступает в качестве покровителя объекта кражи. В случае с ворами выбор может объясняться тем, что украденная собственность мыслится как принадлежащая непосредственно святому, а также представлениями о нем как о проводнике в иной мир, покровителе богатства, торговли и путешествий – сфер, соотносимых, в том числе, и с воровством. Фольклорная традиция отражает функцию святых по охране имущества и наказанию за воровство, функцию помощи вора, а также функцию посредничества в конфликтных ситуациях. Особого внимания и дальнейшей исследовательской разработки с выходом как за пределы восточнославянской традиции, так и, возможно, за рамки контекста воровства, на наш взгляд, заслуживает феномен двунаправленности функций святых, объяснить который на данный момент можно, опираясь не только на принцип реципрокности, но и на представления о краже как наказании Божьим.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Балов А. Какому святому в каком случае должно молиться // Живая старина. 1893. № 3. С. 428.

² Аничков Е. В. Микола угодник и св. Николай: Опыт литературной критики в области народных сказок и песен // Записки Нефилологического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. СПб., 1892. Вып. 2. № 2. С. 26.

³ Рогожин Т. Нечто из верований, поверий и обычаев жителей ст. Червленой, Кизлярского отдела, Терской области // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 16. Отд. 1. Тифлис, 1893. С. 65.

⁴ Магницкий В. Поверья и обряды (запуки) в Уржумском уезде Вятской губернии. Вятка, 1883. С. 53.

⁵ Бондаренко В. Очерки Кирсановского уезда Тамбовской губернии // Этнографическое обозрение. 1890. № 3. С. 83.

⁶ Романов Е. Р. Белорусский сборник. Быт белоруса. Вып. 8. Вильна, 1912. С. 190.

⁷ Якушкин Е. И. Обычное право: Материалы для библиографии обычного права. Вып. 1. М., 1910. С. 9.

⁸ Якушкин Е. И. Заметки о влиянии религиозных верований и предрассудков на народные юридические обычаи и понятия // Этнографическое обозрение. 1891. № 2. С. 10.

⁹ Архив РГО. Ф. 12. Оп. 1. Д. 6. Л. 78.

¹⁰ П-в А. Следствия малограмотности среди простого народа и средства к распространению просвещения // Церковный вестник. 1889. № 37. С. 636.

¹¹ Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: В 2 т. Т. 1. СПб., 1879. С. 155.

¹² Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: В 2 т. Т. 2. СПб., 1879. С. 4.

¹³ Архив РЭМ. Ф. 7. Оп. 2. Д. 332. Л. 6.

¹⁴ Иллюстров И. И. Сборник российских пословиц и поговорок. Киев, 1904. С. 354.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белова О. В. Николай // Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 3. М., 2004. С. 398–401.
2. Едлинский М. Любящее Господа сердце: Труды. Проповеди. Воспоминания. Киев, 2004. 472 с.

3. Лис Т. В. Восприятие воровства как одного из видов черной магии в традиционной культуре восточных славян (по материалам середины XIX – начала XX в.) // Ежегодник историко-антропологических исследований. М., 2008. С. 3–15.
4. Лис Т. В. Проблема греховности воровства в традиционной культуре России (середины XIX – начала XX в.) // Вестник Российского университета дружбы народов. 2008. № 2. С. 32–38.
5. Мазалова Н. Е. Колдун, вор, разбойник в произведениях русского фольклора // Университетский научный журнал. 2013. № 6. С. 112–118.
6. Мороз А. Б. Святые Русского Севера: Народная агиография. М., 2009. 528 с.
7. Назиров Р. Сказочные талисманы невидимости [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hrono.info/text/2006/nazi01_06.html
8. Православная энциклопедия [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.pravenc.ru/text/471095.html>
9. Приемышева М. Н. Тайные и условные языки в России XIX в. Ч. 1. СПб., 2009. 455 с.
10. Рогачевский А. Л. К истории обычного права в России в XIX веке (из архива РГО). Ч. III. Имущественные посягательства // Юридическая мысль. 2003. № 2. С. 11–24.
11. Сравнительный указатель сказочных сюжетов: Восточнославянская сказка / Под ред. К. В. Чистова. Л., 1979. 437 с.
12. Тахо-Годи А. А. Гермес // Мифы народов мира. Энциклопедия / Под ред. С. А. Токарева. Т. 1. М., 1991. С. 292–293.
13. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей: Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского. М., 1982. 248 с.
14. Watkins C. Studies in Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology // Indo-European and Indo-Europeans / Edited by F. Cardona. Philadelphia, 1970. P. 321–354.

Bauer T. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HELP APPEAL TO THE SAINTS IN THE CONTEXT OF THEFT

The purpose of the article is to focus on the images of same Saints patronizing the thieves and their crime victims. The study is based on the data of peasant culture of the middle of 19th – early 20th centuries. The author identifies causes for the choice of particular Saints patronizing participants of the conflict. Special attention is paid to the images of Saint Nicholas and St. John the Warrior who are characterized by the bi-directional functions. Both the thieves and their victims appealed to these Saints for help. The author of the article concludes that this phenomenon can be explained both by the fundamental principle of reciprocity inherent to anthropological and sociological sciences and by the belief that theft is a punishment sent by God.

Key words: folk Orthodoxy, peasants, phenomenon of the bi-directional functions of the saints

REFERENCES

1. Belova O. V. Nikolay [Nikolay]. *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvističeskij slovar'* / Pod red. N. I. Tolstogo [Slavic antiquities: Ethnolinguistic dictionary. Edited by N. I. Tolstoy]. Vol. 3. Moscow, 2004. P. 398–401.
2. Edlinskiy M. *Lyubymyashchee Gospoda serdtse: Trudy. Propovedi. Vospominaniya* [God's loving heart: Writings. Sermons. Memories]. Kiev, 2004. 472 p.
3. Lis T. V. The perception of theft as a type of black magic in the traditional culture of the Eastern Slavs (according to the data of the middle of 19th – beginning of 20th century) [Vospriyatie vorovstva kak odnogo iz vidov chernoy magii v traditsionnoy kul'ture vostochnykh slavyan (po materialam serediny XIX – nachala XX v.)]. *Ezhegodnik istoriko-antropologicheskikh issledovaniy* [Yearbook of historical and anthropological studies]. Moscow, 2008. P. 3–15.
4. Lis T. V. The problem of sinful theft in traditional Russian culture (middle of the 19th – beginning of the 20th century) [Problema grekhovnosti vorovstva v traditsionnoy kul'ture Rossii (seredina XIX – nachala XX v.)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of the Russian University of friendship of peoples]. 2008. № 2. P. 32–38.
5. Mazalova N. E. The Characters of a Sorcerer, a Thief and a Robber in the Russian Folklore [Koldun, vor, razboynik v proizvedeniyakh russkogo fol'klora]. *Universitetskiy nauchnyy zhurnal* [University research magazine]. 2013. № 6. P. 112–118.
6. Moroz A. B. *Svyatye Russkogo Severa: Narodnaya agiografiya* [Saints of the Russian North: Folk hagiography]. Moscow, 2009. 528 p.
7. Nazirov R. *Skazochnye talismany nevidimosti* [Fabulous charms of invisibility]. Available at: http://www.hrono.info/text/2006/nazi01_06.html
8. *Pravoslavnaya entsiklopediya* [The Orthodox encyclopedia]. Available at: <http://www.pravenc.ru/text/471095.html>
9. Priemyshcheva M. N. *Taynye i uslovnye yazyki v Rossii XIX v.* [Secret and conditional languages in Russia of the 19th century]. Part 1. St. Petersburg, 2009. 455 p.
10. Rogachevskiy A. L. The history of customary law in Russia in the 19th century (from the archives of the RGS). Part III. Property crimes [K istorii obychnogo prava v Rossii v XIX veke (iz arkhiva RGO). Ch. III. Imushchestvennyye posyagatel'stva]. *Yuridicheskaya mysl'* [Legal thought]. 2003. № 2. P. 11–24.
11. *Sravnitel'nyy ukazatel' skazochnykh syuzhetov: Vostochnoslavjanskaya skazka* / Pod red. K. V. Chistova [Comparative index of fairy tales: a Slavic tale / Edited by K. V. Chistov]. Leningrad, 1979. 437 p.
12. Takho-Godi A. A. Hermes [Germes]. *Mify narodov mira. Entsiklopediya* / Pod red. S. A. Tokareva [Myths of the world. Encyclopedia / Edited by S. A. Tokarev]. Vol. 1. Moscow, 1991. P. 292–293.
13. Uspenskiy B. A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnostey: Relikty yazychestva v vostochnoslavjanskom kul'te Nikolaya Mirlikiyskogo* [Philological investigations in the field of Slavic antiquities: the Relics of paganism in the East Slavic cult of Nicholas of Myra]. Moscow, 1982. 248 p.
14. Watkins C. Studies in Indo-European Legal Language, Institutions and Mythology // Indo-European and Indo-Europeans / Edited by F. Cardona. Philadelphia, 1970. P. 321–354.

Поступила в редакцию 03.08.2015

НАТАЛЬЯ ЮРЬЕВНА КУЗНЕЦОВА

аспирант кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
foliage.07@mail.ru

ПИСЬМО С. Б. ПРУГАВИНА АРХАНГЕЛЬСКОМУ ГУБЕРНАТОРУ Н. П. ИГНАТЬЕВУ

Рассматривается и впервые подробно анализируется письмо архангельского инспектора народных училищ С. Б. Пругавина, написанное им в ноябре 1872 года и адресованное архангельскому губернатору Н. П. Игнатьеву. Анализируется роль С. Б. Пругавина в судьбе его сына А. С. Пругавина, находившегося в 1872 году в ссылке в г. Кемь и испытывавшего в связи с этим физические и материальные затруднения. Народник А. С. Пругавин позднее стал известным исследователем религиозной жизни народа в Российской империи. Приводится текст письма, обнаруженный автором в личном деле ссыльного А. С. Пругавина в Государственном архиве Архангельской области. Автор приходит к выводу о том, что письмо С. Б. Пругавина сыграло важную роль в изменении условий ссылки для его сына.

Ключевые слова: Русский Север, А. С. Пругавин, Архангельская губерния, народничество, политическая ссылка

В Государственном архиве Архангельской области (ГААО) в «Деле о высылке под надзор полиции в Архангельскую губернию студента Петровской земледельческой академии Пругавина»¹ хранится письмо инспектора народных училищ Архангельской губернии Степана Борисовича Пругавина, адресованное губернатору Архангельской губернии, действительному статскому советнику Николаю Павловичу Игнатьеву.

Н. П. Игнатьев был архангельским губернатором в период с июня 1871 по май 1880 года. В августе 1873 года он был утвержден в должности [2; 40]. До этого в чине коллежского советника был вице-губернатором с 1869 по 1871 год. Н. П. Игнатьев получил военное образование, закончив Морской кадетский корпус. Кроме того, он прошел хорошую школу военной службы, став участником Крымской войны [3].

Вероятно, выдвижение Н. П. Игнатьева на один из самых высоких постов в администрации Архангельской губернии связано с несколькими моментами. Во-первых, начальство, безусловно, учитывало его репутацию, приобретенную в годы военной службы. Во-вторых, именно его военный опыт, по всей видимости, мог сыграть решающую роль в его назначении, так как именно такой человек, способный четко исполнять приказы, и был нужен для управления данным регионом [4]. Даже после перевода с губернаторской должности Н. П. Игнатьев не перестал по мере своих сил оказывать всяческую помощь губернии. Например, будучи уже действительным статским советником в Петербурге, он всячески содействовал развитию Общества архангельских врачей [1; 5].

Став губернатором северной территории, которая по праву могла считаться одним из центров «политической ссылки» в Российской империи, Н. П. Игнатьев оказался в центре внимания

не только высших чинов империи, но и самих ссыльных и их родственников, часто адресовавших на имя руководства губернии свои просьбы и жалобы. Письмо С. Б. Пругавина ему стало одним из множества таких частных примеров.

Автор письма Степан Борисович Пругавин, происходивший из семьи архангельских старожилов, начал свою карьеру в Архангельской губернии в 1845 году. Он стал первым учителем открывшегося в Пинеге Казенного приходского училища, где и работал вплоть до 1858 года. В январе 1876 года он был назначен на должность инспектора народных училищ в Архангельске, получив чин надворного советника [5; 10]. Он заметно преуспел в учительской деятельности и «снискал к себе такое уважение и любовь коллег и детей, что в день его похорон в 1910 году во всех училищах и школах Архангельска были отменены занятия, чтобы желающие могли проститься с ним» [6; 59]. При этом не оставался С. Б. Пругавин в стороне и от общественной деятельности. Так, например, в 1864 году он входил в состав Архангельского губернского статистического комитета, еще находясь в должности смотрителя уездного училища в уездном г. Мезень².

Что заставило С. Б. Пругавина обратиться с просьбой к столь высокому официальному лицу? Какого содержания была эта просьба? Ответы на эти вопросы обнаруживаются уже в первых строках письма. Инспектор народных училищ, надворный советник С. Б. Пругавин хлопотал за своего сына Александра Пругавина, будущего известного народника, публициста и исследователя религиозной жизни русского общества.

А. С. Пругавин, исключенный из Петровской земледельческой академии по обвинению в участии в деятельности тайных обществ, с 1871 года

находился в ссылке в Архангельской губернии, где сменил уже три города пребывания: Архангельск, Шенкурск и Кемь. В момент обращения его отца с письмом к губернатору (ноябрь 1872 года) А. С. Пругавин находился в г. Кемь, где проживал с марта 1872 года. К январю 1873 года он был возвращен в Архангельск, откуда был выслан на юг, в Воронежскую губернию. Этот факт стал возможен, по всей видимости, именно при большом участии С. Б. Пругавина в судьбе сына. С. Б. Пругавин лично написал письмо губернатору с описанием ситуации, в которой оказался его сын (безденежье, серьезные проблемы со здоровьем), и обратился с просьбой о переводе его в другое место ссылки.

Архивные материалы подтверждают сведения о сыне, изложенные в письме С. Б. Пругавина. Так, кемский исправник отмечал, что состояние

здоровья А. С. Пругавина было плохим, о чем свидетельствовали «постоянное кровохарканье и необыкновенный румянец не его щеках» [6; 59]. Его денежное содержание в ссылке составляло 23 коп. суточных и 1 руб. 50 коп. на наем квартиры. У А. С. Пругавина не было на тот момент собственного источника дохода, а у его отца на попечении находились еще пятеро детей, поэтому финансовое состояние сыльного было критическим, о чем он сам упоминает в одном из писем³. В конечном итоге А. С. Пругавин был переведен на жительство в Воронежскую губернию, в город Короткояк.

Далее публикуется письмо С. Б. Пругавина. Текст дается по оригиналу: ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. Л. 98–100. Подготовка текста и предисловие Н. Ю. Кузнецовой. Орфография автора сохранена.

19 ноября 1872 года

Ваше Превосходительство
Милостивый Государь
Николай Павлович

Всепокорнейше прошу Вас, Ваше Превосходительство, не принять за дерзость и не поставить мне в вину того, что я осмеливаюсь утруждать Особу Вашего Превосходительства своею просьбою посредством письма. Обратиться с нею лично я счел еще более неудобным по тому что, зная Ваше доброе сердце, вполне уверен, что отказать в моей просьбе Вам нелегко, а исполнить ее, может быть, еще труднее. Такое положение при личной просьбе весьма неприятно и притом может вызвать некоторые объяснения, которые также не могут быть приятны. Во избежание всех этих неудобств я решился обратиться к Вашему Превосходительству с этим письмом, содержанием которого будет моя всепокорнейшая просьба, которую честь имею почтительнейше изложить. По возвращении из разъездов 16ч текущего м-ца я получил из Кеми от сына письмо, в котором он пишет, что в настоящее суровое время года, при грудной болезни, он не в силах вынести продолжительного следования по-этапу, и должен безвозвратно потерять остальное здоровье, а потому он и обратился к Вашему Превосходительству с просьбой позволить ему приехать в Архангельск на свой счет, но без полицейского служителя, потому что привоз последнего в Архангельск и возвращение в Кемь стоит слишком дорого. Правда, сын без моего пособия и один не может приехать сюда на переменных; но я, как отец, не могу отказать ему в этом пособии, хотя и оно для меня нелегко, особенно в настоящее время; но что же сделать для поддержания здоровья сына и может быть чрез то спасения его жизни, я жертвую последними своими средствами. – При объявлении мне Вашим превосходительством о перемещении сына в Воронежскую губернию, с видимым со стороны Вашей ко мне участием, я не мог ничего сказать кроме того, что не имею средств отправить сына на свой счет, зная, что на это потребуется слишком огромная цифра расхода, которого удовлетворить я не могу, и вовсе не предполагая в то время о возможности отправления его другим каким-либо способом, требующим гораздо меньших расходов. Теперь же мне представляется возможным отправить его до Архангельска, как в своей губернии, на обывательских или полицейских или земских, как они называются, лошадях за прогоны сына, посредством ямщиков с передачею его от одного другому, а последним в здешнее городское полицейское управление. Если этого недостаточно для наблюдения за сыном, то нельзя ли распорядиться, чтобы от станции до станции провожал его десятский или другой какой подобный земский выборный, который на тех же лошадях и будет возвращаться обратно с ямщиком. В обоих случаях сын может быть отправлен на паре, тем более что зимний путь уже установился хорошо, да и по почтовым даже правилам с 1 декабря на двоих полагается пара, и таким образом приезд его сюда обойдется всего в 25 р.с., кроме мелочных расходов, которых очень немного. Такая отправка для Вашего Превосходительства совершенно безопасна со стороны сына; о при том я еще смею уверить Ваше Превосходительство и поручиться перед Вами, что сын мой, если бы и один был отправлен, не сделает ничего непозволительного, а тем более влекущего за собою какую-либо ответственность; о скрывании себя или о побеге нельзя и предположить, особенно в настоящее время и без средств; да и куда и зачем укрываться, тем более когда перевод он считает для себя большим спасением, приравнивая его половине полного освобождения; а моя просьба, мое ручательство при шестерых на руках детях разве мало для него значат. Дальнейшее следование его из Архангельска в Вологду, я смею надеяться, на сколько возможно, будет облегчено Вашим Превосходительством. Позвольте

надеяться на милость и снисхождение Вашего Превосходительства к моей просьбе об отправлении сына из Кеми в Архангельск сказанным мною образом. Такое желание сына не есть его прихоть; из Петербурга он без малейшего ропота следовал сюда этапным порядком, хотя, кажется Князь Урусов вступался за него и хотел требовать, чтобы сына, как свидетеля, отправили на почтовых; но сын этого не искал, потому что он не видел для себя, кроме продолжительности пути никакого вреда. Теперь другое дело – это следование угрожает ему совершенною потерей здоровья, что и заставляет его умолять Ваше превосходительство об облегчении его положения. – В заключении еще осмеливаюсь всепокорнейше просить Ваше Превосходительство исполнить мою всепокорнейшую просьбу и тем облегчить и мое грустнотяжелое положение.

Имею честь свидетельствовать
Вашему Превосходительству
истинное и глубочайшее почтение
и совершенную преданность,
с коими честь имею быть навсегда.

Вашего Превосходительства
Милостивейшего Государя
всепокорейший слуга
Степан Пругавин

г. Архангельск
ч. 18 ноября 1872 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дело о высылке под надзор полиции в Архангельскую губернию студента Петровской земледельческой академии Пругавина. ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. Л. 98–100.

² Уточнение по Губернскому Адрес-календарю лиц служащих в Архангельской губернии на 1864 год.

³ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 1. Д. 2189. Л. 98.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреева А. В. К юбилею Общества Архангельских врачей // Медик Севера. 2008. № 5. С. 4–5.
2. Губернии Российской империи. История и руководители. 1708–1917. М.: Объединенная редакция МВД России, 2003. 480 с.
3. Колтовский Е. Военные страницы биографий руководителей Архангельской губернии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sites.google.com/site/ekoltovoyarticles/voennye-stranicy-biografij-rukovoditelej>
4. Попов Г. П. Губернаторы Русского Севера. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 2001. 494 с.
5. Сажин Б. Б. Проблема народных религиозных движений в народничестве А. С. Пругавина (70–80-е гг. XIX века): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005. 22 с.
6. Санако Т. А. Исследователь старообрядчества А. С. Пругавин (К 150-летию со дня рождения) // Памятные даты Архангельской области. Архангельск, 2000. С. 56–59.

Kuznetsova N. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

S. B. PRUGAVIN'S LETTER TO ARKHANGELSK GOVERNOR N. P. IGNATIEV

For the first time, the letter of Arkhangelsk school inspector S. B. Prugavin, written in November of 1872 and addressed to the governor of Arkhangelsk N. P. Ignatiev, is considered and analyzed in detail. The influence of S. B. Prugavin on the fate of his exiled son A. S. Prugavin is studied. A. S. Prugavin was exiled into the city of Kem in 1872. There he experienced physical and financial difficulties. Later the populist A. S. Prugavin grew into a distinguished researcher of the religious life of people residing on the territory of the Great Russian Empire. The text of the letter, discovered by the author in the personal file of the exiled A. S. Prugavin and stored in the State Archives of Arkhangelsk, is contained in the article. The author concludes that the letter written by S. B. Prugavin played an important role in the improvement of his son's exile conditions.

Key words: Russian North, A. S. Prugavin, Arkhangelsk province, Populism, political exile

REFERENCES

1. Andreeva A. V. On the anniversary of the Society of Arkhangelsk doctors [K yubileyu Obshchestva Arkhangel'skikh vrachej]. *Medik Severa* [The Medic of the North]. 2008. № 5. P. 4–5.
2. *Gubernii Rossiyskoy imperii. Istoriya i rukovoditeli. 1708–1917* [Provinces of Russian Empire. History and leaders. 1708–1917]. Moscow, Ob"edinennaya redaktsiya MVD Rossii Publ., 2003. 480 p.
3. Kol'tovskiy E. *Voennye stranitsy biografii rukovoditeley Arkhangel'skoy gubernii* [The military pages of the biography of heads of Arkhangelsk Province]. Available at: <https://sites.google.com/site/ekoltovoyarticles/voennye-stranicy-biografij-rukovoditelej>
4. Popov G. P. *Gubernatory Russkogo Severa* [The governors of the Russian North]. Arkhangel'sk, Sev.-zap. kn. izd-vo Publ., 2001. 494 p.
5. Sazhin B. B. *Problema narodnykh religioznykh dvizheniy v narodnichestve A. S. Prugavina (70–80-e gg. XIX veka): Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [The problem of popular religious movements in populism A. Prugavin (70–80-ies XIX century): Author's abst. PhD. hist. sci. diss.]. Moscow, 2005. 22 p.
6. Sanako T. A. A research on A. S. Prugavin as an Old Believer (the 150th anniversary) [Issledovatel' staroobryadchestva A. S. Prugavin (K 150-letiyu so dnya rozhdeniya)]. *Pamyatnye daty Arkhangel'skoy oblasti* [Memorable dates of Arkhangelsk region]. Arkhangel'sk, 2000. P. 56–59.

Поступила в редакцию 21.07.2015

АЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА ШЕРЕМЕТ

соискатель кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
avl_sh@mail.ru

СОТРУДНИЧЕСТВО ПРЕДПРИЯТИЙ КАРЕЛИИ В РАМКАХ ПОБРАТИМСКИХ СВЯЗЕЙ В 70–80-е ГОДЫ XX ВЕКА

Впервые рассматривается проблема взаимоотношения коллективов предприятий и организаций городов Карелии с предприятиями зарубежных стран в рамках взаимоотношений городов-побратимов в 1970–80-е годы. Основой для написания статьи послужили архивные материалы Национального архива Республики Карелия (НА РК). Связи предприятий устанавливались в рамках реализации договоров о дружбе, заключенных между городами Карелии и их зарубежными городами-побратимами. Большую роль здесь играла инициатива отдельных сотрудников и руководства. К концу 1980-х годов подобные связи были установлены более чем 10 предприятиями и учреждениями республики. Представлена история становления сотрудничества отдельных предприятий, описаны формы и направления взаимодействия коллективов, приведены примеры взаимного использования опыта.

Ключевые слова: города-побратимы, породненные города, международные отношения, промышленные предприятия

После Второй мировой войны за рубежом начали появляться новые формы сотрудничества, которые сближали народы и создавали условия для развития всех сфер жизни. В их числе получило широкое признание побратимство городов, в которое с каждым годом включались все новые города и страны. 28 апреля 1957 года в городе Экс-ле-Бен была создана Всемирная федерация породненных городов (ВФПГ). Согласно уставу ВФПГ цель организации состоит в «развитии взаимопонимания и сотрудничества между народами независимо от их расы, языка, религии или политической системы путем породнения городов и всемирного двуязычия, в соответствии с принципами хартии породненных городов; поддержания сотрудничества в духе равноправия между городскими и региональными властями всех стран» [3; 7]. ВФПГ выступала в поддержку принципов сохранения и укрепления мира, братской взаимопомощи и мирного сосуществования [2; 122]. Города СССР также влились в движение городов-побратимов, целью которого был обмен опытом повседневной жизни, достижениями в культуре, науке и образовании. Однако побратимство советских городов с зарубежными партнерами не сразу получило широкое распространение, так как условия холодной войны не позволяли свободно осуществлять обмены делегациями.

Города Карелии вступили в движение породненных городов в 60-е годы XX века. Наиболее активно в движении участвовал Петрозаводск, заключивший к началу 90-х годов XX века договоры с городами Варкаус (Финляндия), Нойбранденбург (ГДР), Ла-Рошель (Франция), Умео (Швеция), Дулут (США) и Тюбинген (ФРГ). Основные направления взаимодействия городов определялись еще в момент заключения договоров о дружбе и сотрудничестве. В качестве обязательного

пункта в договоры включалось положение об обмене делегациями представителей городов, специалистов в различных областях городского хозяйства, ученых и техников, работников культуры и науки. Так, в договоре с Нойбранденбургом указано, что «первостепенное внимание будет сосредоточено на изучении и внедрении передового опыта в социалистическом и коммунистическом строительстве, повышении эффективности общественного производства»¹. В договорах предусматривалось взаимодействие обществности: прямые контакты между коллективами предприятий и организаций, а также обмен опытом в хозяйственной деятельности. Поскольку развитие научно-технического прогресса во второй половине XX века шло быстрыми темпами, необходимо было установить контакты с Западом, чтобы наладить обмен опытом и достижениями в разных сферах производства товаров и услуг. Большую роль в этом процессе имели прямые связи коллективов предприятий и организаций в рамках побратимских связей городов. XXV съезд КПСС 1976 года в качестве первоочередной задачи выдвинул углубление социалистической интеграции на базе совместных целевых программ. XXVI съезд КПСС 1981 года призывал к более широкому использованию опыта организации производства, управления, решения народно-хозяйственных проблем². Обмен передовым опытом с зарубежными предприятиями был возможен в первую очередь за счет сотрудничества предприятий промышленности и сельского хозяйства. Сотрудничество коллективов предприятий происходило во многих формах, в том числе и в виде поездок делегаций, а также туристских групп, сформированных из рабочих, служащих, руководящих работников той или иной отрасли. В Петрозаводск, Кондопо-

гу, Костомукшу ежегодно приезжали работники отраслей народного хозяйства дружественных городов. Поездки работников предприятий часто носили ознакомительный характер, имели малое практическое значение, однако активно использовались для пропаганды идеологии советского государства. Наиболее тесными были связи коллективов предприятий Карельской АССР и округа-побратима Нойбранденбург, происходившие в первую очередь в форме непосредственного обмена опытом в рамках заключенных договоров о дружбе. В 70–80-е годы XX века подобные договоры имели более 10 предприятий Карелии:

- 1) Комбинат крупнопанельного домостроения Главсевзапстроя (г. Петрозаводск) – Домостроительный комбинат (г. Нойбранденбург);
- 2) Ордена Трудового Красного Знамени лесопильно-мебельный комбинат им. Октябрьской революции (г. Петрозаводск) – Мебельный комбинат им. Вильгельма Пика (г. Англам);
- 3) Ордена Трудового Красного Знамени Шуйско-Виданский леспромхоз (п. Чална, Пряжинский р-н) – Нойштрелицкое народное лесопромышленное предприятие (г. Нойштрелиц);
- 4) Объединение «Карелрыбпром» (г. Петрозаводск) – Народное предприятие рыбного хозяйства (г. Пренслав);
- 5) Кондопожский ордена Ленина Целлюлозно-бумажный комбинат им. С. М. Кирова – Картонная фабрика (г. Варен);
- 6) Производственно-техническое управление связи Карельской АССР – Управление связи округа Нойбранденбург;
- 7) Олонецкий мехлесхоз Министерства народного хозяйства Карельской АССР – Государственный лесхоз (г. Темплин);
- 8) Онежский ордена Октябрьской революции тракторный завод – Народное предприятие топливной аппаратуры округа Нойбранденбург;
- 9) Петрозаводская птицефабрика – Яйцефабрика в г. Брезенвице;
- 10) Машиностроительное производственное ордена Трудового Красного Знамени объединение «Петрозаводскбуммаш» им. В. И. Ленина – Комбинат по производству машин и оборудования для пищевой промышленности (г. Фрейберг);
- 11) Петрозаводский хлебозавод – Хлебобулочный комбинат (г. Нойбранденбург);
- 12) Совхоз им. Зайцева – Растениеводческий кооператив в д. Грабцев (ГДР);
- 13) Республиканская ордена «Знак Почета» типография им. П. Ф. Анохина – Типография им. Э. Вайнерта (г. Нойбранденбург).

Коллективы, установившие личные и производственные связи, а также заключившие договоры «О дружбе и сотрудничестве» или «О социалистическом соревновании», называли родственными или дружескими, а предприятия

именовались побратимами. В числе активных предприятий были Шуйско-Виданский леспромхоз и предприятие Нойштрелиц. В феврале 1970 года государственное лесопромышленное предприятие Нойштрелиц из Нойбранденбурга обратилось в Карелию с просьбой посодействовать в установлении личных контактов с одним из леспромхозов КАССР³. На породнение был рекомендован Шуйско-Виданский леспромхоз, где было создано отделение Общества дружбы «СССР – ГДР»⁴. В 1972 году эти предприятия обменялись визитами официальных делегаций: в феврале в ГДР выезжала делегация специалистов Шуйско-Виданского леспромхоза с целью знакомства с организацией работы предприятия Нойштрелиц⁵, в июле того же года в Карелию приезжала ответная делегация⁶. В 1974 году был подписан официальный договор о сотрудничестве коллективов предприятий⁷, предусматривающий освоение передовых методов труда, организации производства и бытовых условий⁸. Установление связей между коллективами служащих проходило очень активно, что поощрялось муниципалитетом города Петрозаводска и Карельским обкомом КПСС. Одна из первых официальных делегаций, выезжавших в Нойбранденбург, передала список из 70 предприятий, организаций, учреждений, образовательных заведений, рекомендованных для установления дружеских связей⁹.

В 1972 году были установлены связи между типографией им. П. Ф. Анохина и типографией им. Э. Вайнерта по предложению немецкой стороны¹⁰. По рекомендации председателя карельского отделения Общества дружбы «Советский Союз – ГДР» В. И. Ермакова была установлена переписка¹¹, а вскоре состоялись взаимные визиты делегаций с целью обучения работе с оборудованием для офсетной печати¹². В том же году начаты дружественные связи между коллективами заводов бумагоделательных машин г. Фрейберг (ГДР) и Петрозаводским заводом тяжелого машиностроения¹³. Вскоре, во время пребывания в ГДР делегации работников завода «Тяжбуммаш», между предприятиями был подписан договор о дружбе и сотрудничестве¹⁴, по которому определялись следующие направления совместной работы: обмен информацией и опытом партийной, профсоюзной, управленческой, научной работы, опытом рационализации производства и др.¹⁵ Одновременно подобные связи были установлены между коллективами Онежского ордена Октябрьской революции тракторного завода и предприятием топливной аппаратуры округа Нойбранденбург¹⁶. Договоры о сотрудничестве коллективов предприятий заключались в первую очередь со сходными организациями округа Нойбранденбург. Это связано с тем, что развивались данные взаимоотношения в рамках дружбы целых регионов, что означало более широкие возможности для поиска подходящего партнера. Кроме того, Нойбранденбург оставался

единственным побратимом из социалистического блока, а, как известно, в 60–70-е годы приоритетными были связи по укреплению отношений именно с социалистическими странами. Часто сотрудничество затруднялось тем, что зарубежные предприятия, являясь большей частью частными, не были заинтересованы в столь тесном сотрудничестве из-за «боязни раскрыть секреты своего производства», как отмечал мэр города Ла-Рошель М. Крепо¹⁷. Связи предприятий были действительно разносторонними и способствовали не только укреплению дружбы между населением двух стран посредством установления личных контактов рабочих и служащих, но являлись практически значимыми. Так, в результате непосредственного знакомства с немецким хлебобулочным комбинатом в 1976 году на Петрозаводском хлебозаводе были закуплены аппараты для глазировки конфет и тортов, ранее данная операция производилась вручную¹⁸.

Интересный опыт работы переняли и карельские строители. Побывав в 1973 году в Варкаусе, официальная делегация рабочих «Промстройтреста» и «Жилтреста» Петрозаводска ознакомилась с планировкой города, канализации, водопровода, инфраструктуры. Кроме того, было рекомендовано для применения в Петрозаводске использование железобетонных труб при строительстве водопровода и канализации, а также нанесение мастики на оконный переплет для герметизации¹⁹.

Опыт, полученный в результате ознакомления с зарубежными предприятиями, использовался и в сельском хозяйстве. В совхозе им. Зайцева стало применяться круглогодное стойловое содержание скота²⁰. А на новом комплексе в госплемобъединении поселка Новая Вилга велась работа по улучшению качеств племенного крупного рогатого скота и получению семени для искусственного осеменения коров на основе немецкого опыта²¹.

Петрозаводские полиграфисты типографии им. П. Ф. Анохина помимо того, что начали использовать технологию офсетной печати, внедрили у себя по примеру немецких коллег новую систему организации рабочих мест в наборном цехе, а также осуществили механизацию передачи печатной формы на пробу²².

Зарубежные предприятия, в свою очередь, заимствовали карельский опыт. Так, лесотехническое предприятие Варена в 1979 году, опираясь на достижения карельских предприятий, внедрило в производство метод получения витаминной муки из сосновой хвои²³.

Знакомство с организацией производства, работой коллективов, налаживание личных связей наиболее интересно проходило при непосредственном контакте рабочих и служащих во время совместной работы. Бригады строителей, лесозаготовителей, рыбоводов, рыболовов не просто знакомились с производством, но работали непосредственно на рабочих местах, осваивая

опыт на практике в ГДР. Инициаторами можно считать строителей и рыболовов Петрозаводска и Нойбранденбурга. Впервые строители-побратимы начали работать вместе в июле 1975 года во время пребывания делегации карельских рабочих в ГДР. В задачу группы входило не только теоретическое изучение организации и технологии строительства, но и практическое освоение методов и приемов труда, строительной техники, малой механизации²⁴. В то же самое время в КАССР пребывала делегация работников рыбной промышленности округа Нойбранденбург, которая в целях изучения опыта работы карельских рыбаков принимала участие в вылове рыбы на Онежском озере и Белом море²⁵. Ответный визит карельской делегации состоялся в октябре 1975 года; по результатам поездки в Карелии начали применять опыт выращивания рыбы в бассейнах и естественных водоемах вместо прудов²⁶.

В 1986 году во время поездки делегации работников общественного питания заместитель заведующего производством ресторана «Северный» Р. Е. Бастынина в течение трех дней работала в ресторане «Четверо ворот» (Нойбранденбург), отрабатывала технологию приготовления блюд немецкой кухни, а также готовила рыбу «по-карельски» для посетителей. Бариста В. А. Кишкурно знакомились с рецептами и технологией приготовления ассортимента продукции молочного бара²⁷. Регулирование данных обменов строилось на основе действующего законодательства и двусторонних соглашений правительств государств. Проезд оплачивался предприятием, отправляющим делегацию, обратным – принимающим. О питании и размещении заботилась принимающая сторона, ею же выдавались «карманные деньги» членам делегации (примерно 20 руб. в сутки). Кроме того, направляющее предприятие выплачивало членам делегации за период их пребывания за границей зарплату. При возникновении разного рода несчастных случаев расходы на лечение оплачивались принимающей стороной, а дальнейшие претензии (пенсия по инвалидности и прочее) решались уже в направляющей делегацию стране²⁸. Подобные обмены опытом имели большое значение для знакомства людей с производством, опытом работы, а также с культурой другого народа и установления личных связей между людьми.

В конце 1980-х годов в связи с проведением политики перестройки, ослаблением партийного контроля стали развиваться партнерские отношения с предприятиями капиталистических стран. Так, в июле 1988 года между Петрозаводском и Варкаутом был подписан протокол о намерениях в целях развития экономического сотрудничества [1]. Сотрудничество коллективов предприятий и организаций развивалось в разных отраслях народного хозяйства: лесной, деревообрабатывающей и бумажной промышленности, машиностроении и др. Однако активное раз-

витие такого вида связей шло только с округом Нойбранденбург, с остальными же побратимами обменивались лишь группами специализированных туристов, приезжавших для ознакомления

с работой той или иной отрасли или структуры. Только в конце 1980-х годов появилась возможность развития партнерских отношений с предприятиями капиталистических стран.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Договор о дружественных связях между городами Петрозаводск (СССР) и Нойбранденбург (ГДР) // Администрация Петрозаводского городского округа: договоры о побратимстве [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.petrozavodsk-mo.ru/petrozavodsk_new/city/relations/cities/dogovor.htm
- ² XXVI съезд Коммунистической партии Советского Союза, 23 февр. – 3 марта 1981 г. Стенографический отчет. Т. 1. М., 1981. С. 23–24.
- ³ НА РК. Ф. П-3. Оп. 21. Д. 111. Л. 39.
- ⁴ Там же. Л. 41.
- ⁵ Там же. Оп. 23. Д. 149. Л. 21.
- ⁶ Там же. Д. 152. Л. 30.
- ⁷ Там же. Оп. 25. Д. 182. Л. 11–12.
- ⁸ Там же. Оп. 28. Д. 147. Л. 8.
- ⁹ Там же. Оп. 22. Д. 103. Л. 13.
- ¹⁰ Там же. Оп. 23. Д. 149. Л. 11.
- ¹¹ Там же. Л. 31.
- ¹² Там же. Д. 152. Л. 21.
- ¹³ Там же. Д. 150. Л. 1.
- ¹⁴ Там же. Д. 152. Л. 71.
- ¹⁵ Там же. Д. 150. Л. 2–4.
- ¹⁶ Там же. Д. 149. Л. 112.
- ¹⁷ Там же. Оп. 24. Д. 152. Л. 16.
- ¹⁸ Там же. Оп. 27. Д. 171. Л. 80.
- ¹⁹ Там же. Оп. 24. Д. 151. Л. 103–106.
- ²⁰ Там же. Оп. 21. Д. 71. Л. 15.
- ²¹ Там же. Оп. 28. Д. 209. Л. 172–173.
- ²² Там же. Оп. 30. Д. 147. Л. 9.
- ²³ Там же. Л. 8–9.
- ²⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁵ Там же. Оп. 26. Д. 150. Л. 44.
- ²⁶ Там же. Л. 128.
- ²⁷ Там же. Оп. 37. Д. 195. Л. 11.
- ²⁸ Там же. Оп. 26. Д. 150. Л. 6–7.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавулинская Л. И. Побратимские связи городов СССР и Финляндии в 1960–1980-е гг. как фактор формирования новых форм сотрудничества на региональном уровне // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Петрозаводск, 2008. С. 65–76.
2. Максимов В. Б. Образование Всемирной федерации породненных городов и начало ее деятельности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2011. № 1. С. 121–127.
3. Монько А. М. Побратимы. Волгоград: Нижневолжское кн. изд-во, 1972. 192 с.

Sheremet A. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

COOPERATION OF KARELIAN ENTERPRISES WITHIN TWINNING PARTNERSHIP PROJECT OF 1970–80s

The issue of relations among management staff and workers of Karelian enterprises, Karelian cities' organizations and their counterparts within town twinning partnership in the 1970s–80s is studied in the article. The problem is researched for the first time. The research results are based on the materials of the National Archives of the Republic of Karelia (NA RK). The companies' relationships were established in the framework of friendship treaties signed by the cities and towns of Karelia. The initiative of single employees and members of the management staff played a significant role in the development of the twin-city relations. By the end of the 1980s similar links had been established by around 10 enterprises and organizations of the Republic. The history of international cooperation development initiated by single enterprises is presented; the forms and directions of the personnel interaction are described; multiple examples of mutual experience employment are provided.

Key words: Twin Cities, sister-cities, Republic of Karelia, international relations, industrial enterprises, partnership

REFERENCES

1. Vavulinskaya L. I. Twinning of the cities of the USSR and Finland in the 1960s–1980s as a factor of formation of new forms of cooperation at the regional level [Pobratimskie svyazi gorodov SSSR i Finlyandii v 1960–1980-e gg. kak faktor formirovaniya novykh form sotrudnichestva na regional'nom urovne]. *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kul'ture Karelii i sopredel'nykh regionov* [Borders and contact zones in the history and culture of Karelia and adjacent regions]. Petrozavodsk, 2008. P. 65–76.
2. Maksimov V. B. On the Foundation of the World United Towns of the Federation and commencement of its functioning [Obrazovanie Vsemirnoy federatsii porodnennykh gorodov i nachalo ee deyatel'nosti]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations]. 2011. № 1. P. 121–127.
3. Mon'ko A. M. *Pobratimy* [Twin town]. Volgograd, Nizhnevolzhskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1972. 192 p.

Поступила в редакцию 09.07.2015

ДМИТРИЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ ЕЛАХОВСКИЙкандидат физико-математических наук, доцент кафедры общей физики физико-технического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
*elahovsky@mail.ru***АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ НАЗАРОВ**доктор педагогических наук, заведующий кафедрой общей физики физико-технического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
anazarov@petrsu.ru

МЕТОДИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЙ БАКАЛАВРОВ СТРОИТЕЛЬНОЙ СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Рассмотрен алгоритм проведения практических занятий по физике на строительном факультете университета с учетом предполагаемой профессиональной деятельности выпускников. В отличие от традиционного методического обеспечения практического фрагмента курса общей физики, предлагаемый алгоритм предусматривает знакомство студентов с решением проблемы проектирования физической среды помещений, обеспечивающей комфортное пребывание людей и условий технологических процессов. Формирование климатической и акустической среды помещений в большой степени связано с физическими законами распространения тепловых и звуковых волн и их взаимодействием с ограждающими конструкциями зданий. Поэтому рассмотрение конкретных ситуаций, имеющих место при проектировании зданий различного назначения, предполагается весьма полезным в качестве практической составляющей курса общей физики. Такой подход может способствовать повышению мотивации к изучению курса физики.

Ключевые слова: строительная физика, тепловое сопротивление, звукоизолирующая способность, методика преподавания физики

В [4] рассмотрен один из способов повышения привлекательности курса физики для студентов строительной специальности, связанный с адаптацией учебной дисциплины к предполагаемой профессиональной деятельности бакалавров. Его реализация предусматривает использование в рамках традиционного курса «Общая физика» основных элементов учебной дисциплины «Строительная физика», в частности таких ее разделов, как «Архитектурная климатология» и «Архитектурная акустика». Проектирование зданий различного назначения, связанных как с жизнедеятельностью людей, так и организацией различных производств, должно реализовывать условия их эксплуатации, обеспечивающие комфортное пребывание людей в помещениях, долговечность конструкций зданий и их оборудования, соблюдение технологических условий, повышающих качество выпускаемой продукции.

Эти задачи напрямую связаны с решением проблемы формирования в помещениях микроклимата, отвечающего состоянию теплового комфорта людей и требованиям используемых технологических процессов, то есть с формированием соответствующей климатической среды. Ее состояние определяется в первую очередь температурно-влажностными параметрами воздуха в помещениях, значения которых напрямую связаны с функциональными возможностями

ограждающих конструкций. Следует также отметить роль акустической среды помещений, обеспечивающей оптимальный «слуховой комфорт».

Основополагающие аспекты формирования климатической и акустической среды помещений, удовлетворяющей комфортным условиям жизнедеятельности человека, фрагментарно рассматриваются в рамках курса «Общая физика», однако многие нюансы данной проблематики остаются «за кадром». Следует также отметить, что общепринятая при проектировании климатической среды помещений терминология, связанная, с одной стороны, с конкретными физическими явлениями, а с другой – имеющая специфические предметные особенности, как правило, не рассматривается в лекционной программе курса физики, поэтому знакомство с ней представляется весьма полезным. Заметим также, что в учебных планах строительных факультетов не всегда присутствует дисциплина «Теплотехника».

Естественно, что предложенный способ повышения мотивационной составляющей к обучению физике студентов строительной специальности университетов, основанный на привлечении элементов строительной физики, предполагает не только пересмотр основных концептуальных основ изложения теоретического материала, но и изменение методики проведения практических

занятий и организации самостоятельной работы студентов. Алгоритм проведения практических занятий предполагает не только решение задач в рамках традиционного курса общей физики [1], [5], [7], [8], [9] и задач с производственным контекстом [6], [11], но и рассмотрение вопросов формирования климатической, акустической и световой среды помещений. Необходимый теоретический материал рассматривается в соответствующих разделах курса физики, а также представлен в учебных пособиях [2], [3].

Включение в практические занятия ситуаций, связанных с предполагаемой профессиональной деятельностью студентов, может способствовать привлекательности физики. Ниже рассмотрены методические приемы проведения практических занятий на примере осуществления тепловых и акустических расчетов.

ФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АРХИТЕКТУРНОЙ КЛИМАТОЛОГИИ

Выбор материала и геометрических размеров ограждений определяется не только соображениями механической прочности, но и необходимостью обеспечения теплового комфорта людей. Решение этой проблемы достигается с помощью тепловых расчетов ограждений, позволяющих оценить тепловые потери зданий и отдельных помещений, что, в свою очередь, дает возможность при их проектировании обосновать наиболее приемлемые с точки зрения теплотехники предполагаемые многослойные ограждения. Полученная информация определяет выбор мощностных характеристик отопительного оборудования помещений. Следует также отметить необходимость учета воздухо- и влагопроницаемости ограждений, с помощью которых решается задача кондиционирования воздушной среды помещений.

Рассмотрим ряд задач, которые могут быть предложены студентам на практических занятиях по теме «Физические основы архитектурной климатологии».

1. Основным фактором формирования климатической среды помещений являются теплофизические свойства ограждений, поэтому возникает необходимость расчета их тепловых и температурных характеристик. Студентам предлагается использовать при расчетах модель ограждения, состоящего из нескольких слоев с различными геометрическими, плотностными и теплофизическими характеристиками. В виде исходных данных задаются температуры внутреннего t_v и наружного t_n воздуха, материал каждого слоя (тем самым задаются коэффициенты теплопроводности α_i) и их толщина d_i . Студенты рассчитывают:

1.1. Общее тепловое сопротивление ограждения R_o ($\text{м}^2 \cdot \text{ч} \cdot ^\circ\text{C} / \text{ккал}$). Данная характеристика определяет тепловой поток, проходящий через

конкретное ограждение. Ее численное значение определяется наружной и естественной конвекцией, а также термическими сопротивлениями отдельных слоев ограждения (R_i):

$$R_o = R_v + \sum_i R_i + R_n, \quad (1)$$

где $R_v = 0,133$ ($\text{м}^2 \cdot \text{ч} \cdot ^\circ\text{C} / \text{ккал}$) – сопротивление тепловосприятию, вызванное наличием естественной (внутренней) конвекции, $R_n = 0,05$ ($\text{м}^2 \cdot \text{ч} \cdot ^\circ\text{C} / \text{ккал}$) – сопротивление теплопередаче благодаря наружной конвекции, $R_i = d_i / \alpha_i$ – термическое сопротивление i -го слоя.

Данный расчет позволяет установить, какой слой ограждения играет основную теплозащитную роль. Для установления соответствия ГОСТу ограждения по сопротивлению теплопередаче студенты оценивают его требуемую величину R_o^{mp} :

$$R_o^{mp} = \frac{(t_a - t_n)}{\Delta t} R_s, \quad (2)$$

где $\Delta t = 6$ град. – нормативный температурный перепад для наружной стены. Необходимое условие – $R_o > R_o^{mp}$. Данный расчет позволяет обосновать выбор материала ограждения как с точки зрения его теплозащитной эффективности, так и с экономической точки зрения.

1.2. Плотность теплового потока q ($\text{ккал} / \text{м}^2 \cdot \text{ч}$).

Рассчитанное полное тепловое сопротивление позволяет определить энергию теплового потока, проходящего в единицу времени через единичную площадку. Естественно, что данная величина постоянна в пределах ограждающей конструкции:

$$q = \frac{t_a - t_n}{R_o}. \quad (3)$$

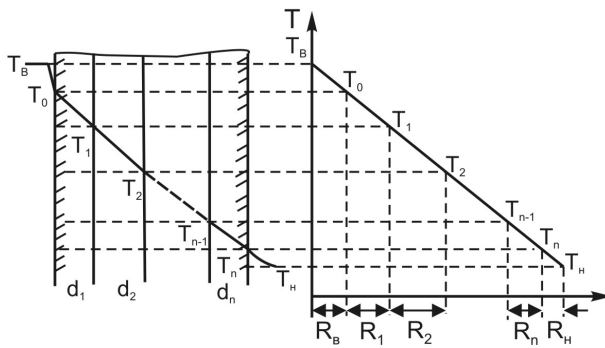
1.3. Распределение температур в многослойной ограждающей конструкции.

Постоянство теплового потока внутри ограждения позволяет рассчитать температуры на границе каждого слоя ограждения:

$$t_i = t_{i-1} - \frac{R_i}{R_o} (t_a - t_n), \quad (4)$$

где t_i – определяемая температура ($^\circ\text{C}$), t_{i-1} – температура в предыдущем слое, R_i – тепловое сопротивление слоя, в котором определяется температура.

Студентам предлагается использовать графический метод, основанный на соотношении: $T_{i-1} - T_i = jR_i$. Этот метод иллюстрирует рисунок, на котором прямая с наклоном $\Delta T / \Delta R = j$, соответствующая постоянству теплового потока, позволяет сначала определить температуры слоев в масштабах тепловых сопротивлений с последующим получением температур на границах слоев ограждения.

Диаграмма, используемая для расчета температур на границах многослойной стены [10]

2. С целью разнообразить спектр решаемых практических задач в п. 1 студентам предлагается при известном материале слоя определить требуемую толщину или, наоборот, при известной толщине слоя выбрать соответствующий материал. В этих случаях, рассчитав R_{op}^{mp} и приравняв R_0 из выражения (1), найдем d_i или α_i .

3. Несколько усложненный вариант предполагает отсутствие информации о температуре наружного воздуха. В этом случае студенты изначально определяют показатель тепловой инерции строительного ограждения, который характеризует проникновение тепловых волн вглубь вещества:

$$D = \sum_i R_i S_i, \quad (5)$$

где R_i – термическое сопротивление отдельных слоев; S_i (ккал/м²·ч·°C) – коэффициенты теплоусвоения материала, которые характеризуют амплитуду колебаний плотности теплового потока на поверхности ограждения при амплитуде колебаний температуры этой поверхности, равной 1 °C (затабулированные величины).

Знание D позволяет в случае, когда не задана температура наружного воздуха, выбрать ее, руководствуясь следующим правилом: $D < 4$, $t_n = T_1$ – средняя температура наиболее холодных суток в данной местности, $4 < D < 7$, $t_n = T_3$ – соответствует среднему значению наиболее холодных трех суток, а при $D > 7$, $t_n = T_5$ – среднему значению наиболее холодных пяти суток. Значения указанных температур для разных городов находятся в таблицах климатических данных.

4. Наличие влаги внутри ограждения существенно влияет на теплопроводящие свойства его отдельных слоев, а влажный воздух внутренних помещений способствует его конденсации на внутренней поверхности ограждения с возможностью промерзания в зимнее время.

Если добавить в п. 1 в качестве параметра влажность внутреннего воздуха ϕ , то можно предложить студентам следующую задачу: выяснить вероятность конденсации пара на внутренней поверхности ограждения. Для этого опре-

деляется упругость водяного пара внутреннего воздуха (в мм рт. ст.) при заданной влажности:

$$P_v = E_v \phi / 100, \quad (6)$$

где E_v – максимальная упругость водяного пара при заданной температуре, ϕ – влажность воздуха, выраженная в %.

Это позволит найти точку росы τ_p . Если эта величина меньше температуры внутреннего воздуха, конденсации водяных паров не будет, и наоборот. Так как теплозащитные свойства ограждения зависят от его паропроницаемости, то студенты должны рассчитать сопротивление паропроницаемости ограждения:

$$\sum_{i=1} d_i / \mu_i, \quad (7)$$

где μ_i – коэффициенты паропроницаемости (входят в число исходных данных).

ФИЗИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АРХИТЕКТУРНОЙ АКУСТИКИ

Основные физические и физиологические характеристики звуковых волн достаточно подробно рассматриваются в лекционной и практической частях курса общей физики. В поле зрения архитектурной акустики находятся вопросы создания в помещениях «слухового комфорта» и подавления вредных воздействий шумов различной природы. Рассмотрим ряд заданий, которые могут быть предложены студентам на практических занятиях, связанных с этой темой.

1. Одним из параметров, характеризующих качество звуковой среды помещений, является время стандартной реверберации. При расчете этого параметра необходимая информация включает в себя: размер помещения (длина, ширина, высота); материал пола, стен, потолка, наличие окон (их количество n_1 , площадь $S_{ок}$, наличие штор); наличие мебели (столов) и их количество N_2 ; количество посадочных мест (стулья, кресла) N ; коэффициент заполнения k (или количество людей в помещении N_1). Коэффициенты поглощения материалов внутренних поверхностей ограждений α_i (стен $\alpha_{ст}$, пола $\alpha_{пол}$, потолка $\alpha_{пот}$), остекления окон α_3 , поглощение посадочных мест α_1 , людей α_2 и мебели α_m считаются известными. В предлагаемых заданиях указанные параметры варьируются в широких пределах. Стандартное время реверберации $t_{рев}$ (с), пренебрегая поглощением звука в воздухе, рассчитывается по формуле:

$$t_{рев} = 0,163 V/A, \quad (8)$$

где V – объем помещения, A – эффективный показатель поглощения:

$$A = \sum_i \alpha_i S_i + \alpha_2 kN + \alpha_1 (1-k)N + \alpha_m N_2 + n_1 \alpha_3 S_{ок}. \quad (9)$$

Если учитывать поглощение звуковых волн в воздушной среде, то:

$$t_{\text{рев}} = 53,2 \cdot V / (4b + A) \cdot v, \quad (10)$$

где $v = 340$ м/с – скорость звука в воздухе, $b = 0,002$ м⁻¹ – коэффициент звукопоглощения в воздухе.

Указанные параметры N , k , n_1 , n , i варьируются в пределах от 0 до указанных в условии данного расчета. Полученное значение стандартного времени реверберации можно сравнить с оптимальным временем реверберации:

$$t_{\text{рев}}^{\text{опт}} = m \cdot \sqrt[3]{V}, \quad (11)$$

где V – объем помещения, m – коэффициент, зависящий от типа помещения: $m = 0,1$ с/м для оперных театров, $m = 0,09$ с/м для концертных залов, $m = 0,075$ с/м для аудиторий и драматических залов.

2. Важной задачей архитектурной акустики при формировании необходимой звуковой среды является предотвращение вредных воздействий производственных и бытовых шумов, что связано с проблемой звукоизоляции. Решение этой задачи обеспечивается выбором строительных ограждений с необходимыми звукоизоляционными свойствами. Их эффективность характеризуется коэффициентом звукопроводимости материала ограждения β , равным отношению интенсивности прошедшей через ограждения звуковой волны $I_{\text{пр}}$ к падающей I_0 , а также звукоизолирующей способностью однородного ограждения R :

$$R = 10 \lg 1/\beta = 10 \lg I_0/I_{\text{пр}}. \quad (12)$$

Звукоизолирующая способность $R_{\text{ср}}$ ограждения, состоящего из участков с различной звукопроводимостью:

$$R_{\text{ср}} = 10 \lg \frac{S}{\sum \beta_i S_i}, \quad (13)$$

где S – полная поверхность ограждения (м²), S_i – площадь участка поверхности с коэффициентом

звукопроводности β_i . В том случае когда задана звукоизолирующая способность материала, переход к коэффициенту звукопроводности осуществляется по формуле:

$$\beta_i = 10^{-0,1 R_i}. \quad (14)$$

В условиях конкретного расчета задаются геометрические размеры элементов ограждения (стены, дверей, окон), коэффициенты звукопоглощения материала стен (отдельных слоев), изолирующая способность дверей и коэффициенты звукопроводности окон. С помощью формул (12) и (13) студенты определяют звукоизолирующую способность данного ограждения, а по формуле (14) рассчитывают его коэффициент звукопроводности.

В зависимости от частоты звука f звукоизолирующая способность ограждения рассчитывается по формуле:

$$R = 20 \lg mf - 47,5 \text{ дБ}, \quad (15)$$

где $m = \rho \cdot h$ – поверхностная плотность ограждения (ρ – плотность материала ограждения, h – толщина слоя). В том случае когда $m < 200$ кг/м²:

$$R = 12 \lg m + 13 \text{ дБ}, \quad (16)$$

при $m > 200$ кг/м²:

$$R = 23 \lg m - 10 \text{ дБ}. \quad (17)$$

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предложенные методические подходы к организации практических занятий по физике на основе решения профессионально ориентированных задач для студентов-строителей, связанных с расчетом климатической и акустической среды помещений различного предназначения, представляются полезными с точки зрения обеспечения мотивационной составляющей к освоению физики посредством реализации междисциплинарного взаимодействия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волькенштейн В. С. Сборник задач по общему курсу физики. М.: Наука, 1969. 463 с.
2. Елаховский Д. В., Малиненко И. А. Физические основы архитектурной акустики: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 130 с.
3. Елаховский Д. В., Малиненко И. А. Физические основы архитектурной климатологии: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2008. 102 с.
4. Елаховский Д. В., Назаров А. И. Методические подходы к обучению физике бакалавров строительного факультета // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. Сер. «Общественные и гуманитарные науки». 2015. № 1(146). С. 45–49.
5. Иродов И. Е. Задачи по общей физике. М.: Наука, 1979. 367 с.
6. Назаров А. М. Вопросы и задачи по физике с производственным содержанием. М.: Высш. шк., 1987. 119 с.
7. Новиков С. И. Сборник задач по общей физике. М.: Мир, 2006. 360 с.
8. Савельев И. В. Сборник задач и вопросов по общей физике. М.: Наука, 1982. 340 с.
9. Сивухин Д. В. Сборник задач по общему курсу физики. СПб.: Лань, 2006. 405 с.
10. Тодес О. М. Курс лекций и заданий по строительной физике. Л., 1972. 115 с.
11. Усанов В. В. Сборник задач по физике для строителей. М.: Высш. шк., 1976. 119 с.

Elakhovskiy D. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
Nazarov A. I., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

METHODOLOGICAL SUPPORT OF PRACTICAL CLASSES FOR UNDERGRADUATE STUDENTS OF ENGINEERING FACULTY

The article presents an arrangement algorithm applicable for practical classes in Physics taught at the civil engineering faculty considering future professional activities of the faculty graduates. Contrary to the widely practiced traditional methodological support the proposed algorithm provides students with an opportunity to solve the problem of structuring physical engineering environment, which can ensure both people's comfort and adherence to specifications. Such approach will contribute to the motivation component of the educational process. Development of the climate and acoustic environment of different accommodation is closely related to the general physics' principles of thermal and acoustic waves' propagation and their interaction with the building enclosing structures. Therefore, a study of some cases describing practical situations occurring in the process of designing buildings and their further consecutive construction could be of particular practical value.

Key words: building physics, thermal resistance, sound insulation, methods of teaching physics

REFERENCES

1. Vol'kenshteyn V. C. *Sbornik zadach po obshchemu kursu fiziki* [A problem book in general physics]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 463 p.
2. Elakhovskiy D. V., Malinenko I. A. *Fizicheskie osnovy arkhitekturnoy akustiki* [Physical basis for architectural acoustics]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2008. 130 p.
3. Elakhovskiy D. V., Malinenko I. A. *Fizicheskie osnovy arkhitekturnoy klimatologii* [Physical basis for building climatology]. Petrozavodsk, PetrGU Publ., 2008. 102 p.
4. Elakhovskiy D. V., Nazarov A. I. Methodological approach to teaching physics for undergraduate students of a civil engineering faculty [Metodicheskoe obespechenie prakticheskikh zanyatiy bakalavrov stroitel'noy spetsial'nosti]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Obshchestvennye i gumanitarnye nauki"* [Proceedings of Petrozavodsk State University. Social Sciences and Humanities]. 2015. № 1 (146). P. 45–49.
5. Irodov I. E. *Sbornik zadach po obshchemu kursu fiziki* [A problem book in general physics]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 367 p.
6. Nazarov A. M. *Voprosy i zadachi po fizike s proizvodstvennym soderzhaniam* [Questions and problems on physics with industrial content]. Moscow, Vyschaya shkola Publ., 1987. 119 p.
7. Novikov S. I. *Sbornik zadach po obshchey fizike* [A problem book in general physics]. Moscow, Mir Publ., 2006. 360 p.
8. Savel'ev I. V. *Sbornik zadach i voprosov po obshchey fizike* [Book of general physics problems and questions]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 340 p.
9. Sivukhin D. V. *Sbornik zadach po obshchemu kursu fiziki* [A problem book in general physics]. St. Petersburg, Lan' Publ., 2006. 405 p.
10. Todes O. M. *Kurs lektsiy i zadach po stroitel'noy fizike* [Course of lectures and tasks on building physics]. Leningrad, 1972. 115 p.
11. Usanov V. V. *Sbornik zadach po fizike dlya stroiteley* [A problem book in general physics for builders]. Moscow, Vyschaya shkola Publ., 1987. 119 p.

Поступила в редакцию 20.07.2015

АЛЕКСАНДР АРКАДЬЕВИЧ БАРКОВИЧ

кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной лингвистики филологического факультета, Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь)
albark@tut.by

КОМПЬЮТЕРНО-ОПОСРЕДОВАННАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ПОТЕНЦИАЛ МЕТАЛЕКСИЧЕСКОЙ ЗНАЧИМОСТИ

В контексте динамичного развития компьютерно-опосредованной коммуникации особую значимость приобретает метаязыковая специфика ее текстовой базы. Научное сопровождение расширяющегося высокими темпами интернет-контента предполагает комплексную, дискурсивную имплементацию обобщений и моделей теоретического аппарата языка. Активное развитие вторичных семиотических систем, формализация естественных и создание искусственных языков обуславливают безальтернативность задействования в информационной сфере широкой лингвистической парадигмы – для системной и последовательной репрезентации семантики и решения прикладных проблем. Современная лингвистическая парадигма обладает ярко выраженной прикладной целесобразностью, обогащаясь интердисциплинарными, мультидисциплинарными и кроссдисциплинарными моделями. Специфика компьютерно-опосредованного дискурса, обусловленная содержанием лингвоинформационного формата современной коммуникации, предполагает не только перманентную формализацию семантики эмпирического материала, но и развитие металингвистических категорий. Обладая существенным метаязыковым потенциалом, универсалия значимости в среде компьютерно-опосредованного дискурса приобрела динамику, заметную даже на консервативном грамматическом уровне. Металексическое моделирование языковых отношений в среде компьютерно-опосредованной коммуникации востребовано практикой и актуально в теоретическом аспекте синкретичного знания.

Ключевые слова: компьютерно-опосредованная коммуникация, компьютерно-опосредованный дискурс, лингвоинформационный формат, метаязык, семантика, лексема, категория, металексическая значимость

В контексте динамичного развития насыщенной вторичными семиотическими системами сферы компьютерно-опосредованной коммуникации (далее – КОК) усиливается ее зависимость от метаязыкового сопровождения речевой практики. Перманентное усложнение современных информационных инструментов основывается на их корреляции с понятийной репрезентацией освоенных фреймов знания, что, в принципе, отражается в лингвистической парадигме. Вместе с тем практика компьютерно-опосредованной речи потребовала развития категориального аппарата метаязыкового сопровождения, адаптированного к новым технологическим реалиям функционирования языка. В сфере КОК методологически актуальными доминантами являются компьютерно-опосредованный дискурс (далее – КОД) и лингвоинформационный формат коммуникации. В контексте данных метаязыковых реалий несомненным потенциалом обладает феномен металексической значимости.

Семантическая специфика лексического уровня языковой системы

Э. Бенвенист так определил семантическую проблематику: «Соотношение формы и значения многие лингвисты хотели бы свести только к понятию формы, но им не удалось избавиться от ее коррелята – значения. Чего только ни

делалось, чтобы не принимать во внимание значение, избежать его и отделаться от него. Напрасные попытки – оно, как голова Медузы, всегда в центре языка, заворачивает тех, кто его созерцает» [4; 136].

Фрагментарность и оторванность традиционной точки зрения на слово как автономную от ткани коммуникации единицу речи была замечена достаточно давно: «...слово, несмотря на все трудности, связанные с определением этого понятия, есть единица, неотступно представляющаяся нашему уму как нечто центральное в механизме языка; одной этой темы было бы достаточно для целого тома. Далее следовало бы перейти к классификации единиц низшего уровня, затем более крупных единиц и т. д. Таким образом, наша наука, определив элементы, которыми она оперирует, выполнила бы свою задачу полностью, сведя все входящие в ее ведение явления к их основному принципу. Нельзя сказать, что в лингвистике эта центральная проблема когда-нибудь уже ставилась и что все ее значение и трудность ее решения вполне осознано; до сих пор в области языка всегда довольствовались операциями над единицами, как следует не определенными» [13; 143]. «Как следует не определенными» единицами Ф. де Соссюр справедливо называл слова.

Опора на «привычный» языковой феномен, основанный на «иллюзиях» языковой картины мира, – слово – неудивительна в контексте повышенного интереса к перспективам формализации языковой системы. Однако общеизвестно, что, являясь безусловно лингвистической абстракцией, слово, точнее лексическая единица, в метаязыковом контексте не является самодостаточным языковым артефактом, питаясь жизненной силой единого семантического поля языка, что справедливо отмечалось Ю. Д. Апресяном [1] и другими исследователями.

Моделирование КОД и формализация структуры языковых отношений, несомненно, перспективны в аспекте металексической семантики. Терминологичность металексической категориальности, не имея широкой представительности в лингвистической практике, стала востребованной в практике информационной презентации языковой специфики, где богатство металексической (англ. *metalexical*, варианты: *meta-lexical*, *metalexical*) структуры требует практически-ориентированной терминологии, опирающейся на базовую семантику соответствующих единиц. Неудивительно, что подобные исследования стали характерной чертой исследований в областях компьютерной лингвистики, машинного перевода, машинного обучения и т. д., где, например, «эта метаструктура [металексическая] позволяет связать функциональность косвенной речи с лексическими элементами как таковыми» (*This metastructure [meta-lexical] permits one to link the functionality of reported speech with the lexical entries themselves*) [17; 156].

Подобный разрыв между практикой использования метаязыка и его металингвистической интерпретацией стал приметой времени, приведя к созданию параллельной «лингвоинформационной» терминологии: семантика, синтаксис и т. д., например, в классической лингвистике (и лексикографии) и информатике – понятия разного плана. Таким образом, актуальность репрезентации металексической значимости в лингвистической системе координат вполне очевидна.

Динамика значимости в аспекте компьютерно-опосредованной коммуникации

Неисчерпаемость живого языка обеспечивается его дискурсом – речевой деятельностью, развернутой во времени и пространстве, обусловленной широким экстралингвистическим контекстом и коммуникационной спецификой. Специфику КОД обуславливает лингвоинформационный формат современной коммуникации [3; 386]. Характерно, что речевая практика в сфере КОК развивается более высокими темпами, чем лингвистическая теория. Впрочем, и имеющийся потенциал метаязыкового обеспечения КОК используется весьма избирательно.

Известны примеры, когда необеспеченные всей совокупностью лингвистической парадигмы попытки «привить» формальную, основанную на

компьютерной лексикографии, семантику данным информационной среды не дали ощутимых результатов. Так, отрицательным был признан результат эксперимента Э. Брауна из IBM с программой «Watson», в которую не удалось «механически» встроить словарь жаргона «Urban Dictionary» [19]. Ни практика интернет-адаптации проблемы значимости в виде попыток «сходу» создать Семантическую паутину (заявленную Т. Бернерсом-Ли как «апгрейд» Всемирной паутины), ни практика автоматизации межязыкового взаимодействия в процессе нескончаемого совершенствования «машинного перевода» не позволили исключить из КОК человека. Человеческая пред- и постобработка формальных кодовых систем не только не стала менее актуальной, а скорее, наоборот, потребовала широкой имплементации научного сопровождения КОД на металингвистическом уровне.

Рассмотрим практику «собственно-лексической» репрезентации семантики в речи в контексте возможностей КОД. Актуальным примером оказывается Библия, сохранившая аутентичный речевой материал с почти двухтысячелетней историей (для Нового Завета), активно воспроизводимый сегодня.

Известно, что даже доступный для исследования, письменный, материал таких определяющих для современности языков, как старославянский, латинский, старогреческий, не обладает статистически актуальным объемом, который позволял бы делать уверенные выводы о том или ином языковом факте. Сфера изучения подобных праязыков ограничена наличием закрытой совокупности письменных памятников, которая не может отразить все богатство языковых систем, работавших несколько веков или тысячелетий тому назад. При этом наличие текстов и словарей вовсе не гарантирует адекватное восприятие отдельных понятий и слов. Тем не менее сравнение дискурсивной реализации отдельных языковых единиц в широком контексте является, безусловно, значимым.

Например, лексема *λόγος* по данным древнегреческо-русского словаря имеет 34 значения, и на первом месте, разумеется, значение «слово, речь» [8]. В современном «Новогреческо-русском словаре» значений лексемы *λόγος* представлено уже значительно меньше – 11 [15]. Однако здесь по-прежнему на первом месте значение «слово»; при этом представлен отсутствующий в «Древнегреческо-русском словаре» вариант значения – «причина», на 9-м месте из 11 [8], [15].

В каком значении единица *λόγος* использована в библейском тексте, например Евангелии от Иоанна, – вопрос, на который сегодня не даст однозначного ответа ни один переводчик. Спросить у автора или его первых и непосредственных читателей, которым текст адресовался, уже нельзя: прошло около двух тысяч лет. А, исходя

из последующего контекста, вариантов перевода может быть чуть ли не половина из списка возможных: «¹Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος, καὶ ὁ Λόγος ἦν πρὸς τὸν Θεόν, καὶ Θεὸς ἦν ὁ Λόγος. ²Οὗτος ἦν ἐν ἀρχῇ πρὸς τὸν Θεόν. ³πάντα δι' αὐτοῦ ἐγένετο, καὶ χωρὶς αὐτοῦ ἐγένετο οὐδὲ ἓν ὃ γέγονεν. ⁴ἐν αὐτῷ ζωὴ ἦν, καὶ ἡ ζωὴ ἦν τὸ φῶς τῶν ἀνθρώπων. ⁵καὶ τὸ φῶς ἐν τῇ σκοτίᾳ φαίνει, καὶ ἡ σκοτία αὐτὸ οὐ κατέλαβεν» [6].

На русском языке в каноническом переводе цитата будет выглядеть следующим образом: «¹В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. ²Оно было в начале у Бога. ³Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. ⁴В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков. ⁵И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» [5].

Перевод текста на другие языки, например белорусский, украинский, польский, не выделяется из общеевропейской переводческой практики оригинальностью интерпретации лексемы λόγος:

«¹У пачатку было Слово, і Слова было ў Бога, і Богам было Слова. ²Яно было ў пачатку ў Бога; ³усё праз Яго пачало быць, і без Яго нішто не пачало быць, што пачало быць. ⁴У Ім было жыццё, і жыццё было святлом для людзей; ⁵і святло ў цёмры свеціць, і цёмра не агарнула яго» [12].

«¹Споконвіку було Слово, а Слово в Бога було, і Бог було Слово. ²Воно в Бога було споконвіку. ³Усе через Нього повстало, і ніщо, що повстало, не повстало без Нього. ⁴І життя було в Нім, а життя було Світлом людей. ⁵А Світло у темряві світить, і темрява не обгорнула його» [7].

«¹Na początku było Słowo, a ono Słowo było u Boga, a Bogiem było ono Słowo. ²To było na początku u Boga. ³Wszystkie rzeczy przez nie się stały, a bez niego nic się nie stało, co się stało. ⁴W nim był żywot, a żywot był oną światłością ludzką. ⁵A ta światłość w ciemnościach świeci, ale ciemności jej nie ogarnęły» [20].

Из приведенных примеров явствует, что именно семантика 'слово' выбрана за основу при переводе текста с единицей λόγος с греческого на русский, белорусский, украинский, польский (и другие) языки.

Эпический стиль евангелий Библии значительно сужает широкий круг возможных соответствий, оставляя тем не менее вопрос об особенностях «дословного» перевода открытым. Характерен в данном контексте относительно недавний и не столь зависимый от сложившейся европейской переводческой клишированности перевод Библии на китайский язык. В переводе Библии на китайский язык лексеме λόγος соответствует иероглиф 'дао' (кит. 道 – 'путь'), что не сделало Евангелие от Иоанна менее «логичным»: «¹太初有道, 道与神同在, 道就是神...» [21; 1].

Конечно, у переводчика Библии на китайский язык были и другие варианты интерпретации древнего текста, учитывая, что в китайско-рус-

ском словаре, например, представлены 13 групп значений для перевода на русский язык 道 только как существительного. Тем не менее на первых четырех позициях – разные варианты лексемы 'путь':

1) 'путь, дорога, тракт; путевой, дорожный; по дороге, на пути';

2) 'путь, маршрут; тракт; астр., путь небесного тела, орбита; анат., мед. тракт';

3) 'путь; расстояние, дистанция; курс, направление [движения]';

4) 'пути, направление деятельности; путь, способ, метод; подход; средство; правило, обычай'... [11].

На данном примере можно видеть, насколько неоднозначна лексическая интерпретация даже такого хорошо известного, практически прецедентного текста, как Библия.

Характерно, что в соответствии с компьютерной лексикографической практикой и статистическими показателями интернет-дискурса (электронные переводчики, зачастую, переводят по «статистической модели», отдающей предпочтение наиболее распространенным вариантам) сегодня лексеме λόγος лучше всего соответствует лексема 'причина'. Это актуально для русского языка, аналогичная лексикографическая семантика задействуется в белорусском – прычына, украинском – причина, македонском – причина, болгарском – причината, сербском – разлог, хорватском – razlog, словенском – razlog, словацком – dôvod, чешском – důvod, польском – powód и других славянских и неславянских языках (англ. – reason, нем. – grund и т. д.).

Показательна в данном контексте практика КОК с привлечением компетенции создателей машинных переводчиков Google Translate, Bing Translator и Яндекс. Переводчик, работающих с греческим и русским языками. Запросы в перечисленных (и других) системах машинного перевода относительно лексемы λόγος последовательно выдают приоритетный – но не в соответствии с классическими образцами дискурсивной практики – эквивалент: причина.

Рассмотрим особенности переводческой интерпретации вышеприведенного текста, содержащего в первой строке три словоупотребления λόγος (см. выше). Выделяется здесь работающий по статистической модели переводчик Google Translate, четко идентифицировавший распространенный в Интернете русскоязычный текст: 322 000 раз «поисковиком» Google предложение В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог было найдено в готовом виде, не оставляя выбора машинному переводчику. Однако уже переводчики Bing Translator и Яндекс. Переводчик, работающие с привлечением более сложных технологий перевода по «модели, основанной на правилах» (англ. rule-based model), показали совсем другие результаты, учитывающие

формализованные грамматику и семантику. Так, Яндекс. Переводчик дважды перевел *λόγος* как *почему* и один раз – как *причина*. Bing Translator – по одному разу перевел *λόγος* как *причина* и как *почему*, пропустив третье словоупотребление.

Перевод на английский язык в КОК осуществляется аналогичным образом. «Узнавая» текст, Google Translate переводит лексему *λόγος* как *word* (‘слово’): *‘In the beginning was the Word, and the Word was with God, and the Word was God.* Однако из списка найденных «языковых» соответствий лексемы *λόγος* – *reason, cause, ratio, word, speech, consideration, oration* и *spiel* – вне контекста на первое место машинный переводчик ставит вариант *reason* – ‘причина’.

Уровень несоответствия уже созданных «правил» – пусть и своеобразного, как в рассмотренном примере, религиозного дискурса – реальной речи достаточно очевиден [2]. Очевидна и ограниченность практики формализации категорий языка с опорой на лексический уровень языковой системы: для преимущественно аналитического английского языка счет подобных правил пошел уже на сотни моделей, для преимущественно синтетического русского языка таких моделей зафиксированы уже тысячи – но ни для английского, ни для русского, ни для других живых языков универсальной компьютерно-опосредованной грамматики не создано. Наметившиеся в компьютерной лингвистике тенденции к учету коллокаций (например, по методике выявления и учета *n*-грамм) и возможностей дискурсивного метаязыкового моделирования как раз и свидетельствуют о потенциале лингвистической парадигмы в аспекте металексической значимости.

В данном аспекте уже существует значительная несогласованность между лексикографическими данными традиционного дискурса и КОД, возрастающая пропорционально развитию КОК. Если изначально компьютерная лексикография ориентировалась на имеющиеся словари и попросту дублировала их, являясь базой для компьютерной метаязыковой обработки речи, – сегодня все наоборот: сфера речевого функционирования диктует лексикографическую моду. Именно таковы современные словарные проекты, опирающиеся на корпусы и онлайн-краудсорсинг (например, [16]).

Таким образом, семантика текста и дискурса в аспекте КОК приобретает особую чувствительность к прецизионности и верифицированности составляющих текст элементов. Интерпретация элементов с опорой на лексическую семантику словоупотреблений не позволяет достигнуть необходимой дискретности КОД. Классическими аргументами в данном контексте стали нарекания на несовершенство машинного перевода, во многом основанного на «традиционной» лексикографии и собственно-лексической семантике метаязыковых описаний языка. Однако в кон-

тексте КОК необходимо отметить тенденцию к имплементации металексической значимости.

Имплементация металексической значимости в контексте компьютерно-опосредованной коммуникации

Понимание сложности сферы речевого функционирования, конечно же, не является гносеологической проблемой: «Однако, несомненный факт – в том, что количество предложений родного языка, которые человек сразу поймет, не чувствуя затруднения или необычности, является астрономическим, и что количество моделей, которые лежат в основе нормального использования языка и соответствующих осмысленным и легко воспринимаемым предложениям на нашем родном языке, является величиной на несколько порядков большей, чем число секунд в жизни человека» [14; 23]. Высказанное Н. Хомским мнение более чем актуально в аспекте совершенствования КОК.

Перспективность металексической интерпретации семантики КОД основывается на возможности перехода от уровня содержательной интерпретации лексем к уровню металексической интерпретации семантики текста и в более широком контексте – дискурса. Практика метаязыковых описаний языка подтверждает оправданность модификации и развития категориальной семантики. Одной из ключевых характеристик лингвистической категориальности является универсалия *значимости* языка. Целесообразность широкой, в том числе металексической, репрезентации значимости в КОК обусловлена лингвоинформационной спецификой самой сферы.

Характерно, что специфика лингвоинформационного формата КОД уже существенно влияет на институт грамматического значения: расширение категориальности существительных и глаголов в морфологической разметке Национального корпуса русского языка – только первый шаг в процессе обусловленного развитием КОК процесса [9]. Подобное развитие категориальной семантики языка стало возможным именно в контексте КОК, где главным критерием успешности метаописаний стала адекватность формализации языковых данных с учетом статистически бесспорного материала, измеряемого не рукописными картотеками, а гига- и терабайтами лингвистических корпусов.

До формирования КОД лексикографическая результативность изучения семантики позволяла, конечно, решать проблемы поверхностной интерпретации дискурса. При этом игнорирование дискурсивных, гипертекстовых и даже «теоретически обоснованных синтаксических структур» было вполне привычным делом в исследовании языка: «Синтаксиса, который давал бы такую возможность, до сих пор ни для одного языка нет, и светлое будущее “автономного синтаксиса” просматривается с трудом. Переход от порожде-

ния к интерпретации вводит в законные теоретические рамки работу с отдельными словами и конструкциями, а задачи, ориентированные на глобальную синтаксическую структуру, можно отложить на потом» [10; 13]. С появлением эффективных инструментов КОК подобные задачи стали не только актуальными, но и выполнимыми.

Одним из очевидных резервов совершенствования релевантного КОД категориального аппарата языка является развитие металексических моделей дискурса. Несомненно, традиции изучения семантики лексического уровня обусловили определенную инерцию метаязыковой практики. Тем не менее в контексте КОК стали очевидными и потенции «менее» и «более» сложных единиц языка – фонем, морфем, граммем, дериватем, лемм, номинатем, синтаксем, контекстом, информатом и иных «старых» и «новых» реалей функционирования языка. Этих и подобных перечисленным логических моделей языковой практики для достоверной систематизации КОД явно не хватает – поэтому они и создаются [2]. Безусловно востребовано лингвистическое освоение металексической значимости, обусловленное практикой КОК. Металексическую значимость можно представить как существенную характеристику дискурса, выражающую его семантическую идентичность и функциональность за счет комплекса собственно-лексических, суб- и гиперлексических значений языковых единиц.

Практическая реализация категории металексической значимости актуальна для дискур-

сивного моделирования, например построения концептуально-доминантной модели дискурса, гипердискурсивной модели и при создании других метаописаний сферы речевого функционирования. В лексикографической практике функциональность металексической значимости востребована, например для репрезентации контекстуальных возможностей той или иной языковой единицы как структурного элемента словарной статьи и при машинном переводе – для расширенной интерпретации семантического, грамматического, деривационного и иного потенциала дискурса.

Именно потребностями развития КОК обусловлен сдвиг фокуса метаязыковых описаний от традиционной категориальности собственно-лексической значимости в малоисследованную среду «менее» или «более» сложноорганизованной металексической семантики (морфемной, синтаксической и т. д.). Развитие метаязыкового категориального потенциала безусловно востребовано для решения важнейших прикладных проблем современности, в том числе для создания искусственного интеллекта. В контексте междисциплинарности современной науки избирательная реализация лингвистического потенциала недостаточна и малопродуктивна. Как показывает проведенное исследование, для полноценной интерпретации КОД важное значение имеет лингвистическая, в том числе дискурсивная и контекстная, имплементация металексической значимости.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю. Д. Избранные труды: В 2 т. М.: Языки русской культуры, 1995. Т. I: Лексическая семантика. Синонимические средства языка. 767 с.
2. Баркович А. А. Интернет-дискурс: компьютерно-опосредованная коммуникация. М.: Флинта: Наука, 2015. 288 с.
3. Баркович А. А. Металінгвістычная індэксацыя ў камп'ютарна-апасродаваным дыскурсе // Беларуская лінгвістыка. Мн.: Беларуская навука, 2015. Вып. 74. С. 79–87.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика [Под ред., с вступит. ст. и коммент. Ю. С. Степанова]. М.: Прогресс, 1974. 447 с.
5. Библия: Книги священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Изд. Моск. Патриархии, 1983. 1371 с.
6. Библия на греческом языке [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://magister.msk.ru/library/bible/greek/grknt04.htm>
7. Від Івана, розділ 1 – Библия онлайн [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://holybible.by/john-ua/3388-1.html>
8. Древнегреческо-русский словарь: около 70 000 слов: В 2 т. / Сост. И. Х. Дворецкий. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. 1904 с.
9. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru>
10. Падучева Е. В. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004. 609 с.
11. Панасюк В. А., Суханов В. Ф. Большой китайско-русский словарь: В 4 т. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983. 3822 с.
12. Святое Евангелие паводле Іаана [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://knihi.com/none/Sviatoje_Jevanhielle_ravodle_Iaana.html
13. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. С. 31–273.
14. Хомский Н. Язык и мышление. М.: Изд-во Московского ун-та, 1972. 126 с.
15. Хориков И. П., Малев М. Г. Новогреческо-русский словарь [Под. ред. П. Пердикиса и Т. Пападопулоса]. М.: Культура и традиции, 1993. 854 с.
16. About the Collins Corpus and the Bank of English™. Available at: <http://www.mycobuild.com/about-collins-corpus.aspx>
17. Bergler S. Generative Lexicon Principles for Machine Translation: A Case for Meta-Lexical Structure // Machine Translation. 1995. Vol. 9. Issue 3–4. P. 155–182.
18. Brown corpus manual. Available at: <http://khnt.aksis.uib.no/icame/manuals/brown>
19. Madrigal A. IBM's Watson Memorized the Entire 'Urban Dictionary', Then His Overlords Had to Delete It // The Atlantic. 2013. January 10.
20. POLSKIE Biblia – Polish Bible / Nowy Testament – New Testament / Jana / John 1. Available at: <http://www.wordplanet.org/pl/43/1.htm>
21. 约翰福音 1 | 线上圣经 | 《新世界译本》. URL: <http://www.jw.org/zh-hans>.

Barkovich A. A., Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION: POTENTIAL OF METALEXICAL SIGNIFICANCE

Within the context of dynamic development of computer-mediated communication the metalinguistic nature of its textual base gains special importance. Scientific support of the rapidly expanding Internet content involves complex and discursive implementation of generalizations together with the models of theoretical apparatus of the language. Active development of secondary semiotic systems, formalization of natural and artificial languages determine the necessity of engaging a wide linguistic paradigm in the information sphere – for systematic and consistent representation of semantics and solution of applied problems. The modern linguistic paradigm is characterized by practical feasibility enriched by interdisciplinary, multidisciplinary and cross disciplinary models. The specificity of computer-mediated discourse, due to the content of the lingua informational format of modern communication, involves both processes: permanent formalization of semantics of empirical material and development of metalinguistic categories. Possessing substantial metalinguistic potential, the significance of the Universal has gained special dynamics in the field of computer-mediated discourse, visible even on the conservative grammatical level. Metalexical modeling of language relations in the area of computer-mediated communication is in high practical demand. It is also relevant in the theoretical aspect of syncretic knowledge.

Key words: computer-mediated communication, computer-mediated discourse, lingua informational format, metalanguage, semantics, lexeme, category, metalexical significance

REFERENCES

1. Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy* [Selected works]. In 2 vol. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1995. Vol. I: Lexical semantics. Synonymous means of language. 767 p.
2. Barkovich A. A. *Internet-diskurs: komp'yuterno-oposredovannaya kommunikatsiya* [Internet discourse: computer-mediated communication]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015. 288 p.
3. Баркович А. А. Металінгвістычная індэксацыя ў камп'ютарна-апасродкаваным дыскурсе // Беларуская лінгвістыка. Мн.: Беларуская навука, 2015. Вып. 74. С. 79–87.
4. Benvenist E. *Obshchaya lingvistika* [General linguistics]. [Pod red., s vstupit. st. i komment. Yu. S. Stepanova]. Moscow, Progress Publ., 1974. 447 p.
5. *Bibliya: Knigi svyashchennogo pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible: Old Testament and New Testament]. Moscow, Izd. Mosk. Patriarkhi, 1983. 1371 p.
6. *Bibliya na grecheskom yazyke* [Bible in Greek]. Available at: <http://magister.msk.ru/library/bible/greek/grknt04.htm>
7. Від Івана, розділ 1 – Библия онлайн. Available at: <http://holybible.by/john-ua/3388-1.html>
8. *Drevnegrechesko-russkiy slovar': okolo 70 000 slov: V 2 t.* [AncientGreek-Russian dictionary: about 70 000 words: In 2 vol.] / Sost. I. Kh. Dvoretzkiy. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey Publ., 1958. 1904 p.
9. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National housing of the Russian language]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>
10. Paducheva E. V. *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in semantic vocabulary]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 609 p.
11. Panasyuk V. A., Sukhanov V. F. *Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar': V 4 t.* [Great Chinese-Russian dictionary: In 4 vol]. Moscow, Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury izdatel'stva "Nauka" Publ., 1983. 3822 p.
12. Святое Евангелле паводле Іаана. Available at: http://knihi.com/none/Sviatoje_Jevanhielle_pavodle_Iaana.html
13. Sossyur F. de. Course in General linguistics [Kurs obshchey lingvistiki]. *Sossyur F. de. Trudy po yazykoznaniyu*. Moscow, Progress Publ., 1977. P. 31–273.
14. Khomskiy N. *Yazyk i myshlenie* [Language and thought]. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1972. 126 p.
15. Khorikov I. P., Malev M. G. *Novogrechesko-russkiy slovar'* [Modern Greek-Russian dictionary]. [Pod. red. P. Perdikisa i T. Papadopoulos]. Moscow, Kul'tura i traditsii Publ., 1993. 854 p.
16. About the Collins Corpus and the Bank of English™. URL: <http://www.mycobuild.com/about-collins-corpus.aspx>
17. Bergler S. Generative Lexicon Principles for Machine Translation: A Case for Meta-Lexical Structure // Machine Translation. 1995. Vol. 9. Issue 3–4. P. 155–182.
18. Brown corpus manual. URL: <http://khnt.aksis.uib.no/icame/manuals/brown>
19. Madrigal A. IBM's Watson Memorized the Entire 'Urban Dictionary,' Then His Overlords Had to Delete It // The Atlantic. 2013. January 10.
20. POLSKIE Biblia – Polish Bible / Nowy Testament – New Testament / Jana / John 1. URL: <http://www.wordplanet.org/pl/43/1.htm>
21. 约翰福音 1 | 线上圣经 | 《新世界译本》 URL: <http://www.jw.org/zh-hans>.

Поступила в редакцию 30.06.2015

СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА НИКИФОРОВА

кандидат филологических наук, доцент департамента иностранных языков Санкт-Петербургской школы социальных и гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
sanikiforova@hse.ru

ПАССИВ В СТРУКТУРЕ НЕМЕЦКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЙ И. В. ГЕТЕ)

Статья посвящена вопросам функционирования пассивных конструкций в структуре немецкого поэтического текста. Рассмотрены грамматические характеристики пассива и его стилистический потенциал, реализуемый в стихотворном произведении. Выявлено, что пассивные конструкции, несмотря на стилистическую немаркированность в языке, участвуют в структурировании поэтического текста и вносят в него дополнительные смыслы. Сочетание значений активности и пассивности позволяет указать на семантические изменения, происходящие в структуре поэтического текста. Установлено, что в поэтическом тексте чаще употребляется пассив состояния, чем процессуальный пассив. Это связано со способностью причастия в составе аналитической конструкции к «окачеству», что отвечает задачам поэтического текста. Процессуальный пассив встречается в стихотворениях с элементами композиционно-речевой формы «повествование». В поэтическом тексте объектом пассивных конструкций чаще всего становится лирический герой, который остается семантическим центром стихотворного произведения, хотя область его восприятия сужается.

Ключевые слова: залог, процессуальный пассив, пассив состояния, поэтический текст

В функциональной грамматике категория залоговости рассматривается в виде функционально-семантических полей, включающих разнородные языковые средства (морфологические, словообразовательные, лексические, синтаксические, лексико-синтаксические) [6]. Залог как грамматическая категория с морфологическими средствами выражения залоговых отношений образует ядро функционально-семантического поля. Категория залога, как известно, строится на оппозиции «актив – пассив». «Различие активности / пассивности заключается в том, что предикативный признак приписывается его носителю либо как субъекту, от которого исходит действие, либо как объекту, на который оно направлено» [6; 126]. Г. Хельбиг считает, что актив и пассив обозначают одну ситуацию, но представляют ее под разными углами зрения. Различие между активными и пассивными конструкциями носит не семантический, а стилистический и коммуникативный характер [8].

В настоящей работе предметом изучения являются два типа немецкого пассива: процессуальный пассив *werden* + *PartizipII* и пассив состояния *sein* + *PartizipII*, которые составляют ядро семантического поля пассивности. Процессуальный пассив обладает максимальным набором значения пассивности и выражает наиболее обобщенное значение без модальных и аспектуальных наслоений [3]. Благодаря этому он становится одной из основных конструкций в функциональных стилях, в которых на первый план выходят значения процессуальности и информативности.

О. И. Москальская считает, что употребительность пассива зависит от функциональных стилей речи: в научной прозе и публицистике он встречается чаще, чем в разговорно-бытовом стиле речи и в художественной литературе. Употребление пассивных конструкций в художественном произведении является одним из стилистических выразительных средств [2].

Говоря о художественной литературе, следует подчеркнуть, что пассивные конструкции чаще представлены в прозе, чем в поэзии. Это объясняется тем, что для прозы характерно наличие развернутой повествовательной линии и фабульно-сюжетной системы, и процессуальные пассивные конструкции позволяют передать фактуальную информацию и, как правило, не выполняют стилистическую функцию. Однако поэтический текст представляет собой ограниченное в пространственном плане художественное произведение, в основе которого лежит лирическое переживание или настроение. Сюжет поэтического произведения развертывается «через переживание героя, находящегося в некоей центральной пространственно-временной точке, которая в психологическом плане соответствует состоянию “лирической концентрации”» [5; 223]. Пассивные конструкции в поэтическом тексте позволяют описать состояние лирического героя, который, как и прежде, остается центром стихотворного произведения, хотя и испытывает на себе постороннее влияние.

Интерес к данной проблематике вызван особенностями функционирования пассивных кон-

струкций в не типичном для них функциональном стиле – в поэзии. Пассивные конструкции в системе языка стилистически не маркированы. Хотя в основе их выразительных возможностей, несомненно, лежат грамматические характеристики, по-особому реализованные в стихотворном произведении. Основным признаком пассива является отсутствие указания деятеля, что «может объясняться разными причинами: либо тем, что деятель неизвестен, либо, напротив, тем, что он общеизвестен, уже упоминался, или с такой очевидностью явствует из контекста, что нет нужды упоминать его, либо, наконец, тем, что с точки зрения цели сообщения указание на деятеля несущественно и не входит в задачу сообщения» [2; 323]. В работах ученых, как отмечает Т. В. Бохиева, выделяются такие признаки семантической категории пассивности, как устранение субъекта действия с позиции подлежащего, имплицитная и эксплицитная роль субъекта действия, номинация процесса, аффицированность объекта, при которой семантический объект охватывается деятельностью семантического субъекта [1]. В высказывании с пассивными конструкциями процесс замкнут на объекте, а субъект действия остается «за кадром» [4; 36].

Как уже отмечалось, специфика поэзии заключается в ориентированности на субъект. Поэтический текст предполагает эксплицитное или имплицитное присутствие рефлектирующего субъекта, лирического героя. Употребление пассивных конструкций, предполагающее изменение направленности действия в поэтическом тексте, обусловлено прежде всего причинами стилистического и коммуникативного плана.

Особенность пассивных конструкций в поэтическом тексте заключается в том, что в них, как правило, лирический герой выступает в качестве объекта, на которого направлено действие. При этом он остается субъектом восприятия, который испытывает на себе влияние как земных, так и небесных сил: *Aus dem Grabe werde ich ausgetrieben, / Noch zu suchen das vermißte Gut* [7; 52]. В двухчленном пассиве субъект действия не обозначен. Лирический герой находится в пассивной позиции. Он будет изгнан из могилы, чтобы найти потерянное добро. Но кто это делает – неизвестно. Поле восприятия лирического героя ограничено. «Нефисированность субъекта, отсутствие его непосредственной данности приводит к определенной степени отвлечения представленного в пассиве процесса от производящего субъекта. Вследствие этого в пассиве процессность связывается с особым вариантом перцептивности, для которого характерны неполнота и определенная степень “сужения” восприятия» [4; 35].

В стихотворениях И. В. Гете субъектно-объектные отношения в пассивных конструкциях устанавливаются особым образом. Только в 15 %

случаев в качестве субъекта пассивного предложения выступает лирический герой в Я-форме (Ich-Form). В 8 % примеров действие направлено на собеседника лирического героя в Ты-форме (Du-Form). В 13 % роль субъекта в пассивных конструкциях выполняют одушевленные персонажи в 3-м лице: *Fischer, Mädchen, Braut, sie, Teufel* и т. д. В остальных случаях в качестве объекта представлены неодушевленные предметы (*die Kleider, die Tür, das Kreuz, das Bild* и т. д.), абстрактные явления (*die Fähigkeit, das Leben* и т. д.) или местоименные формы, выполняющие анафорическую функцию (*es, das, alles, manches* и т. д.). Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что в стихотворениях И. В. Гете внешние действия выполняются неким лицом или некоторыми лицами, которые для автора не представляют интереса, важнее само действие и его результат, с которыми сталкивается лирический герой.

В поэтическом тексте пассив состояния употребляется гораздо чаще, чем процессуальный пассив. Анализ собранного материала показал, что в стихотворениях И. В. Гете 69 % использованных пассивных конструкций – это пассив состояния, и лишь 31 % языкового корпуса составляет процессуальный пассив. Это связано с тем, что грамматические особенности пассива состояния больше соответствуют целям и задачам поэтического текста. Причастие второе в составе пассива состояния претерпевает лексико-грамматические изменения в результате его «окачества». «Изменение лексического значения причастия при его “окачении” заключается в том, что значение его специализируется по сравнению с системой значений соответствующей глагольной лексики и обособляется от нее; это ведет к отрыву причастия от глагольной парадигмы, в связи с чем в нем начинают преобладать не значение процесса или результативного состояния, а значение качества, свойства предмета» [2; 348]. Грамматические изменения свойств «окаченного» причастия заключаются в том, что оно утрачивает глагольные свойства и приобретает свойства имени прилагательного [2]. Значение качественности причастия позволяет пассиву состояния органично входить в структуру поэтического текста: *Ich lache seiner tiefen Wunde; / Denn wirklich ist sie wohlverdient* [7; 35].

Как показывает пример, значение качественности причастия в пассиве состояния начинает превалировать над семантикой результативности. По своим свойствам причастие приближено к прилагательному. В подобных случаях «глагол *sein* выполняет обычную функцию связочного глагола в составе именного сказуемого» [2; 332].

В некоторых случаях причастие по своему значению приближается к прилагательному настолько, что может сочетаться с полными глаголами. Например, в стихе *Und das Mädchen steht gefangen...* [7; 55] причастие употребляется

в сочетании с полнозначным глаголом *stehen*. Глаголы *sein* и *stehen* оказываются взаимозаменяемыми: *steht gefangen* = *ist gefangen*. Это объясняется, с одной стороны, «окачествлением» причастия *gefangen*, с другой стороны, значением бытийности глаголов *stehen* и *sein*.

Значение причастия в пассиве состояния может зависеть от расширяющих конструкцию компонентов. обстоятельственные детерминанты, агентивные дополнения, осложняющие предложение с пассивом состояния, приближают значение причастия к глагольному: *Schön in Kleidern muß ich kommen*, / *Aus dem Schrank sind sie genommen*, / *Weil es heute Festtag ist* [7; 113]. Пассивное значение причастия в этом примере отчетливо проявляется не только благодаря агентивному дополнению, но и придаточному предложению, осложняющему предложение с пассивной конструкцией. В подобных случаях на первый план выходят значения завершенности и результативности действия.

Сравним два отрывка из стихотворения И. В. Гете «Bergschloß», которые позволяют увидеть различия между пассивными конструкциями с распространяющим компонентом и без него: **Verbrannt sind** Türen und Tore [7; 120]. Sie **sind** schon lange **verbrannt** [7; 121]. В первом стихе причастие «окачествлено», его значение сильно приближено к атрибутивному. Отсутствие распространителей подчеркивает значение качественности: двери и ворота «сожженные». А во втором стихе тот же глагол актуализирует свое глагольное значение, указывает на результат предшествующего действия. Этому способствует обстоятельство времени *schonlange* (уже давно), которое указывает на завершенность действия и его результативность: балки и потолки сожжены. Рассмотрим пример, в котором расширяющие предложение с пассивом состояния компоненты вносят в стихотворное целое своеобразный оттенок значения: *Und, ach, ich fühle, nahundfern / Ist mir noch manches zubereitet* [7; 117]. В данном стихотворном отрывке употребляется пассивная конструкция с семантикой завершенности действия и его результативности. При этом глагол *fühlen* (чувствовать) обнаруживает значение прогнозирования результата. Употребление пассива состояния в данном контексте позволяет говорить об уверенности автора в своем предположении: у жизни есть еще сюрпризы для него. Примечательно использование наречия *nach* в предложении с пассивной конструкцией результативной семантики. В конструкциях со значением завершенности, как правило, употребляется наречие *schon* (уже), которое указывает на законченность действия. Однако в примере *nach* позволяет подчеркнуть факт прогнозирования результата.

В стихотворениях И. В. Гете пассивные конструкции становятся яркими выразительными

средствами. Их стилистический потенциал в полной мере раскрывается в структуре текстового целого и, как ранее отмечалось, способствует созданию дополнительных смыслов. В следующем примере во всей строфе употребляется пассив состояния: **War** Fähigkeit, zu lieben, **war** Bedürfnis / Von Gegenliebe **weggelöscht**, verschwunden; / **Ist** Hoffnungslust zu freudigen Entwürfen, / Entschlüsseln, rascher Tat sogleich **gefunden!** [7; 174]. В данной строфе употребляется пассив состояния в настоящем и прошедшем времени. В первых двух стихах появляется трехчленный пассив состояния, что не характерно для подобных конструкций [9]. Субъект действия обнаруживает себя в агентивном дополнении *von Gegenliebe*, которое подчеркивает глагольное и элиминирует атрибутивное значение причастия в составе пассива состояния. Это позволяет сосредоточить внимание на результативности действия. С точки зрения коммуникативной связности текста приоритетную позицию в пассивных конструкциях занимает объект, который тематизируется путем перехода в позицию подлежащего. «В трехчленной ПК (пассивной конструкции. – С. Н.) тематизация объекта осуществляется на фоне лексически выраженного субъекта, и субъектное дополнение может быть рематизировано» [6; 172]. В анализируемом примере употребление агентивного дополнения *von Gegenliebe* в пассивной конструкции не случайно и объясняется его рематизацией. Будучи ремой, в стихотворном сообщении оно выступает в качестве носителя новой информации. С грамматической точки зрения интересен факт употребления в одном и том же предложении анализируемого отрывка как пассива, так и актива. При этом глагол в прошедшем времени *war* относится, с одной стороны, к пассивной конструкции (*Fähigkeit*) *war von Gegenliebe weggelöscht*, с другой стороны, к предложению в плюсквамперфект актив (*Fähigkeit*) *war verschwunden*. Подобное явление в русистике называется сочинительным сокращением. Его сущность заключается в том, что при сочинении двух или более предложений с кореферентными подлежащими или дополнениями все кореферентные члены предложения, кроме одного, опускаются. В результате сочинительного сокращения пассивной и активной конструкций образуется пассивно-активная конструкция с одним подлежащим и однородными пассивными и активными сказуемыми [6]. Подобные сокращения позволяют экономить на языковых средствах, но при этом сохранить объем передаваемой информации. Это наиболее актуально для поэтического текста, на который накладываются определенные ограничения, связанные, например, с особенностями организации текстового пространства.

Следующим вопросом, вызывающим интерес к анализируемой строфе, является употребление

в пассивных конструкциях настоящего и прошедшего времени в рамках одной строфы. Временное противопоставление «прошедшее – настоящее» подчеркивает противопоставление потерь и обретений, сожалений и надежд. Лирический герой теряет способность и потребность любить самому, но обретает надежду на радостные перспективы. Повтор пассивных конструкций позволяет создать синтаксический параллелизм, благодаря которому возникает особый ритм стихотворения. Экспрессивность поэтического текста усиливается препозитивным расположением вспомогательного глагола в повествовательном предложении, что характерно для разговорной речи. Нарушение синтаксических правил позволяет усилить эмоциональную окраску стиха, выразить сожаление лирического героя.

Стилистический потенциал пассивных конструкций в поэтическом тексте реализуется во взаимодействии с другими языковыми средствами. Рассмотрим стихотворное целое с элементами композиционно-речевой формы «повествование»: *Knabe saß ich, Fischerknabe, / Auf dem schwarzen Fels am Meer, / ... Gleich ein Fischlein streift und schnappt, / Schadenfrohe Schelmenlieder – / Und das Fischlein war ertappt. / ... Folgt ich einer Sohle Spuren, / Und die Hirtin war allein ... / Faßte sie mich in die Locken, / Und das Bübchen war ertappt* [7; 179].

В стихах с активными конструкциями повествование разворачивается линейно до тех пор, пока не появляется пассив, который прерывает цепочку последовательных событий: *Und das Fischlein war ertappt, Und das Bübchen war ertappt*. Пассивные конструкции с результативной семантикой, употребляемые в конце каждой строфы, позволяют поставить точку в одном сюжетном плане и перейти к следующему. Они указывают на результат, к которому привели действия лирического героя: так же, как рыбка, паренек пойман в сети. Герой иронизирует по этому поводу, говоря о себе в третьем лице: *das Bübchen*. Синтаксический параллелизм, создаваемый пассивными конструкциями, подчеркивает

эту семантическую нотку. Во второй строфе объектом действия в пассивной конструкции становится сам лирический герой. Его субъект, пастушка, не выражается в агентивном дополнении, но обнаруживает себя в стихотворном целом. В этом проявляется специфика поэтического текста: с одной стороны, пассив дает возможность скрыть деятеля, с другой стороны, субъект эксплицитно представлен в стихотворном целом. В научном тексте так же, как в прозе, нет необходимости совершать подобные «маневры»: субъект действия либо представлен в активной конструкции, либо выражен в трехчленном пассиве.

Иногда употребление пассивной конструкции в поэтическом тексте кажется избыточным и неоправданным: *Soll Spott und Hohn getragen sein, / Trag ich allein den Hohn* [7; 27]. Данный пример представляет собой сложноподчиненное предложение. В главном предложении активный субъект обозначен в форме 1-го лица единственного числа. В бессоюзном придаточном предложении употребляется инфинитивная форма пассива состояния с модальным глаголом *sollen*. Пассивная конструкция позволяет заострить внимание непосредственно на объекте: насмешки и издевательства, которые в сложившейся ситуации неизбежны. Но героиня возьмет их на себя и не выдаст своего возлюбленного, отца ее будущего ребенка. Сочетание актива и пассива в одном предложении позволяет подчеркнуть решимость девушки, которая не боится одна нести ответственность за свои поступки.

Таким образом, несмотря на то что основной сферой употребления пассива являются функциональные стили, в которых информативная функция является одной из основных, он также функционирует в поэтическом тексте. Это объясняется стилистическим потенциалом пассивных конструкций, реализуемым в стихотворном произведении. Хотя стилистическая функция пассива не маркирована, грамматические характеристики позволяют пассивным конструкциям участвовать в структурировании поэтического текста и вносить в него дополнительные смыслы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бохиева Т. В. Семантика и прагматика немецких пассивных конструкций (на примере рекламных и публицистических текстов). М., 2003. 19 с.
2. Москальская О. И. Грамматика немецкого языка. Теоретический курс. М.: Литература на иностранных языках, 1958. 394 с.
3. Озеров Г. В. Поле пассивности в современном немецком языке: Автореферат. М., 1971. 25 с.
4. Пупынин Ю. А. Функциональные аспекты грамматики русского языка: взаимосвязи грамматических категорий: Учебное пособие. Л.: ЛГПИ им. А. И. Герцена, 1990. 80 с.
5. Сильман Т. И. Заметки о лирике / Послел. Д. С. Лихачева. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-е, 1977. 223 с.
6. Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука. С.-Петербургское отд-е, 1991. 371 с.
7. Goethe J. W. Gesammelte Gedichte. Czech Republic: Edition Lempertz GmbH, 2006. 635 s.
8. Helbig G., Heinrich G. Das Vorgangspassiv // Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1978. 76 s.
9. Helbig G., Kempter F. Das Zustandspassiv // Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1973. 43 s.

Nikiforova S. A., National Research University Higher School of Economics (HSE)
(St. Petersburg, Russian Federation)

PASSIVE VOICE IN GERMAN POETIC TEXTS (EVIDENCE FROM I. V. GOETHE'S POEMS)

The article is concerned with the problem of the passive constructions' functions in German poetic texts. Grammar peculiarities of passive constructions and their stylistic facilities realized in German poetic texts are considered in the article. The study revealed that even though passive constructions are stylistically unlabeled they take an active part in the structuring of poetic texts and bring in extra meanings. Combination of structures involving both active and passive voices helps to identify semantic changes found in the poetic text. It is established that in poetic texts the static passive is used more often than the processual passive. It is related to the ability of the past participle to attribute "quality" to poetic texts in the analytical construction. The processual passive appears in the poems with peculiarities of compositional "narration". In poetic texts, the object of passive constructions is mostly a lyrical subject which remains a semantic center of the poem, even though its perception field narrows.

Key words: genus, processual passive, static passive, poetic text

REFERENCES

1. Bokhieva T. V. *Semantika i pragmatika nemetskikh passivnykh konstruktsiy (na primere reklamnykh i publitsisticheskikh tekstov)* [Semantics and pragmatics of German passive constructions (evidence from advertising and publicistic texts)]. Moscow, 2003. 19 p.
2. Moskal'skaya O. I. *Grammatika nemetskogo yazyka. Teoreticheskiy kurs* [German grammar. Theoretical course]. Moscow, Literatura na inostrannykh yazykakh Publ., 1958. 394 p.
3. Ozerov G. V. *Pole passivnosti v sovremennom nemetskom yazyke: Avtoreferat* [The field of the passive meaning in contemporary German language]. Moscow, 1971. 25 p.
4. Pupylin Yu. A. *Funktsional'nye aspekty grammatiki russkogo yazyka: vzaimosvyazi grammaticheskikh kategoriy: Uchebnoe posobie* [Functional aspects of the Russian grammar]. Leningrad, LGPI im. A. I. Gertsena Publ., 1990. 80 p.
5. Sil'man T. I. *Zametki o lirike / Poslesl. D. S. Likhacheva* [Notes about the lyrics]. Leningrad, Sov. Pisatel'. Lenigr. otd-e Publ., 1977. 223 p.
6. *Teoriya funktsional'noy grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'* [The theory of the functional grammar]. St. Petersburg, Nauka, S.-Peterburgskoe otd-e Publ., 1991. 371 p.
7. Goethe J. W. *Gesammelte Gedichte*. Czech Republic: Edition Lempertz Gmb, 2006. 635 s.
8. Helbig G., Heinrich G. *Das Vorgangspassiv // Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1978. 76 s.
9. Helbig G., Kempter F. *Das Zustandspassiv // Zur Theorie und Praxis des Deutschunterrichts für Ausländer*. Leipzig: VEB Verlag Enzyklopädie, 1973. 43 s.

Поступила в редакцию 06.07.2015

СЕРАФИМА СЕРГЕЕВНА ПАНФИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии факультета иностранных языков, Мордовский государственный университет имени Н. П. Огарёва (Саранск, Российская Федерация)
scully_ss@rambler.ru

ГРАФИКО-ПУНКТУАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ ЭМОТИВНОГО КОМПОНЕНТА В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ГИПЕРТЕКСТЕ

Рассматривается феномен книжного гипертекста, который представляет собой совокупность разностилевых нехудожественных текстов, возникших на семантической основе конкретного художественного текста в рамках литературной коммуникации. В фокусе исследовательского внимания находится отзыв читателя как менее изученный вид книжного гипертекста. В настоящее время, вследствие широкого распространения и доступности сети Интернет, наблюдается активизация выражения читателем эмотивной оценки художественных текстов посредством свободного размещения неограниченного количества собственных отзывов на них. Важной текстопостроительной особенностью англоязычных интернет-отзывов является рекуррентное использование графических и пунктуационных средств, таких как капитализация, астериск, умножение графем, многоточие, восклицательный знак, с целью эмотивной эмфазы. Была выявлена тенденция к их неограниченному количественному увеличению, а также комплексному использованию различных графико-пунктуационных средств с целью визуального акцентирования определенного текстового отрезка. Делается вывод о стремлении читателя максимально четко обозначить доминирующую эмоцию в эмотивном содержании создаваемого им интернет-отзыва.

Ключевые слова: гипертекст, отзыв читателя, астериск, капитализация, умножение графем, многоточие, восклицательный знак

Традиционно языковые средства выражения эмоций исследуются на материале художественного текста, так как считается, что именно данный тип текста обладает самым сложным, многоуровневым эмотивным содержанием. В этой связи, в соответствии с антропоцентрическим подходом, доминирующим в современной лингвистике, на первый план выходит анализ языковой реализации чувств персонажа и автора [1; 122]. В результате практически вне исследовательского внимания остаются эмоции такого важного участника литературной коммуникации, как читатель, который является реципиентом художественного текста, важнейшая функция которого состоит в оказании эмоционального воздействия посредством личностного восприятия [2; 12]. В этой связи, согласно положениям интерпретации текста, чувства читателя, как правило, дублируют чувства героя или автора, то есть если герой испытывает волнение, то и *prigoi* и читатель его тоже испытывает. Таким образом, описывается идеальная модель интерпретации читателем эмотивного содержания художественного текста, которая, однако, не дает ответа на вопрос о реальном положении дел.

На наш взгляд, вариантом решения данной проблемы является гипертекстовый подход. Так, функционируя во времени и пространстве, художественный текст в процессе диалога автора и читателя порождает целый ряд гипертекстов, в числе которых нехудожественные тексты-от-

клики, обладающие семантико-тематической связью с ним: комментарии, аннотации, литературные рецензии, вступительные статьи и т. д. [3; 5]. Данные гипертексты мы называем книжными, так как все они содержат ссылки на тот или иной художественный текст, выполненный в виде книги. В связи с исследованием языковой реализации эмоций реципиента художественного текста целесообразным представляется обращение к такому виду книжного гипертекста, как отзыв читателя.

Отзыв читателя на художественный текст можно определить как краткий текст, выражающий эмоциональную оценку прочитанного. Несмотря на достаточно долгую историю существования (первоначально отзывы читателей печатались в литературных журналах, авторы получали их в письмах читателей; кроме того, отзыв – это одна из форм школьного сочинения), данный вид гипертекста получил большое развитие именно в начале XXI века. Благодаря широкому распространению и массовой доступности сети Интернет каждый читатель может разместить отзыв на художественный текст на собственной интернет-странице, а также на специализированных порталах. Например, крупнейший американский интернет-магазин «Amazon» (*amazon.com*), продающий в том числе и книги, помимо рецензий, созданных профессиональными авторами (*Editorial Reviews*), обязательно размещает отзывы покупателей-читателей (*Customer*

Reviews) на страницах конкретных литературно-художественных изданий. Зарегистрировавшись на данном сайте, читатель может написать собственный отзыв на ту или иную книгу, воспользовавшись специальной формой для заполнения (Write a review). Таким образом, в настоящее время мы наблюдаем активизацию вовлеченности читателя в процесс литературной коммуникации посредством создания гипертекстов.

Контент-анализ ряда англоязычных интернет-отзывов читателей на художественные тексты популярных британских и американских авторов XX–XXI веков показал регулярную репрезентацию в них различных эмоций, как положительных, так и отрицательных. В этой связи, помимо лексико-грамматических, обращает на себя внимание частотное использование графических и пунктуационных средств с целью усиления трансляции собственных эмоций читателя. В частности, была отмечена девиация традиционных средств графики и пунктуации, выраженная в умышленном нарушении визуальной гомогенности текста с целью зрительного выделения отдельной его единицы или фрагмента. По мнению исследователей, таким образом компенсируется недостаточность установленных правил орфографии средств при передаче эмотивного содержания текста [4; 1].

В качестве практического материала данного исследования методом сплошной выборки были отобраны книжные гипертексты, реализованные в виде англоязычных интернет-отзывов читателей на произведения как классических (Agatha Christie), так и современных авторов (Dan Brown, Gillian Flynn, Vince Flynn, Jeremy Bates), пишущих на английском языке.

Как показал количественный анализ, наиболее частотным эмотивным графическим средством в книжных гипертекстах в рамках литературной коммуникации является *капитализация* (употребление всех заглавных букв в слове, которое не является аббревиатурой). С помощью данного графического средства выделяются как отдельные слова в интернет-отзывах читателей (примеры 1–2), так и весь текст отзыва (примеры 3–4). В результате передается эмфатическая интонация, показывающая как восторг читателя, так и его разочарование от прочтения определенного художественного текста.

1. STOP reading reviews... get this, read it... don't ruin it for yourself by reading too much about it. I've read this author's prior two novels and they were good. This is fantastic! Start with this one if you are new to Ms. Flynn [8].
2. I found this book **EXTREMELY** interesting and entertaining. It is fun to read a book that gets the ole juices flowing in the brain again. Like other reviews have said, I found myself putting down the book and running to the computer constantly

to do research. It made me **WANT** to learn more about art, Christianity, history, etc. [11].

3. A **SUSPENSEFUL**, **ACTION-PACKED** **NOVEL!** [5]
4. I **USUALLY LOVE AGATHA CHRISTIE BUT I QUIT HALF WAY THROUGH. IT REALLY DRAGGED, I JUST DIDN'T LOOK FORWARD TO READING IT** [6].

Вариантом эмфатической капитализации в англоязычном гипертексте является *астериск*. Это типографский знак в виде звездочки (*), расположенной в строке или поднятой над строкой. Традиционно он встречается в тексте как знак сноски или примечания. Однако в электронной коммуникации данное графическое средство применяется в том числе вместо капитализации или курсива, когда нет технической возможности их использовать [13; 124]. В частности, нами было зафиксировано данное употребление астериска в ряде интернет-отзывов на роман Д. Брауна «Код да Винчи», в которых с помощью него осуществляется усиление эмоции возмущения (примеры 5–6).

5. After giving in to the hype and reading this book, I frankly don't understand what all the fuss was about. The allegations about the Catholic Church aren't shocking to anyone who's read Holy Blood, Holy Grail, or the better follow-up The Woman with the Alabaster Jar; what **is** shocking is that Brown presents this interesting if flawed speculative history as if it were verified fact [11].
6. Suspiciously so in fact. That this book is **still** on the top of the heap after this long speaks of a publishing industry that preplans its successes as well as American literary culture. As an earlier reviewer stated, it's a shame they decided to make this book a "bestseller". I found The Da Vinci Code's so-called plot boring, the "astounding" revelations preposterous, and the writing amateurish [11].

Другим частотным графическим средством репрезентации эмоций читателя в гипертексте является *умножение графем* (удвоение, утроение букв или буквосочетаний в слове). Как известно, применительно к художественному тексту, помимо постоянных фонетических особенностей речи персонажа (например, заикание), данное стилистическое средство используется для выражения дискомфорта (например, смущение, нерешительность, неловкость, стыд) или отрицательных (например, гнев, возмущение, негодование) эмоций человека [4; 6]. В текстах интернет-отзывов нами было отмечено употребление умноженных графем с целью интенсификации преимущественно отрицательных эмоций (пример 7 – раздражение, пример 8 – разочарование). Кроме того, в отличие от художественного текста, книжные гипертексты, как правило, демонстрируют значительно большее количество

умноженных графем, чем две, три или четыре. Данный факт свидетельствует в пользу достоверности эмоций, выражаемых читателем, который не сдерживает себя в момент написания отзыва и реализует свои впечатления в полной мере.

7. This book would have received five stars from me except for the insulting use of Aussie slang, and the name Thunder. Why do authors do this, give their characters pathetic names. I am an Aussie and there is no way in Hell an educated man (lawyer at that) would call a woman "An alright Sheila".....pleassssssseeee. Aside from that this book is good. Kept me interested (although annoyed) [12].

8. Look – when I pick up a Dan Brown book, I'm not expecting Hemmingway or Twain.....he's a "fast-paced mystery in an exotic locale with hidden clues" writer, a glorified treasure hunt with famous places as the playground. AND – he's usually very good at it. Not this time. He tried waaaaaay too hard to make things fit, and it just came off as a book full of deus ex machine [9].

Помимо вышеперечисленных графических средств, в англоязычном книжном гипертексте эмоции интенсифицируются посредством знаков пунктуации. В частности, *восклицательный знак* регулярно используется в интернет-отзывах читателя на художественный текст для выражения, преимущественно положительных, эмоций. В частности, в одном из интернет-отзывов на роман американского автора Дж. Флинн «Пропавшая» с помощью восклицательного знака транслируется одобрение и интерес со стороны читателя (пример 9). Аналогичным образом передается восторг и одобрение в интернет-отзыве на роман В. Флинна «Американский убийца» (пример 10).

9. Another great G. Flynn book! I loved the characters and the story line. Can't wait until the movie is out! [8]

10. Awesome! As usual, a great read. You get into the story immediately. Mitch Rapp is my kind of man! [5]

В процессе исследования нами также был зафиксирован целый ряд случаев употребления двух и более контактно расположенных восклицательных знаков в гипертексте (примеры 11–14). Данный вариант множественного употребления рассматриваемого пунктуационного знака в тексте служит для выражения эмоционального предела автора [10; 458]. На наш взгляд, как и в случае с растущим числом умноженных графем, тенденция к увеличению восклицательных знаков свидетельствует о важности данного пунктуационного средства в интернет-отзыве при передаче собственных эмоций читателя художественного текста.

11. My favourite book, love it!! It's a heart touching story, and yes, I cried a lot – but it's well worth it. [8]

12. Quite a page turner!!! [11]

13. I love Dan Brown's books!!!! He is so good at describing the locations and incorporating historical facts into the story. I not only get a good thrill but I learn about history as well! [9]

14. So many things in short time. And the end!!!!!! Fantastic conclusion [9].

Многоточие также было отмечено нами в качестве частотного эмотивного пунктуационного знака в англоязычном гипертексте. Помимо прерванного цитирования, многоточие обозначает эмоциональную паузу, когда у автора буквально нет слов выразить захлестнувшие его чувства [13; 62]. Например, в интернет-отзыве на роман Д. Брауна «Точка обмана» (пример 15) с помощью целого ряда многоточий читатель подчеркивает эмоцию душевной боли, которая таким образом выдвигается на первый план в эмотивном содержании данного гипертекста.

15. You are smarter than this, you really are. You'll figure out plot points many pages before they happen, sometimes even chapters before they happen. Oh, you'll hope the author of The DaVinci Code might have an ingenious twist or two up his sleeve in this earlier effort, but he does not. At least not one that isn't painfully obvious. And the ending... so... bad... ughhhh... it hurts... oh, dear God... it hurts... so much... please, make it... stop... [7].

В этой связи обращает на себя внимание девиантное употребление многоточия в англоязычных гипертекстах. Так, нами было зафиксировано использование более трех или четырех точек при написании этого знака (пример 16), с помощью которого в следующем интернет-отзыве максимально интенсифицируется эмоция раздражения читателя по поводу монотонности повествования художественного текста.

16. It's not that the book is not beautifully written, it's that it is depressing. Also, it is so stinking slow that you can actually skip a few pages and he still will be talking about the same thing when you start reading again. It is a thought provoking read but it goes on.....and on.....and on.....[11].

В качестве одной из текстопостроительных тенденций англоязычного гипертекста можно обозначить комплексное использование рассмотренных графических и пунктуационных средств с целью эмотивной эмфазы. На наш взгляд, она отражает стремление современного читателя подчеркнуть значимость той или иной эмоции, испытанной от прочтения художественного текста. Так, в одном из фрагментов интернет-отзыва читателя на роман Д. Брауна «Инферно» мы наблюдаем контактное расположение капитализации и многоточия с целью акцентирования эмоции раздражения читателя от многочисленных повторов в повествовании (пример 17). Аналогичным образом восклицательный знак исполь-

зуется параллельно с умножением графем, но уже для выдвижения положительной эмоции одобрения в интернет-отзыве на роман Дж. Флинн «Пропавшая» (пример 18), а капитализация и восклицательный знак призваны подчеркнуть важность эмоции изумления в структуре эмоционального содержания одного из интернет-отзывов читателя на роман Д. Брауна «Точка обмана» (пример 19).

17. I KNOW it's make-believe, but even make-believe should have some element of continuity to it, some element of actually making sense, and this does not. And HOW MANY TIMES do we have to have the video described.....in the EXACT SAME WAY.....OVER AND OVER.....REPETITIVELY.....AGAIN AND AGAIN....ONE MORE TIME.....IN CASE YOU MISSED IT.....HERE, ONE LAST CHANCE.....see? It gets old. Really fast. In fact, this BOOK got old really fast. I had to make myself finish it, because I spent good money on it that I could NEVER get back [9].
18. This book was excellent! I really like how Flynn leaves your hanging at the end of chapters and moves to another character's point of view. I'm having a hard time finding another book to read because that one was soooo good! I can't wait for the movie later this year. I highly recommend this book for those that like suspense/thriller books [8].
19. Dan Brown, but without the Pope? EGADS MAN!! I thought "Deception Point" was far better than "The Da Vinci Code". I found this techno thriller to be hard to put down and thought provoking [7].

Помимо сочетания графических и пунктуационных средств, было зафиксировано параллельное употребление различных графических средств с целью акцентуации эмоций в гипертексте. Например, в читательском отзыве на роман Д. Брауна «Код да Винчи» на одном текстовом

отрезке используется и капитализация, и астериск (пример 20). В результате мы наблюдаем концентрацию тождественных графических средств (как уже было сказано выше, астериск используется вместо капитализации в электронной коммуникации), которая позиционирует эмоцию шока в качестве доминирующей в данном гипертексте.

20. You've got to be kidding me – *THIS* book has sold over 6 million copies and become an international sensation? That a book this badly written, characterized and plotted can be a runaway best seller is bad enough. That the ludicrous conspiracy theory it peddles, in between all the cliches, terrible dialogue and hackneyed chase scenes, is actually being given credence by some readers is much, much worse [11].

Проведенное исследование показало увеличение количества графико-пунктуационных средств, используемых с целью эмоциональной эмпазы в англоязычном гипертексте. С одной стороны, употребление в неограниченном количестве графических и пунктуационных знаков обеспечивает реализацию градации той или иной эмоции читателя в тексте создаваемого им отзыва. С другой стороны, комплексное использование графико-пунктуационных средств на одном текстовом отрезке выдвигает на первый план доминирующую эмоцию читателя. Принимая во внимание данные факты, можно сделать вывод о стремлении современного читателя посредством создания собственных гипертекстов максимально точно и полно транслировать собственное эмоциональное состояние, вызванное прочтением художественного текста. Таким образом, в условиях повышенного внимания к собственному внутреннему миру и наличия технической возможности неограниченного распространения информации читатель-реципиент в современной литературной коммуникации все в большей степени становится читателем-актантом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ художественного текста: Учебник; практикум. М.: Флинта: Наука, 2004. 496 с.
2. Есин А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. 3-е изд. М.: Флинта: Наука, 2000. 248 с.
3. Панфилова С. С. Гипертекст – адресант – адресат: Монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2014. 132 с.
4. Чалова Л. В. Графические средства выражения эмоций в рассказах О. Генри // Концепт: научно-методический электронный журнал. Киров, 2012 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/1251.htm>.
5. American Assassin by Vince Flynn: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/American-Assassin-Thriller-Mitch-Series/product-reviews/1416595198>.
6. And Then There Were None by Agatha Christie: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/And-Then-There-Were-None/product-reviews/0062073486>.
7. Deception Point by Dan Brown: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/Deception-Point-Dan-Brown/product-reviews/0743497465>.
8. Gone Girl by Gillian Flynn: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/Gone-Girl-Gillian-Flynn/product-reviews/0307588378>.
9. Inferno by Dan Brown: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/Inferno-Robert-Langdon-Dan-Brown/product-reviews/1400079152>.
10. Swan M. Practical English Usage. Third Edition. Oxford University Press, 2005. 688 p.
11. The Da Vinci Code by Dan Brown: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/The-Vinci-Code-Dan-Brown/product-reviews/0307474275>.

12. The Taste of Fear by Jeremy Bates: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/The-Taste-Fear-Jeremy-Bates/product-reviews/0993764614>.
13. Trask R. L. Penguin Guide to Punctuation. Penguin UK, 2004. 176 p.

Panfilova S. S., Mordovia State University (Saransk, Russian Federation)

GRAPHICAL AND PUNCTUATION MEANS OF PRESENTING EMOTIONAL COMPONENTS OF ENGLISH HYPERTEXT

The article considers a phenomenon of the book hypertext as a complex of non-fiction texts based on the semantic structure of a particular fiction text being a part of literary communication. The study focuses on the reader's review as an insufficiently studied type of book hypertexts. As a result of the Internet expansion and availability, the reader obtained a tool facilitative in the expression of his/her emotional assessment of the fiction texts more actively by posting an unlimited number of reviews. The emotive usage of certain graphical and punctuation means such as capitalization, asterisk, dots, grapheme multiplication, and exclamation mark is a peculiar feature of the reader's review. The study revealed a tendency towards quantitative increase and combined usage of different graphic and punctual means aimed at visual accentuation of a particular part of the text. This textual feature points to the goal of the reader, which is to emphasize his/her prevalent emotion caused by a certain fiction text.

Key words: hypertext, reader's review, asterisk, capitalization, grapheme multiplication, dots, exclamation mark

REFERENCES

1. Babenko L. G., Kazarin Yu. V. *Lingvisticheskiy analiz khudozhestvennogo teksta: Uchebnik; Praktikum* [Fiction text linguistic analysis: student's book; exercises]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2004. 496 p.
2. Esin A. B. *Printsiipy i priemy analiza literaturnogo proizvedeniya: Uchebnoe posobie* [Fiction text analysis approaches and techniques: student's manual]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2000. 248 p.
3. Panfilova S. S. *Gipertekst – adresant – adresat* [Hypertext – reader – author: monograph]. Saransk, Mordovia University Publ., 2014. 132 p.
4. Chalova L. V. Graphical means of presenting emotions in short stories by O. Henry [Graficheskie sredstva vyrazheniya emotsiy v rasskazakh O. Genri]. *Kontsept: Nauchno-metodicheskiy elektronnyy zhurnal* [Concept: research and methodology electronic journal]. Kirov, 2012. Available at: <http://www.covenok.ru/koncept/2012/1251.htm>
5. American Assassin by Vince Flynn: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/American-Assassin-Thriller-Mitch-Series/product-reviews/1416595198>.
6. And Then There Were None by Agatha Christie: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/And-Then-There-Were-None/product-reviews/0062073486>.
7. Deception Point by Dan Brown: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/Deception-Point-Dan-Brown/product-reviews/0743497465>.
8. Gone Girl by Gillian Flynn: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/Gone-Girl-Gillian-Flynn/product-reviews/0307588378>.
9. Inferno by Dan Brown: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/Inferno-Robert-Langdon-Dan-Brown/product-reviews/1400079152>.
10. Swan M. Practical English Usage. Third Edition. Oxford University Press, 2005. 688 p.
11. The Da Vinci Code by Dan Brown: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/The-Vinci-Code-Dan-Brown/product-reviews/0307474275>.
12. The Taste of Fear by Jeremy Bates: Customer Reviews. Available at: <http://www.amazon.com/The-Taste-Fear-Jeremy-Bates/product-reviews/0993764614>.
13. Trask R. L. Penguin Guide to Punctuation. Penguin UK, 2004. 176 p.

Поступила в редакцию 31.07.2015

ОЛЬГА ВАЛЕНТИНОВНА СЕМЕНОВА

преподаватель кафедры русского языка филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
olsemenova@bk.ru

ИГРА СИНОНИМАМИ В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «КОТЛОВАН»*

Одна из главных особенностей языка А. Платонова – индивидуально-авторские сочетания. Окказиональные конструкции играют немаловажную роль в текстах писателя: они позволяют привлечь внимание читателя к проблемам, которые волнуют автора, отразить его философию, видение мира. В работе мы анализируем контексты одного из знаковых произведений А. Платонова – повести «Котлован», в частности случаи намеренного и скрытого в подтексте неправильного употребления синонимов.

Ключевые слова: окказиональная синтагматика, идиостиль А. Платонова, неправильное употребление синонимов

За последние двадцать лет вышло большое количество работ по языку и поэтике платоновской прозы, что свидетельствует о неугасающем интересе исследователей прежде всего к проблеме языка писателя.

В данной статье мы обратимся к анализу контекстов одного из знаковых произведений А. Платонова – повести «Котлован», в частности к случаям намеренного и скрытого в подтексте неразличения синонимов. Чтобы убедиться, что анализируемое сочетание встречается лишь в произведении А. Платонова, мы обращаемся к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ). Методика исследования платоновской фразы с опорой на словари и НКРЯ представлена в диссертации О. В. Семеновой [6; 105–108]. Так, например, в предложении «*все мелкие жители города хорошо знали, что сливочного масла нет*» [5; 40] – прилагательное *меленькие* заменяется на *мелкие*, таким образом приобретая метафорическое значение: имеющие низкое общественное положение, бедные люди. Нужно отметить, что словосочетание *мелкие жители* мы позже встречаем и у Ю. Ковалю, но в ином, нежели у А. Платонова, значении (мелкими жителями писатель называет детей): «*Необыкновенные полеты гладкошерстного фокс-терьера сделались любимым зрелищем мелких жителей нашего двора и крупной уличной шпаны*» («От красных ворот», 1990) – материал из НКРЯ.

Во многих конструкциях, в которых происходит ненормативная замена одного слова синонимического ряда другим, мы наблюдаем неявные ограничения в лексической и семантической сочетаемости. Такие ограничения подробно описывает Л. П. Крысин [4]: к *явным* он относит такие конструкции, в которых сочетаемость одного из компонентов ограничена одним-двумя актантами или их синонимами, например: «*разинуть рот, пасть и др. жаргонные и просторечные варианты*»; к *неявным* относятся ограничения, которые «имеют нежесткий, вероятностный характер, то

есть соответствуют утверждениям типа: “чаще всего <обычно> слово X сочетается со словом Y или со словами из семантического класса W и не сочетается со словом Z или со словами из семантического класса Q”» [4; 121] (можно сказать «*дочь похожа на мать*», но не совсем правильно «*мать похожа на дочь*»). В повести «Котлован» мы встречаем сочетание «*лица изображали*» («но *лица их изображали одно и то же твердое чувство*» [5; 71]), в котором вместо глагола «изображали» с точки зрения привычной сочетаемости уместно употребить глагол *выражали*; в словосочетании «*обнаружить... бдительность*» [5; 106] вместо глагола «обнаружить» – глагол *проявить*.

В предложении «*вышли из задних клеток и разных укрытых препятствий жизни*» [5; 109] в результате замены прилагательного «скрытые» на неуместный в данном контексте синоним главный компонент словосочетания «*укрытые препятствия*», конкретизируясь, получает совершенно иную интерпретацию: происходит «овеществление» абстрактного понятия «жизненные препятствия, преграды».

Существительные с темпоральным значением «срок» и «время» могут в некоторых контекстах взаимозаменяться, например: «*дабы приблизить срок бутровой кладки фундамента и остального зодчества*» [5; 58], но у А. Платонова встречаем случаи употребления одного слова вместо другого в контекстах, в которых такая замена недопустима: «*А потом, спустя срок, у меня нагрелось к ней что-то в груди*» [5; 46].

В конструкции «*все более ощущался личный позор*» [5; 53] нарушение традиционной сочетаемости происходит из-за неуместного употребления главного компонента словосочетания. Поскольку герои сами оценивают себя, на наш взгляд, с точки зрения узусных норм вместо существительного *позор*, подразумевающего оценку со стороны, можно употребить существи-

тельное *стыд*, однако и лексема *стыд* не сочетается с прилагательным *личный*.

В словосочетании «развалился в мелочь» [5; 52] мы можем предположить, что, заменяя подходящее по смыслу существительное «кусочек» на «мелочь» (в словарях синонимов слова «кусочек» и «мелочь» не зафиксированы как синонимы [2]), автор акцентирует внимание не на количестве, а на качестве результата.

Несколько замен наблюдаем с глаголом *думать*: «внимательно томился о том» [5; 47] (вместо *думал о*); «полагал про себя» [5; 101], маркированное как книжное (вместо *думал про себя*).

Можем выделить основные особенности употребления слов-синонимов в тексте повести «Котлован»:

1. Употребление слов-синонимов, которые в узусе сочетаются лишь с неодушевленными существительными. В результате сочетания таких слов с одушевленными существительными происходит уподобление человека неодушевленному объекту: «Оставив *блюсти* девочку Жачеву» [5; 66] (вместо *оберегать девочку*) – девочка воспринимается как неживой объект, употребляясь с глаголом, который в узусе соотносится с абстрактным неодушевленным существительным (например, *блюсти порядок / чистоту*).

Вместо глагола «воспитать», характеризующего денотат, на который направлено действие, как живой, А. Платонов использует глагол «образовать» («чтобы встретить бесхозьяственных бедняков и *образовать из них постоянных труженников*» [3; 189]), предполагающий наличие неодушевленного объекта (в словарях эти глаголы не зафиксированы как синонимы).

2. Уподобление неодушевленных объектов одушевленным в результате замены одного слова синонимической пары другим: заменяя прилагательное *старый* на *давний* в словосочетании *давние гвозди* («и давние гвозди торчали из него (забора. – О. С.), освобождаемые из тесноты древесины силой времени» [5; 50]), автор смещает временную характеристику из сферы личных или абстрактных денотатов (друзья, события) в область конкретных неодушевленных референтов.

3. Скрытая «игра синонимами» вызывает появление иронического подтекста. Так, необычна сочетаемость глагола «наблюдать», предполагающего внимательное рассмотрение, изучение чего-либо, с конкретным существительным «спина»: «наблюдая спину Елисея» [5; 61]. С точки зрения привычной сочетаемости вместо глагола «наблюдать» можно употребить «увидеть». Употребление этого синонима необычно и в конструкции «наблюдали сон» [5; 58] (вместо *видели сон*).

Заемствованный из официального языка глагол «внедриться» в значении «протиснуться» (глаголы «внедриться» и «протиснуться» не являются синонимами согласно синонимическим словарям) в предложении приобретает ирони-

ческую коннотацию благодаря непривычному для него окружению: «Жачев сполз с крыльца, *внедрил* среди суетящихся ног» [5; 98].

Встречаем контексты, в которых глаголы «думать», «додумываться» заменяются на «соображать»: «он сначала опустил голову и напряженно *сообразил*» [5; 60]; оборот «думать над + творительный падеж» у А. Платонова заменен на ироническое сочетание «соображать над... обстоятельством» [5; 45]. Глагол мысли «понял» заменяется на глагол «сообразил», не совсем уместный с точки зрения нормы в словосочетании «сообразил значение сигнала» [5; 81].

4. Отмечается в платоновской повести и употребление квазисинонимов: «раздробил повозку» [5; 47] вместо *разломал повозку*.

В предложении «Полуголый стоял без всякого впечатления» [5; 61] словоформа «без чувств» заменяется на недопустимый в данном контексте квазисиноним «без впечатлений».

В предложении «Вот и еще надлежало бы и товарищу Воцеву приобрести от Жачева карающий удар» [5; 50] глагол «приобрести» употребляется вместо глаголов «получить» или «схлопотать». Будучи синонимами только в своем прямом значении, глаголы «приобрести» и «получить» совпадают лишь в одном значении: «стать обладателем, владельцем чего-либо», поэтому в данном контексте невозможна замена одной лексемы другой в синонимической паре: в словосочетании «приобрести удар» глагол «приобрести» употреблен в переносном значении.

5. А. Платонов также прибегает к использованию созданных им «на случай», то есть окказиональных, синонимов: так, индивидуально-авторским неологизмом «невидимость» («невидимость актива» [5; 108]) он заменяет синонимичное по значению существительное *отсутствие*.

Словосочетание «для охранения Наси от ветра» [5; 113] с точки зрения узусальных норм можно заменить на конструкцию «для защиты Наси», так как «охрана» подразумевает непосредственное участие человека.

Замена глагола «ломаться» на «трескаться» (в словарях глаголы «трескаться» и «ломаться» не зафиксированы как синонимы), в узусе не соединяющегося с существительным «кости», возможно, понадобилась автору для того, чтобы показать процесс, сопровождаемый характерным звуком, так как в главном предложении есть глагол со значением слухового восприятия «услышал»: «пока не *услышал*, как *трескаются кости* в его трудящемся туловище» [5; 115].

6. Изменение привычного значения: в предложении «Хозяин... *стоял* в своем *сиротстве*» [5; 85] наблюдаем необычную трансформацию значения (эмоциональное состояние субъекта действия) у существительного *сиротство* (= «одинокчество»).

7. Замена нейтрального слова синонимического ряда на стилистически окрашенное: «*скончаться... старым*» [5; 100] по аналогии с сочетанием «*умереть старым*»; «*вглядывался в чуждые и знакомые глупые лица*» [5; 36]; «*обнимая чуждое доселе тело*» [5; 87] (вместо *чужие*); «*вся изба-читальня была порожняя*» [5; 79] (вместо *пустая*); «*померкший костер*» [5; 88] (вместо *погасший*).

Таким образом, нарушение сочетаемости на лексико-семантическом уровне, а в частности игра синонимами, необходимо автору для создания ткани художественного произведения: изменяется узуальное значение слов, что приводит к переосмыслению прежде всего таких понятий, как «живое» и «неживое», «жизнь» и «смерть», а также появлению новых значений в контексте повести «Котлован».

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 15-04-00180.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практ. справ.: ок. 11 000 синоним. рядов. М.: Русский язык-Медиа, 2007. 567 с.
2. Апресян Ю. Д. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М.: Языки русской культуры, 1999. 552 с.
3. Динамическая транскрипция рукописи «Котлован» // Котлован: Текст. Материалы творческой истории / РАН. Ин-т русской лит. СПб.: Наука, 2000. С. 165–308.
4. Крысин Л. П. Слово в современных текстах и словарях: очерки по русской лексике и лексикографии. М.: Знак, 2008. 318 с.
5. Платонов А. Котлован // Котлован. Материалы творческой истории / РАН. Ин-т русской лит. СПб.: Наука, 2000. С. 21–116.
6. Семенова О. В. Окказиональная синтагматика А. Платонова (на материале повести «Котлован»): Дисс. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2015. 316 с.

Semenova O. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

THE GAME OF SYNONYMS IN THE STORY BY A. PLATONOV *THE FOUNDATION PIT*

One of the key features of A. Platonov's writing style is the use of unique expressions. Occasional word combinations are of considerable importance in A. Platonov's works. They attract the reader's attention to the problems the author is concerned about and introduce the author's philosophy and beliefs. In the paper we analyze the contexts of one of the general opus by A. Platonov – the story "The Foundation Pit", in particular, occurrences of intentional and disguised implication of incorrect use of synonyms.

Key words: syntagmatics of occasional word combinations, A. Platonov's writing style, incorrect use of synonyms

REFERENCES

1. Aleksandrova Z. E. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka: Prakt. sprav.: ok. 11 000 sinonim. ryadov* [The dictionary of synonyms of Russian language: the practical reference book: 11 000 synonymic rows]. Moscow, Russkiy yazyk-Media Publ., 2007. 567 p.
2. Apresyan Yu. D. *Novyy ob'yasnitel'nyy slovar' sinonimov russkogo yazyka* [The new explanatory dictionary of synonyms of Russian language]. Moscow, Yazyki russkoy kul'tury Publ., 1999. 552 p.
3. The dynamic transcription of the manuscript Foundation Pit [Dinamicheskaya transkriptsiya rukopisi "Kotlovan"]. *Kotlovan. Materialy tvorcheskoy istorii* [Foundation Pit. The Matter of creative history]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. P. 165–308.
4. Krysin L. P. *Slovo v sovremennykh tekstakh i slovaryakh: ocherki po russkoy leksike i leksikografii* [The word in the actual texts and dictionary: the sketch of Russian lexis and lexicography]. Moscow, Znak Publ., 2008. 318 p.
5. Platonov A. The Foundation Pit [Kotlovan]. *Kotlovan. Materialy tvorcheskoy istorii* [Foundation Pit. The Matter of creative history]. St. Petersburg, 2000. P. 21–116.
6. Semenova O. V. *Okkazonal'naya sintagmatika A. Platonova (na materiale povesti "Kotlovan")*: Diss. ... kand. filol. nauk [The occasional syntagmatic by A. Platonov (by the matter of story *Foundation Pit*): PhD. Dis. phil. sci.]. Petrozavodsk, 2015. 316 p.

Поступила в редакцию 29.09.2015

ВАРВАРА ВИКТОРОВНА КАШИРИНА

доктор филологических наук, профессор кафедры основ гражданственности, Российская академия живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (Москва, Российская Федерация)

v_kashirina@mail.ru

«ВЕЛИКОСВЕТСКИЙ РАСКОЛ» В ОЦЕНКЕ РУССКИХ СВЕТСКИХ И ДУХОВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ XIX ВЕКА

Проанализирована критика евангелического учения, проповедниками которого в России выступили английский лорд Гренвиль Редсток и его ученик полковник Василий Александрович Пашков, со стороны светских и духовных писателей XIX века. Это учение получило название «великосветский раскол» по заглавию очерка Н. С. Лескова (1876) и нашло отражение в произведениях многих писателей второй половины XIX века. Несмотря на ряд влиятельных последователей, идеи нового учения не нашли поддержки в русском обществе. Критически отзывались об этом учении Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, князь В. П. Мещерский, Л. Н. Толстой. С разоблачительными статьями против пашковщины выступили и духовные писатели. Среди них – известный богослов и духовный писатель XIX века святитель Феофан Затворник Вышенский (1815–1894), который из вышенского затвора написал семь обличительных писем-посланий против лжеучения Пашкова. В результате единодушной критики как светской, так и духовной печати новое учение было запрещено, его главный идеолог В. А. Пашков покинул Россию. Это был редкий пример единодушия светской и церковной печати в оценке религиозно-общественного течения в России во второй половине XIX века.

Ключевые слова: редстокизм, пашковщина, евангелическое учение, великосветский раскол, Феофан Затворник

«Великосветский раскол» – это заглавие очерка Н. С. Лескова, который появился в печати в 1876 году и дал название целому религиозно-философскому направлению, которое распространилось в русском обществе во второй половине XIX века. Появление и распространение нового учения связано с именами лорда Гренвиля Редстока и его ученика полковника Василия Александровича Пашкова. Новое евангелическое учение основывалось на отрицании церковных таинств (признавали только два таинства – крещение и евхаристию), иерархии, святых икон. Спасение достигалось только верой во Христа, при этом Священное Писание толковалось и понималось по личному усмотрению каждого человека.

Впервые в Россию Редсток приехал на Страстной неделе 1874 года и был принят во многих аристократических домах Санкт-Петербурга. Одним из аристократических салонов, где вел свою проповедь Редсток, был салон Юлии Денисовны Засецкой, который посещали многие русские писатели – Н. С. Лесков, Ф. М. Достоевский, французский посол Е. М. де Вогюэ, философ В. Соловьев и др., которые здесь познакомились с идеями редстокизма.

По воспоминаниям Анны Григорьевны Достоевской: «Ю. Д. Засецкая была редстокисткой, и Федор Михайлович по ее приглашению несколько раз присутствовал при духовных беседах лорда Редстока и других выдающихся проповедников этого учения»¹. В «Дневнике писателя» за 1876 год

Ф. М. Достоевский писал о своем собственном впечатлении от проповедника: «Мне случилось его <...> слышать в одной “зале” на проповеди, и, помню, я не нашел в нем ничего особенного: он говорил ни особенно умно, ни особенно скучно»². Однако влияние Редстока на религиозное сознание высшего света, по замечанию писателя, было огромно: «...он делает чудеса над сердцами людей; к нему льнут; многие поражены; ищут бедных, чтоб поскорей облагодетельствовать их, и почти хотят раздать свое имение»³. Причину этого Ф. М. Достоевский видел в оторванности высших слоев общества от православной традиции, в попрании идеи почвенничества: «Настоящий успех лорда Редстока зиждется единственно лишь на “обособлении нашем”, на оторванности нашей от почвы, от нации. Оказывается, что мы, то есть интеллигентные слои нашего общества, – теперь какой-то уж совсем чужой народик, очень маленький, очень ничтоженький, но имеющий, однако, уже свои привычки и свои предрассудки, которые и принимаются за своеобразность, и вот, оказывается, теперь даже и с желанием своей собственной веры. <...> Тут плачевное наше обособление, наше неведение народа, наш разрыв с национальностью, а во главе всего – слабое, ничтожное понятие о Православии»⁴.

Резким противником редстокистов выступил князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914), племянник Карамзина и соратник М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева. Основатель первого в российской столице газетного еженедельника

«Гражданин» (его редактором в 1873–1874 годах был Ф. М. Достоевский) активно боролся против либеральных тенденций в русском обществе и отстаивал идеи монархизма. В еженедельнике был опубликован роман князя «Лорд-апостол в большом петербургском свете», который в 1876 году вышел отдельным изданием в четырех томах общим объемом в 1730 страниц. В образе английского проповедника лорда Хитчика, прототипом которого явился Редсток, автор едко высмеивал новомодного английского проповедника. В романе очень много параллелей с российской действительностью. Например, упоминается, что граф Симонов и его супруга, заручившись поддержкой лорда Хитчика, основывают среди аристократов «Общество по распространению нравственности и христианской этики», целью которого является преобразование всей России на новых нравственных и этических принципах. Английскому лорду, которым восхищается высшее общество, противостоят православные священники. Отец Леонид на собрании лорда разоблачает это лжеучение: «Братья, тот из вас, кто станет проповедником легкого спасения и легкого прощения грехов, тот является еретиком, посланником лжехриста. Горе тому, кто покидает лоно своей родной Церкви и не внимает ее учению. Ему придется дать отчет в своей слепоте и в том, что он увел своих детей, своих слуг и всех других меньших братьев с пути истинного, для которых он по сути должен был служить примером»⁵. За эту проповедь общество требует расправы с «жалким батюшкой», которого вскоре переводят на другое место.

В противовес высшему обществу, потерявшему духовные ориентиры, в романе нарисованы идеальные христианские образы монахов. Многие герои пережили духовный кризис и возвратились в лоно Православия. Например, князь Баянов покинул столицу и поселился в своем имении, где вскоре сблизился с насельниками монастыря и вновь обрел смысл жизни.

В 1876 году князь Владимир Петрович Мещерский обратился к лорду Редстоку с открытым письмом⁶. Письмо было написано параллельно на французском и русском языках. Отвечая на обвинения в создании карикатурного образа Редстока, князь пишет, что «герой моего романа не ваш портрет, милорд, но ваше подобие»⁷.

И далее, обращаясь к Редстоку, прямо заявляет, что «форма и сущность ваших учений противоречат началам нашей Церкви, они производят соблазн <...> троякого рода:

1) в установлении особенных молитвенных собраний – вне нашей Церкви для членов, к ней принадлежащих, причем эти собрания имеют не простой характер религиозных бесед, но соединяются с молитвословием и догматическими учениями.

2) причины этих собраний побуждают многих из ваших учеников и учениц проявлять осо-

бую преднамеренность, особый умысел, скажу больше – известное фанатическое упрямство, в объявлении себя публично последователями вашего учения, заведомо для них несогласного с учениями той Церкви, в которой они рождены и воспитывают детей своих.

3) и это самое важное, – так как несомненно доказано, что некоторые стороны, приводящего в восхищение учеников ваших, учения, вами проповедуемого, диаметрально противоположны учению Церкви, к которой почти все они принадлежат, и даже основным началам этой Церкви, то понятно, что такое восторженное сочувствие к этим именно сторонам вашего учения становится источником опасных религиозных заблуждений – в ущерб истине, всегда единой»⁸.

Вслед за Ф. М. Достоевским успех нового учения в России князь Владимир Мещерский объясняет тем, что «в большом свете, космополитическое воспитание издавна делало второстепенным обучение религии нашего народа»⁹.

Князь также обращается в Святейший Синод с требованиями запретить собрания редстокистов и выдворить «английского фарисея» из России.

В середине 70-х годов стали появляться и газетные статьи Н. С. Лескова об английском проповеднике, в которых «говорилось об его “еретическом вздоре”, что он несет “ахиною”, что, кажется, у нас “ему ничто не мешало быть умнее”, что “искать Иисуса в людях” надо не так, как это он делал...»¹⁰. Практически одновременно с появлением романа князя Мещерского в 1876 году в журнале «Православное обозрение»¹¹ стал печататься очерк Н. С. Лескова «Великосветский раскол», который имел подзаголовок, указывающий не столько на его художественность, сколько на историчность: «Лорд Редсток, его учение и проповедь. Очерк современного религиозного движения в Петербургском обществе», который в 1877 году был опубликован сразу в двух столицах тремя изданиями¹².

Иностраннй проповедник принес в общество новое учение, которое автор точно назвал «великосветским расколом», с идеей всеобщего оправдания – «все принявшие Христа спасены, и им не о чем за себя беспокоиться и плакать»¹³. Слушатели находятся в самообмане, они «уверены, что полчаса или четверть часа тому назад, при произнесении известных слов Редстока, между небом и салоном, где они собраны, произошел самый живой обмен сношений о записке нескольких овец этого “малого стада” в “книгу жизни”. Они спасены и не замечают, как они в эти минуты похожи на католиков, только что получивших папскую индульгенцию не только на те грехи, которые ими совершены в прошедшем, но и на те, кои, по всей вероятности, будут совершаться в будущем»¹⁴.

По мнению Лескова, у Редстока отсутствуют явные достоинства проповедника, но у него «есть

все, чтобы быть самым неувлекательным проповедником: копотливость и мешкатность, подрывающие доверие к тому, знает ли он, что хочет сказать, и при этом полнейшее отсутствие дара слова и самая неприятная дикция <...> Он никогда не готовится своей речи и она, должно признаться, от этого ничего не выигрывает: сначала он минут пять тихо молится, потом минуты три перелистывает Библию и потом нет-нет заговорит. По словам самых пламенных поклонниц лорда, “беседа его в начале всегда вяла и утомительна”. Им однако кажется, что “чем далее, тем он сильнее затрагивает души, облегчая каждому путь ко спасению верою во Христа, и живо представляя ту безысходную скорбь, которая ожидает всех, не избравших узкий путь”¹⁵.

Подробно Лесков описывает приемы сектантского проповедника: «Привет у него при встрече с знакомым заученный и всегда один и тот же: это: “Как вы себя душевно чувствуете?” – Затем второй вопрос: “Что нового для славы имени Господня?” Потом он тотчас же вынимает из кармана Библию, и раскрыв то или другое место, начинает читать и объяснять читаемое. Перед уходом из дома, прежде чем проститься с хозяевами, он становится при всех на колени и громко произносит молитву своего сочинения, – часто тут же импровизированную: потом он приглашает кого-нибудь из присутствующих прочесть другую молитву и слушая ее, молится. Его постоянные почитательницы и слушательницы, разумеется, читают молитву по-английски или по-французски, но если приглашение его относится к кому-нибудь не молящемуся на этих языках, то тот читает молитву по-своему: лорд тогда молится, шепча про себя свою молитву и только в конце гласно читаемой молитвы громко произносит: “Аминь”. Молитвы при нем стараются читать или заученные со слов Редстока, или собственного сочинения, “вылившиеся из души”»¹⁶.

В чем же заключался успех проповеди Редстока? По мнению Н. С. Лескова, прежде всего в его высоком титуле: «проповедующий лорд – это, как вы хотите, оригинально и так у нас необыкновенно, что дамы и джентльмены полюбопытствовали его послушать»¹⁷. В то время авторитет русского священства в глазах высшего общества был крайне низок¹⁸.

По мнению Лескова, любой отрывок из Библии, который цитировал лорд Редсток в защиту своего учения, можно интерпретировать совершенно иным образом. А сомнительная истина, неожиданно найденная одним человеком, не может быть представлена всему человечеству как новое учение о спасении.

В то же время отношение Н. С. Лескова к новым проповедникам было противоречивым. С одной стороны, он критиковал их деятельность как художник, с другой – активно сотрудничал с ними. В частности, печатался в журнале «Русский рабочий»,

издававшемся в Санкт-Петербурге (1875–1886), главным редактором которого была М. Г. Пейкер и где печатались материалы «Общества поощрения духовно-нравственного чтения».

4 января 1893 года в письме к Л. Н. Толстому Н. С. Лесков писал о своем поиске истины и веры, о внутренней путанице и неустроенности: «...я с ранних лет жизни имел влечение к вопросам веры, и начал писать о религиозных людях, когда это почиталось за непристойное и невозможное (“Соборяне”, “Запечатленный ангел”, “Однодум”, “Мелочи архиерейской жизни” и т. п.), но я все путался и довольствовался тем, что “разгребаю сор у святилища”, но я не знал – с чем идти во святилище. На меня были напоры церковников и Редстока (Засецкой, Пашкова и Ал. П. Бобринского), но от этого мне становилось только хуже: я сам подходил к тому, что увидал у Вас, но сам с собою я все боялся, что это ошибка, потому что хотя у меня светилось в сознании то же самое, что я узнал у Вас, но у меня все было в хаосе – смутно и нелепо, и я на себя не полагался; а когда услышал ваши разъяснения, логичные и сильные, – я все понял, будто как бы “припомнив”, и мне своего стало не надо, а я стал жить в свете, который увидал от Вас и который был мне приятнее, потому что он несравненно сильнее и ярче того, в каком я копался сам своими силами»¹⁹.

О редстокистах и пашковцах отзывался критически и Л. Н. Толстой, который присутствовал на некоторых собраниях пашковцев²⁰. В Дневнике от 13 марта 1889 года им была сделана запись: «Все они – и Пашк[ов], Radst[ock] проповед[уют]. – Я понял их, евангеликов, так: они от церковной безбожности очнулись и нашли более разумную и свободную и теплую веру в Хр[иста], искупившего своей кровью наши грехи и спасшего нас. И верят, и радуются. Но ошибка и тут большая: они чувствуют себя совершенными и всю энергию направляют на проповедь, предполагая, что совершенство жизни совершится бессознательно»²¹.

Через два года, в июле 1891-го, Л. Н. Толстой отвечал на вопрос, который волновал многих его современников: «Отчего успех Редстока в большом свете? Оттого, что не требуется изменения своей жизни, признания ее не правой, не требуется отречения от власти, собственности, князя мира»²².

В романе «Анна Каренина» (ч. VII, гл. XXI–XXII)²³ Л. Н. Толстой сатирически изобразил английского проповедника. Прототипами некоторых героев также стали известные редстокисты: графиня Елена Ивановна Шувалова – для образа графини Екатерины Ивановны Чарской в романе «Воскресение»²⁴, доктор Бедкер – для образа проповедника Кизеветтера и для образа англичанина, спутника Нехлюдова при обходе камер сибирской тюрьмы в романе «Воскресение»²⁵. Сюжет комедии «Пьяный винокур, или как чертенок крауш-

ку заслужил», по мнению исследователей²⁶, был заимствован из литографированной картинки, распространенной в народе пашковцами.

По свидетельству современников, последователь Редстока – полковник Василий Александрович Пашков – заимствовал внешние приемы английского проповедника: «...беседы Пашкова представляют почти буквальное повторение или копию бесед Редстока: как там, так и здесь проповедник старается прежде всего подействовать на слушателя эффектностью внешней стороны беседы. Как Редсток открывал свои собрания молитвой собственного составления, так точно поступал и Пашков; как Редсток во время молитвы бросался в стул таким образом, что голову наклонял вниз, сложив руки на спинку стула, так точно – проделывал и Пашков. Как у Редстока молитва была бессвязна и однообразна по содержанию, такую же выходила молитва и у Пашкова»²⁷.

Если разоблачительные статьи против учения Редстока публиковали в основном светские писатели, то против учения Пашкова решительно выступили духовные лица, и прежде всего – святитель Феофан Затворник, который из вышенского затвора написал целый ряд статей и писем. По словам святителя, Пашков «есть злейший молоканин и хлыст, у которого – ни Церкви, ни таинств, ни священства, ни молитвословий, – ничего нет. Кайся, веруй в Господа и живи добре – и все тут. Прочее все – побоку. С этою проповедью он разъезжает всюду. И у себя дома собирает, и многих уже сбил с толку. Вот-вот объявит секту»²⁸. А в более поздних письмах к Н. В. Елагину утверждает даже, что учение Пашкова – «спиритская бесовщина»²⁹.

Святитель Феофан написал семь писем, которые были опубликованы в журнале «Душеполезное чтение» в период с марта 1880 по февраль 1881 года³⁰. Первое письмо было напечатано также отдельными изданиями в 1880 году в Москве и Санкт-Петербурге³¹. Отдельным изданием все семь писем, которые впоследствии вошли в состав сборника «Письма к разным лицам о разных предметах веры и жизни», вышли в 1881 году³².

В первом письме святитель Феофан пишет об истории христианства, о существовании некогда Единой Церкви и о различных «ниспадениях в ложь и тьму»³³ – католицизм, протестантизм, англиканство, редстокизм и пашковщину. Святитель по пунктам объясняет заблуждения пашковцев, основные из которых: мнение о том, что, кто исповедует Христа устами, тот уже принял Его, что можно молиться своими молитвами без крестного знамения и поклонов, что следует отрицать Церковь, поклонение святым, Божией Матери, не соблюдать посты, отрицать церковные Таинства, причастие и др.

Во втором письме святитель еще раз объясняет, что Редсток, а вслед за ним и Пашков, построил себе «ложное, но обольстительное

представление о христианстве» и всеми силами «старается набить его в головы других, полагая, что ратует за дело Божие и спасение братий»³⁴.

В третьем письме объясняется, в чем заключается привлекательность учения Пашкова, или, по словам святителя, – «кривда в его учении»³⁵. Это то, что спасение дается даром: «...слишком льготным представляется путь спасения. Уверовал, и все тут: и грехи прощены, и вечное наказание отменено, и падения не бойся, и добродетели все сами собою пошли из сердца, и Христос в тебя, и уж не взирая ни на что не покинет тебя, рай и Царство Небесное – твое, и под. – Остается только ликовать: ни трудов, ни опасений, ни боений, – дорога гладкая и превеселая»³⁶.

В четвертом письме содержится наиболее подробное опровержение заблуждений Пашкова, которое разбирается по 20 пунктам. Впоследствии именно это письмо с небольшими дополнениями приводилось в примечаниях во многих работах против пашковцев.

Основные пункты учения пашковцев, которые опровергает святитель³⁷:

1) Спасение совершилось, и все уверовавшие во Христа спасены.

2) Спасение даровано нам туне, а дары Божии, как непреложные и вечные, отняты быть не могут.

3) Человек спасается чрез веру во Христа.

4) Уверовавший во Христа и, следовательно, усвоивший себе искупление в собственность вечной гибели не подлежит.

5) Каждый уверовавший во Христа тотчас же получает отпущение грехов и избавляется от вечного наказания.

6) Для спасения следует принять в себе Христа. Для этого нужно сознать себя грешным. Уверовать во Христа, возблагодарить Его за все, что Он для нас сделал, сознать себя спасенными на веки и быть убежденными, что с этой минуты все грехи наши прощены и мы становимся неизменными причастниками жизни вечной.

7) Таким образом мы принимаем в себя Христа, который уже, невзирая ни на что, никогда не покидает нас, но всегда пребывает в нас.

8) Принявшему в себя Христа несвойственные смертные грехи; за грехи вообще он подлежит лишь временным наказаниям.

9) Вера во Христа, как дар Божий, никогда не отнимается у принявших в себя Христа, потому что дары Божии непреложны и вечны. Также остается при них и не отнимается у них благодать искупления.

10) Принявшему в себя Христа и потом согрешившему нужно лишь покаяться, и он тотчас получает непосредственное прощение, так как Христос есть неисчерпаемый источник милосердия и прощения.

11) Первым долгом принявшего в себя Христа должны быть благовествование, исповедание и проповедь.

12) Благовествование, проповедь и добрые дела суть непременные последствия принятия в себя Христа.

13) Каждый принявший в себя Христа непременно творит добрые дела, которые не спасают человека, а суть плоды веры; из нее они вытекают сами собой.

14) Крещение не пользует того, кто сознательно не принял в себя Христа.

15) Каждый, принявший в себя Христа, может уразуметь все святое Писание и истолковывать его другим. Впрочем, до некоторой степени понимать Св. Писание может каждый, даже и не принявший в себя Христа.

16) Церковь сама по себе, а прежде всего нужно искать Христа.

17) Христос вселяется в людей грешных и нечистых, лишь бы они в Него веровали.

18) Бог так возлюбил мир, что для нашего спасения разлучился с Отцом Своим.

19) Все вечные награды и наказания равны. Обители многие значат именно многие, но не разные; так как у Бога нет лицеприятия.

20) Все дни равны, не исключая и Воскресения.

Последние три письма святителя посвящает разъяснению необходимости быть твердым в вере и избегать разных «новизн»: «...не шевелись, и не затевай новизн, а живи, как все жили и теперь живут по-церковному, усердно исполняя все уставы Церкви. Так делая, несомненно Богу угодишь и спасешься. А модничать станешь, – Бога прогневишь и душу свою сгубишь»³⁸.

Горячим сторонником святителя Феофана в борьбе с пашковцами стал староста Исаакиевского собора Санкт-Петербурга генерал Евгений Васильевич Богданович (1829–1914), известный издатель патриотических брошюр «Кафедра Исаакиевского собора». В 1883 году он издал в двух брошюрах «Открытые письма Пашкову старосты Исаакиевского собора». Эти издания были бесплатными и только в первые шесть лет были напечатаны тиражом в 50 тысяч экземпляров.

Благодаря многочисленным выступлениям как светских, так и духовных писателей в мае 1884 года на правительственном уровне были приняты меры к прекращению распространения учения Пашкова, сам Пашков уехал в Париж, где жил до самой смерти в 1902 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. М., 1964. Т. II. С. 94.

² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1981. Т. 22. С. 98.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 98–99.

⁵ К<нязь> В. М<ещерский>. Лорд-апостол в большом петербургском свете. СПб.: М., 1876. Т. III. С. 268–269.

⁶ Lettre au lord Redstock / Письмо к лорду Редстоку. Кн. В. Мещерского. СПб.: Тип. К. В. Оболенского, 1876. На с. 3–25 – письмо опубликовано на французском языке, на с. 26–47 – на русском.

⁷ Lettre au lord Redstock / Письмо к лорду Редстоку. Кн. В. Мещерского. СПб.: Тип. К. В. Оболенского, 1876. С. 27.

⁸ Там же. С. 29–30.

⁹ Там же. С. 36.

¹⁰ Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984. Т. 2. С. 53.

¹¹ Православное обозрение. 1876. № 9. С. 138–178. № 10. С. 300–326; 1877. № 2. С. 294–334.

¹² Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток, его учение и проповедь: Очерк соврем. религ. движения в Петерб. о-ве. С присовокуплением молитв пастора Берсье. М.: Унив. тип. (М. Катков), 1877. 119 с.

Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в Петерб. о-ве: В прил. 1. Сентиментальное благочестие [Великосветский опыт простонародн. журнала]. (Этюд). [Разбор ежесмес. религиозно-нравственного изд. «Русский рабочий»]. 2. Молитвы паст. Берсье [в русском переводе]. 2-е изд., вновь просмотр. и доп. прил. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1877. 366 с.

Лесков Н. С. Великосветский раскол: Лорд Редсток и его последователи: Очерк современного религиозного движения в Петерб. о-ве: В прил. I. Сентиментальное благочестие. (Этюд). II. Молитвы паст. Берсье. 3-е изд., вновь просм. и доп. прил. СПб.: Тип. В. Тушнова, 1877. 266 с.

¹³ Там же. С. 13.

¹⁴ Там же. С. 224.

¹⁵ Там же. С. 113–114.

¹⁶ Там же. С. 81–82.

¹⁷ Там же. С. 163.

¹⁸ По мнению о. Георгия Ореханова: «На фоне низкого социального статуса православного духовенства в XIX веке, когда случаи принятия сана дворянами были большой редкостью, значительный интерес представляет именно религиозное оживление в среде русской аристократии в 1870-е годы, связанное в первую очередь с именами Редстока и Пашкова» // Георгий Ореханов, протоиер. В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М.: ПСТБУ, 2014. С. 20.

¹⁹ Лесков Н. С. Полн. собр. соч.: В 11 т. М., 1958. Т. XI. С. 519–520.

²⁰ См.: Пругавин А. С. О Льве Толстом и о толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы. Изд. 2-е. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. Репр. 1911. С. 96 («Однажды я встретил Льва Николаевича на собрании пашковцев, бывшем у Л. Ф. Сомовой»).

²¹ Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1928–1958. Т. 50. С. 51.

²² Там же. Т. 52. С. 45.

²³ Там же. Т. 19. С. 310–318.

²⁴ Там же. Т. 33. С. 371 (коммент. Г. К. Гудзия).

²⁵ Там же. Т. 33. С. 372 (коммент. Г. К. Гудзия).

²⁶ Там же. Т. 26. С. 674 (коммент. Г. К. Гудзия).

- ²⁷ Терлецкий Г. Секта Пашковцев. СПб., 1891. С. 30.
- ²⁸ Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собр. писем. Вып. I–II. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и изд-ва «Паломник», 1994. Вып. II. Письмо 220. От 24 августа 1881 года. С. 22.
- ²⁹ Там же. Вып. VII–VIII. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и изд-ва «Паломник», 1994. Вып. VII. Письмо 1140. От 30 декабря 1880 года. С. 137.
- ³⁰ Душеполезное чтение. 1880. Ч. I. Март. <Епископ Феофан>. Письмо к одному лицу в СПб по поводу появления там нового учителя веры. С. 295–331. Ч. II. Июль. <Епископ Феофан>. Второе письмо в СПб по случаю появления там нового учителя веры. С. 315–340. <Епископ Феофан>. Третье письмо в СПб по случаю появления там нового учителя веры. С. 341–369. Август. <Епископ Феофан>. Четвертое письмо в СПб по случаю появления там нового учителя веры. С. 397–430; 1881. Ч. I. Январь. <Епископ Феофан>. Пятое письмо в СПб по поводу появления там нового учения веры. С. 22–39. Февраль. <Епископ Феофан>. Шестое письмо в СПб по поводу появления там нового учения веры. С. 192–207. <Епископ Феофан>. Письмо седьмое в СПб по поводу нового явившегося там учения веры. С. 208–222.
- ³¹ Письмо к одному лицу в С.-Петербурге по поводу появления там нового учителя веры. М.: Унив. тип., 1880. 37 с.; Письмо к одному лицу в С.-Петербурге по поводу появления там нового учителя веры. [СПб.]: Тип. Ф. Г. Елеонского и К., ценз. 1880. 32 с.
- ³² Письма к одному лицу в С.-Петербурге по поводу появления там нового учителя веры. СПб., 1881. 148 с.
- ³³ Там же. С. 6–7.
- ³⁴ Там же. С. 33.
- ³⁵ Там же. С. 63.
- ³⁶ Там же. С. 55.
- ³⁷ См.: Там же. С. 82–108.
- ³⁸ Там же. С. 148.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Георгий Ореханов, протоиер. В. Г. Чертков в жизни Л. Н. Толстого. М.: ПСТБУ, 2014. 191 с.
2. Лесков А. Н. Жизнь Николая Лескова по его личным, семейным и несемейным записям и памятям: В 2 т. М., 1984.
3. Пругавин А. С. О Льве Толстом и о толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы. Изд. 2-е. Репр. 1911. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 323 с.
4. Творения иже во святых отца нашего Феофана Затворника: Собр. писем. Вып. I–VIII. Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря и изд-ва «Паломник», 1994.

Kashirina V. V., Russian Academy of Painting, Sculpture and Architecture (Moscow, Russian Federation)

ASSESSMENT OF THE “HIGH SOCIETY RIFT” BY RUSSIAN SECULAR AND SPIRITUAL WRITERS OF THE XIX CENTURY

The rising criticism of evangelic doctrine by secular and spiritual writers of the XIX century is analyzed in the article. In Russia, the English lord Granville Redstok and his pupil colonel Vasily Aleksandrovich Pashkov acted as energetic supporters of this criticism. This doctrine was called “The high society rift”. One of the works of N. S. Leskov (1876) was given the same name. The doctrine was also reflected in the works of multiple writers of the second half of the XIX century. Despite a significant number of influential followers, the ideas of the new doctrine did not find wide support in the Russian society. N. S. Leskov, F. M. Dostoyevsky, prince V. P. Meshchersky, L. N. Tolstoy and numerous spiritual writers were very critical of the new doctrine. Among them was a famous theologian and a spiritual writer of the XIX century St. Theophan the Recluse, also known as “Theophan Затворник” (1815–1894). He wrote seven accusatory articles against Pashkov’s false doctrine. As a result of unanimous criticism by both the secular and spiritual press a new doctrine was forbidden, and its main ideologist V. A. Pashkov left Russia. It was one of the rare examples of unity between secular and church press. They demonstrated solidarity in the assessment of the developing religious and social trends in Russia of the second half of the XIX century.

Key words: redstokizm, pashkovshchina, evangelic doctrine, split of high society, St. Theophan the Recluse

REFERENCES

1. Georgiy Orekhanov, protoierey. V. G. Chertkov v zhizni L. N. Tolstogo [V. G. Chertkov in the life of Leo Tolstoy]. Moscow, PSTBU Publ., 2014. 191 p.
2. Leskov A. N. Zhizn' Nikolaya Leskova po ego lichnym, semeynym i nesemeynym zapisyam i pamyatyam: V 2 t. [The life of Nikolai Leskov in his personal, family and non-family records and memories: 2 vol.]. Moscow, 1984.
3. Prugavin A. S. O L'Ve Tolstom i o tolstovtsakh: Ocherki, vospominaniya, materialy [About Leo Tolstoy and Tolstoyan: Essays, memories, material]. Ed. 2nd. Moscow, LIBROKOM Publ., 2012. 323 p.
4. Tvoreniya izhe vo svyatykh ottsa nashego Feofana Zatvornika: Sbranie pisem [The good works of Theophan the Recluse]. Issue I–VIII Ed. Holy Dormition Pskov-Caves Monastery and the publishing house “Pilgrim”, 1994.

Поступила в редакцию 18.08.2015

ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ РОЗАНОВ

доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Вологодский государственный университет (Вологда, Российская Федерация)
rosanov007@gmail.com

СТАРЕЦ АНТОНИЙ (ФЛОРЕНСОВ) И ДЕКАДЕНТЫ

Вопрос о взаимоотношениях бывшего Вологодского епископа Антония (Флоренсова) и группы молодых интеллектуалов начала XX века, связанных с символизмом, представляет интерес как с церковно-исторической, так и с историко-литературной точек зрения. С февраля 1898 года Антоний жил «на покое» в московском Донском монастыре. Андрей Белый не только неоднократно посещает епископа, но и приводит в Донской монастырь близких людей – свою мать, Александру Дмитриевну Бугаеву, А. А. Блока, Н. С. Петровскую, Л. Д. Семенова, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и других. Сохранившиеся материалы позволяют определить примерный круг тем, обсуждавшихся на этих встречах: судьбы христианства в современном мире, роль Русской православной церкви в отечественной истории, христианские аспекты семьи и брака, актуализация внехристианской и антихристианской мистики среди современных интеллектуалов. Все это довольно близко к той проблематике, которая обсуждалась на знаменитых Религиозно-философских собраниях в Петербурге, в историческом контексте которых и следует рассматривать беседы в Донском монастыре. Особое внимание в статье уделяется формам и методам «православной педагогики» епископа Антония и его воздействию на умы молодых писателей-символистов. Высказывается предположение, что образ владыки Антония отразился в фигуре аскета из «Кубка метелей» Андрея Белого.

Ключевые слова: старчество, ранний символизм, христианство, внехристианская мистика, Русская православная церковь

Вопрос о взаимоотношениях бывшего епископа Антония (Флоренсова) и группы молодых интеллектуалов начала XX века, «взыскующих Града Небесного», представляет интерес как с церковно-исторической, так и с историко-литературной точек зрения.

На экскурсиях по московскому Донскому монастырю, превращенному при советской власти в музей, гиды обычно показывают покои в монастырской стене неподалеку от главных ворот, в которых в начале 1920-х годов содержался под домашним арестом патриарх Московский и всея Руси Тихон (Белавин). Мало кто знает, что ранее в этих комнатах двадцать лет жил бывший епископ Вологодский и Тотемский Антоний, в миру Михаил Симеонович Флоренсов. «Старец-епископ» – так называли его в Москве. Популярность владыки Антония в те годы вполне можно сопоставить со славой знаменитых оптинских старцев. Историк русской церкви митрополит Мануил писал, что владыка Антоний после своей кончины в 1918 году «в Москве считался местночтимым как великий праведник и подвижник. Имя его было занесено во многие сотни и тысячи поминаний верующих Москвы» [2; № 10, 72].

Михаил Флоренсов родился 27 августа 1847 года в многодетной семье пономаря одного из сельских приходов Симбирской губернии. Начальная биография будущего старца-епископа выглядит довольно типично для его времени и сословия. Михаил закончил духовное училище в Симбирске, затем местную духовную семинарию, после чего был рукоположен в священники

в Симбирском кафедральном соборе. В 1874 году, после учебы в Киевской духовной академии, он получил степень кандидата богословия. В 1887 году, овдовев, Михаил принял постриг, и в этом же году был возведен в сан архимандрита. Монашеское имя Антоний было дано ему в память преподобного Антония Римлянина, Новгородского чудотворца. Основной специализацией, если можно так выразиться, для архимандрита Антония стала православная педагогика в самом широком смысле этого понятия, но более всего в то время его интересовали проблемы воспитания и образования духовенства. В этом смысле должность ректора Самарской духовной семинарии, которую он занимал с 1887 по 1890 год, давала ему хорошие возможности для реализации своих педагогических интенций. Старания и успехи молодого ректора были замечены синодальным руководством, и его карьера стремительно продвигалась. В 1890 году Антоний становится епископом Острожским, викарием Волынской епархии, а еще через четыре года, после кончины епископа Вологодского Израила, получает назначение на Вологодскую кафедру. «Вологодские епархиальные ведомости» сообщали: «В воскресенье, июля 10 дня, сего 1894 года, в одиннадцатом часу утра, с поездом железной дороги прибыл в Вологду новоназначенный на кафедру вологодскую Преосвященнейший Антоний, епископ Вологодский и Тотемский»¹.

Среди местного духовенства, встречавшего владыку на вологодском вокзале, был и викарий его епархии Варсонофий, волею судеб ставший

главным оппонентом и противником Антония. Конфликт, расколовший епархиальное духовенство на два лагеря, возник, насколько можно судить, из-за положения дел в духовных учебных заведениях. Владыка Антоний, не без основания считавший себя специалистом в этой области, обнаружил при инспектировании Вологодской духовной семинарии и Вологодского женского епархиального училища серьезные недостатки и даже злоупотребления. Его возмутил низкий уровень подготовки ряда преподавателей, явно недостаточное материальное обеспечение учебных заведений, невнимательное отношение педагогов к здоровью воспитанников. Владыка со своей стороны принял, быть может, слишком резкие меры к исправлению ситуации и нажил себе тем самым немало врагов. В Священный Синод посыпались жалобы и доносы на новоназначенного епископа. Для разрешения конфликта в Вологду приехала специальная синодальная комиссия, которая собирала и документировала свидетельства pro et contra. Протицируем один из документов, представленных сторонниками епископа. Кафедра протоиерей Николай Якубов, отвечая на запрос комиссии, писал: «Преосвященный Антоний – человек души высокой, доброты величайшей, бескорыстия неподкупного, верности долгу беззаветной. Он готов отдать последнее нуждающемуся. О своих личных потребностях и нуждах не заботится, а печется о других, особенно об учащихся детях» [2; № 9, 73].

Комиссия Священного Синода, формально признав правоту епископа, все же поступила по рецепту комендантши из «Капитанской дочки» Пушкина: «Разбери, кто прав, кто виноват, да обоих и накажи». Викарий Варсонофий был переведен на аналогичную должность в другую епархию, а епископ Антоний вынужден был подать прошение об увольнении по состоянию здоровья.

Надо отметить, что субъективно владыка воспринимал свое смещение с Вологодской кафедры как незаслуженную и обидную несправедливость, но будучи истинным христианином никогда не роптал ни на судьбу, ни на своих гонителей. В конце первого года своего пребывания в Донском монастыре он писал в Вологду одной из своих духовных дочерей: «...Часто вспоминаю я о всей Вологде. Один только год я там пробыл. <...> Жаль, что так скоро меня с ней разлучили. Но к утешению моему Евангельская притча о том, что и один час только работавший в винограднике Христовом получил такой же динарий, как и все прочие, работавшие с утра до вечера (МФ; 20, 1–16). Я, как странник и пришелец среди вас: верно, уж так мне суждено. <...> Еще и то к утешению, что и святые не все на вскрытии, а еще больше под спудом. Значит, не всем нужно светить явно, а больше тайно. Одни, как отцы, должны быть на свободе, на воле, а другие, как матери, должны быть в тереме и в затворе. <...>

Теперь я прохожу подвиг материнской любви, но чей подвиг труднее – отца или матери – Вы знаете» [2; № 9, 73–74]. В этом, по-своему замечательном, эпистолярном документе обращают на себя внимание две идеи епископа. Во-первых, манифестируется смена педагогической парадигмы: от прежней официальной, публичной деятельности по воспитанию «чад духовных» («светить явно») к нынешней неофициальной, даже «затворной» («светить тайно»). Это программа старческого служения. Во-вторых, существенны и принятие епископом статуса изгнанника, и явное осознание им привлекательности нового положения. Конечно, чужим («странником и изгнанником») опальный епископ считал себя не по отношению к своим ученикам и сторонникам, как о том говорится в письме, а по отношению к совсем другим лицам и силам, под которыми подразумевались и синодальное руководство, и, видимо, весь современный ему церковный официоз вообще. Положение изгнанника явно добавило владыке Антонию популярности, о чем свидетельствают многочисленные слухи и домыслы о причинах краха так блистательно складывавшейся карьеры. Писательница Н. С. Петровская (Соколова), близкая к московским декадентам, вспоминала, что в ее окружении считали, будто бы Антоний был удален Синодом из Вологодской епархии «за недозволенное совершение чудес» и за несанкционированное использование «дара ясновидения»². В то время в околоцерковных кругах были широко известны два случая чудесных исцелений, совершенных владыкой, но оба они не связаны с Вологдой. Во время торжеств по случаю открытия мощей святого Серафима Саровского в Дивееве в июле 1903 года Антоний излечил глухонемую от рождения девочку, а несколькими годами ранее исцелил слепую женщину [1; 19]. Подобные истории способствовали популярности Антония в народе, но высшая церковная иерархия не одобряла «самодеятельность» опального епископа. Не обращали особого внимания на эти вещи и юные интеллектуалы, приходившие к старцу в Донской монастырь. В религиозных исканиях символистов категории чуда не уделялось большого внимания, чудо осмысливалось как часть веры профанов, народного православия. «Я не знаю, что мне с ними (чудесами. – Ю. Р.) делать, – говорил Д. С. Мережковский, – они мне не интересны, было лишь одно чудо – воскресение Христа»³.

Перманентное, хотя вовсе не демонстративное, подчеркивание своей опалы было важно для Антония и еще по одной причине. Сама закрепившаяся за ним номинация «старец-епископ» содержала в себе известное противоречие, явное даже для внеконфессионального дискурса того времени. Для пояснения обратимся к мемуарам Н. А. Бердяева. Рассказывая о М. А. Новоселове, руководителе московского православного кружка

правой ориентации, Бердяев пишет: «Он признавал лишь авторитет старцев, то есть людей духовных даров и духовного опыта, не связанных с иерархическим чином. Епископов он ни в грош не ставил и рассматривал их как чиновников синодального ведомства, склонившихся перед государством»⁴. Такие взгляды, по крайней мере в интеллигентской среде, были достаточно распространены, то есть оппозиция «старцы – епископы» была актуальной для сознания многих искателей Града Небесного. Прекрасно сознавая это противоречие, владыка Антоний настаивал на интерпретации понятия «епископ» прежде всего в церковно-историческом ракурсе. Его ученик А. Ельчанинов записал такие высказывания: «Я – епископ Вселенской Церкви. <...> Мы епископы – не даром стоим на орлецах...» [5; 127]⁵. «Помнится около года, – вспоминал тот же автор, – он все требовал от нас (А. Ельчанинова и П. Флоренского. – Ю. Р.) точных справок о слове *επισκοπος*, пытаясь через него проникнуть в смысл слова “епископ”» [5; 124]. Отметим, что семантика, основанная на церковной символике орла, представлена в дискурсе владыки Антония также и в игровом аспекте легкой самоиронии: «Я люблю горный воздух, орлиные места – залететь туда, да и считать оттуда ворон. Последнюю тираду он произнес с большой силой, будто грозясь кому-то. В нем самом сразу проглянуло что-то орлиное» [5; 125].

Первым из молодых московских символистов, называвших себя «аргонавтами», с епископом Антонием познакомился А. С. Петровский – юноша, в те годы серьезно размышлявший о принятии духовного сана. Именно Петровский привел осенью 1903 года Андрея Белого в Донской монастырь. Эта встреча описана Петровским в письме к Э. К. Метнеру от 5 октября: «Недавно были мы с Бугаевым в Москве у епископа (на покое) Антония (бывш~~его~~ Вологодского), того самого, кот~~орый~~ исцелял в Дивееве. Удивительный человек. Его считают одни юродивым, другие сума~~с~~шедшим. На самом деле это человек большой духовной высоты, притом очень тонкого, культурного ума, “знающий шутики”. Прозорливый в высочайшей степени. Легкости духа необыкновенной. Я не могу Вам передать, что он говорил нам. Сначала просто беседовал, о сравнительной латинской грамматике (Frohliche Wissenschaft), после серьезного дифирамба научности какого-то языковеда говорил о значении букв, напр~~имер~~, что *a* – мушина, *y* – женщина и т. д., притом очень метко и очень талантливо. Это часа полтора. Затем полчаса речь была иная. Он сразу вырос до невероятной высоты и силы. Он заговорил о важном: как нам обоим расположить свою жизнь, временно, пока. В словах звучало такое видение, такие намеки (он говорил сначала Бугаеву), что я вздрогнул от неожиданности. Это величайший человек (из пришедших),

какого я когда-либо видел. Он говорил страшно властно, но все время с ласковой улыбкой и подмигивая. Скажет что-нибудь, отчего, поняв, ноги подкосятся, и смотрит, улыбаясь: понял ли? Однажды Бугаев попытался свернуть разговор на свою любимую тему, апокалиптич~~еского~~ характера, как бы невзначай вставив фразу о появившихся *новых* болезнях. Антоний с хитрой улыбкой подмигнул мне и сказал: “Ишь что выдумывает. Хитрый!”, на что мне оставалось тоже смеяться подмигнуть, что и я, мол, понимаю, куда клонит: хитрый. Голос у него громкий, резкий. Очень хороши глаза» [7; 22]. В перечне основных событий своей жизни в этот период Белый указал «появление епископа-“субъективиста”» [3; 290]. Взятое Белым в кавычки слово «субъективист» означает, очевидно, отсылку к самохарактеристике Антония: «Субъективизма у меня много...» [5; 290]. В последующие полгода Андрей Белый не только неоднократно сам посещает епископа, но и приводит в Донской близкий людей – свою мать, Александру Дмитриевну Бугаеву, А. А. Блока, Н. С. Петровскую, Л. Д. Семенова, З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и других. После знакомства с владыкой Блок писал матери: «14-е среда. Утром: мы, Бугаев, Петровский и Соколова едем в Донской монастырь к Антонию. Сидим у него, говорим много и хорошо. Любе – очень хорошо, многое и мне. О Мережковском и “Новом пути”. Обещал приехать к нам в Петербург. Прекрасный, иногда грозный, худой с горящими глазами, но без “прозорливости”, с оттенком иронии, О схиме, о браке» (письмо от 14–15 января 1904 г.)⁶. «Мятежным и удивительным» назвала епископа Антония Зинаида Гиппиус⁷. А поэт Леонид Семенов, бывший одно время толстовцем, вполне искренне говорил: «Я не знаю, кто больше – Толстой или этот епископ»⁸.

Сохранившиеся материалы позволяют определить примерный круг тем, обсуждавшихся на этих встречах: судьбы христианства в современном мире, роль Русской православной церкви в отечественной истории, христианские аспекты семьи и брака, актуализация внехристианской и антихристианской мистики среди современных интеллектуалов. Все это довольно близко к той проблематике, которая обсуждалась на знаменитых Религиозно-философских собраниях в Петербурге и на более скромных заседаниях Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева, в широком историческом контексте которых и следует рассматривать беседы в Донском монастыре.

В перечне тем, волновавших епископа-старца, совершенно особое место занимали темы психологические, именно они составляли его «специализацию». «Вопросы индивидуальной психологии, характерологии и биографии занимали владыку прежде всего как духовного руководителя множества разнообразных душ:

от торговца квасом до профессора Московских клиник. У него был особый вкус и чутье к вопросам человеческой психо-физиологии, к той области, где душевные проявления стоят в связи с физическим складом человека, к вопросам расы, породы, крови, темперамента. Справками из этих областей он часто мудро объяснял и разрешал запутанные положения и сложные вопросы, с которыми к нему обращались его духовные дети», — вспоминал А. Ельчанинов [5; 122].

Главная цель посещений А. Белым Донского монастыря, никогда им не называемая прямо, может быть только приблизительно прояснена из следующего мемуарного отрывка: «...А. С. Петровский... меня вез к прозорливому епископу на покой (sic! — Ю. Р.), к Антонию, личности замечательной и одаренной прозрением. Антоний, вперив в меня сини зрачков, оправляя белейшую шелковистую бороду, сам принимался бросать искрометно словами; и вспыхивали сияющие недомолвки из слов; и вставало все то, о чем плакало сердце: но не было в этих сияниях венков; не было “аргонавтов”; вставали над вечным покоем упорные шепоты Сарова. И после Антония наши слова о мистерии, о соборности, о братстве казались крикливыми, явно лишенными ритма; но я, стиснув зубы, пытался привить тихий ритм аргонавтам; “аргонавты” галдели...»⁹. Если отвлечься от специфической лексики раннего московского символизма и от «скачущей» манеры мемуариста, то речь идет о не очень ясных еще и самому Белому попытках гармонизации творчества «аргонавтов» на христианских основаниях, освященных традицией, а не на собственных псевдохристианских выдумках вроде «мистериальности» или «соборности». «Соборность», впрочем, относится уже к следующей фазе развития символизма. Время для такого синтеза символизма с христианством в 1903–1904 годах еще не настало.

Не очень помогло в плане личного приобщения к православию и предпринятое Андреем Белым вместе с матерью по совету владыки паломничество в Саров, которое состоялось в конце августа — начале сентября 1904 года. Судя по «Материалам к биографии», в духовном отношении поездка была не очень удачной: «Саров производит на меня странное, почти тягостное впечатление... Очень мне не понравились монахи; на другой день мы отправились к источнику св. Серафима... меня поразили больные, бесноватые, в большом количестве встречавшиеся по дороге к источнику; после мы к вечеру уже поехали в Дивеево; Дивеево, наоборот, произвело на меня сильнейшее впечатление»¹⁰.

Более личные, можно сказать, интимные вопросы также затрагивались в беседах епископа Антония с Андреем Белым. Болезненно экзальтированный «гений московского символизма» обрушил на старца свои апокалипсические

предчувствия, смутные фобии и фантастически мотивированные подозрения. Позже Белый вспоминал, что он даже ездил советоваться с епископом Антонием по поводу «медиумических явлений» — «шорохов, стуков и шепотов», возникающих вокруг него. В трансляции всего этого Андрей Белый вполне серьезно обвинял... Валерия Брюсова. Понятно, что в таких ситуациях педагогика Антония не работала.

Или еще более деликатный сюжет. Нина Петровская вспоминает об одной беседе со старцем, состоявшейся 14 января 1904 года: «Почему Антоний выбрал очень странную тему разговора, до сих пор не понимаю. Говорил он, точно читал реферат перед аудиторией, именно на него и собравшейся, о девстве и материнстве, о половом аскетизме и браке. Девство и аскетизм, по-видимому, не отвечали религиозному идеалу епископа Антония. Петровский многозначительно посмотрел на Белого... А. Белый с бледным сосредоточенным лицом, вероятно, одним ему понятным методом расшифровывал смысл неожиданного монолога. Блок опустил глаза...»¹¹. Сейчас, когда опубликованы многие личные документы деятелей культуры Серебряного века, можно легко восстановить подтекст этой мемуарной записи. Между Андреем Белым и Ниной Петровской еще весной 1903 года возникла довольно сильная взаимная симпатия. Но если Белый любил молодую женщину исключительно «мистически» и стремился превратить их отношения в «мистерию», что казалось ему верхом близости между мужчиной и женщиной, то Нина Петровская хотела обычной земной любви. Конфликт, таким образом, нарастал. И вот в этот момент влюбленные слышат «реферат» старца с критикой полового аскетизма. Через несколько дней, как пишет Белый в «Материалах к биографии», «произошло... мое падение с Ниной Ивановной; вместо грез о мистерии, братстве и сестринстве оказался просто роман»¹². Не совсем ясно, было ли здесь простое совпадение, или старец, чувствуя ситуацию, специально выбрал тему беседы. Петровская и Белый, похоже, считали, что «прозорливый» Антоний так поступил умышленно. В любом случае старец говорил вполне искренне, выражал свои глубоко продуманные убеждения. Замечательной параллелью к его словам служит мемуарное свидетельство А. Ельчанинова: «Семью, семейную жизнь Владыка ставил очень высоко: у него было очень яркое представление дома, очага, семьи в их первичности, праведности, благословенности. <...> У Владыки были точно выработанные представления об условиях удачного соединения в браке, особенное внимание он отдавал “породе”, сословию, национальности, даже происхождению из той или иной губернии» [5; 122]. Ссылка на епископа Антония как на человека, много размышлявшего о христианском браке, содержится

во втором издании книги В. В. Розанова «Люди лунного света» (раздел «Поправки и дополнения Анонима»).

Не менее искренен в своей обиде был и Андрей Белый. О полном разочаровании поэта в недавнем кумире и наставнике свидетельствует письмо Белого Блоку, приблизительно датированное апрелем – маем 1904 года: «Ты не то что Антоний, который в меня бросил камнем суровости в тот миг, когда я, и без того разбитый и уничтоженный, ждал от него слов утешения. Кроме всего: он высказал такое незнание меня и в то же время так грубо определил насильно, чем мне нужно быть, что я из гордости решил не подходить к нему ближе, но застегнуться на все пуговицы»¹³. 4 мая о своем разрыве с епископом Белый сообщил и А. Петровскому: «У Антония не был. Бог с ним. <...> Наши дороги разные – вот и все»¹⁴. Летом того же года в письме к П. Флоренскому Белый пытается объяснить ситуацию не столько для своего адресата, восторженного поклонника епископа, сколько для себя. Характерно, что Белый подхватывает «горную» образность из самохарактеристики епископа: «Антоний производит на меня какое-то чересчур сильное действие. Я чту его, более, чем кто-либо, сознаю безмерность силы, таящейся в нем, но... есть люди из степей и раздолий, сознающие потрясающее действие горного пейзажа, но все же... их тянет к широким степным раздолиям» [8; 461]. Тем не менее в 1913 году в большом исповедальном письме другу юности С. М. Соловьеву А. Белый называет свои «беседы с Антонием» (среди некоторых других событий и идей) «красной нитью всей моей жизни, всего моего человечества, моего творчества»¹⁵.

Интересно, что и после разрыва отношений епископ Антоний продолжал внимательно наблюдать за перипетиями судьбы Андрея Белого, он общался с матерью поэта, у них было несколько общих знакомых. Особенно огорчило владыку увлечение Белого теософией. Вновь обратимся к мемуарам А. Ельчанинова: «Из своего заточения Владыка зорко следил за современной жизнью; он был в курсе многих течений, которыми бурлила Москва в мутный период 1908–10 г.г. <...> Особенно близко к сердцу принимал он частые среди молодежи увлечения... мистикой. В связи с этим он много мне говорил о поэте Б. – Это юноша изящный, нежный; ему нужно чистое дело, а не туман. Я давно за ним слежу, но только я человек гордый, самолюбивый, в чужую душу я без приглашения лезть не стану. Вот если

бы ко мне сам обратился – это другое дело. Тут я пустил бы в ход свою педагогику. Я начал бы понемногу. Сначала попросил бы его показать мне какое-нибудь свое произведение. Потом стал бы анализировать его, но только не главное, а так, какую-нибудь мелочь, чтобы через эту городьбу постепенно подобраться к главной его цитадели. <...> Он плохо кончит. Я не пророк, но я вижу, что если он вовремя не остановится, то погибнет совсем. Я знаю, он эти опыты (развития в себе оккультных сил) давно уже стал делать... Ему нужны точные, научные знания, а не фантазия и субъективизм» [5; 125]. Все эти мысли старца Антония, вся его «педагогика», по сути вполне позитивистская, совершенно несовместимы ни с ментальностью Андрея Белого, ни с доктриной русского символизма. Любопытно только, узнал ли себя суровый аскет с длинной белой бородой в образе епископа из «Кубка метелей» – четвертой симфонии Андрея Белого? Есть предположение, что Антоний изображен и в образе духовного пастыря молодежи в романе В. Свенцицкого «Антихрист (Записки странного человека)» [4; 183].

Существует и еще одна, явно мифологизированная версия ухода А. Белого от епископа-старца. Она изложена без ссылок на источники в «имяславской» статье священника Александра Мумрикова. Отец Александр пишет: «И вот приходят два юноши: будущий Андрей Белый (тогда еще Борис Бугаев, сын профессора математика Бугаева) и Павел Флоренский, будущий отец Павел. И епископ Антоний Флоренсов попросил их принести свои натальные карты! Он сказал, что выбирает своих чад именно по такому принципу: сначала смотрит карты рождения и прикидывает, справится ли ученик с изменением, преобразованием собственной личности или же ему нужно искать другого наставника. И вот Павел Флоренский и Андрей Белый принесли свои карты рождения, епископ посмотрел их – и Андрея Белого не взял в свои духовные чада. А Павлу Флоренскому, который собирался идти в монастырь, сказал – что его путь – семейная жизнь и преподавание в духовной академии, причем преподавание философии...»¹⁶.

Если в отношении Андрея Белого эта история не выглядит убедительной (не мог православный пастырь отвергнуть ученика по показаниям астрологии), то суть взаимоотношений епископа Антония с П. Флоренским изложена достоверно. Старец действительно сыграл важную роль в судьбе Флоренского, существенно повлиял на его духовную жизнь и творчество.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Вологодские епархиальные ведомости. 1894. № 15. С. 217–218.

² Петровская Н. И. Воспоминания // Минувшее. Исторический альманах. Вып. 8. М., 1992. С. 48.

³ Цит. по: Богомолов Н. А. Русская литература первой трети XX века. Портреты. Проблемы. Разыскания. Томск, 1999. С. 26.

⁴ Бердяев Н. А. Самопознание. М., 1990. С. 173–174.

⁵ «Орлецы – небольшие круглые ковры с изображением одноглавого орла, имеющего сияние вокруг головы и парящего над городом. Стоять на орлецах при богослужении дозволяется только архиереям... Вид города на орлеце указывает на

- епископство в городе, орел – на высоту и чистоту богословского учения епископа, сияние над головою орла – на свет от учения епископа» (Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. Т. XXII. СПб., 1897. С. 155).
- ⁶ Блок А. Собрание сочинений: В 8 т. Т. VIII. М.; Л., 1963. С. 84. Впрочем, в позднейших воспоминаниях А. Белый сетовал, что Блок «не заметил» епископа Антония (Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. М., 1995. С. 72).
- ⁷ Гиппиус З. Воспоминания. М., 2001. С. 151.
- ⁸ Цит. по: Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке... С. 72.
- ⁹ Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке... С. 49.
- ¹⁰ Цит. по: Москва и «Москва» Андрея Белого: Сб. ст. М., 1999. С. 427–428.
- ¹¹ Петровская Н. И. Воспоминания // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 8. М., 1992. С. 48.
- ¹² Цит. по: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы. М., 1995. С. 161.
- ¹³ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. М., 2001. С. 151.
- ¹⁴ Цит. по: Лавров А. В. Андрей Белый в 1900-е годы... С. 167.
- ¹⁵ Белый А. «Единство моих многообразий...» Неотправленное письмо Сергею Соловьеву / Публикация А. В. Лаврова // Москва и «Москва» Андрея Белого... С. 405.
- ¹⁶ Мумриков А. Ваше святое имя // Урания. 1997. № 5.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ангел-утешитель: Материалы к жизнеописанию епископа Антония (Флоренсова) // Духовный собеседник. 2011. № 3. С. 11–23.
2. Андроник, иеродиакон. Епископ Антоний (Флоренсов) – духовник священника Павла Флоренского // Журнал Московской Патриархии. 1981. № 9. С. 71–77. № 10. С. 65–73.
3. Белый А. Начало века. М.: Художественная литература, 1990. 687 с.
4. Взыскующие града. Хроника духовной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. 752 с.
5. Елчанinov А. Епископ-старец. (Воспоминания об епископе Антонии Флоренсове) // Путь (Париж). 1926. № 4. С. 121–128.
6. Иванова Е. В. Андрей Белый и епископ Антоний (Флоренсов) // Андрей Белый в изменяющемся мире. К 125-летию со дня рождения. М.: Наука, 2008. С. 81–87.
7. «Мой вечный спутник по жизни». Переписка Андрея Белого и А. С. Петровского: Хроника дружбы. М.: Новое литературное обозрение, 2007. 296 с.
8. Павел Флоренский и символисты. Опыты литературные. Статьи. Переписка. М.: Языки славянской культуры, 2004, 670 с.

Rozanov Yu. V., Vologda State Pedagogical University (Vologda, Russian Federation)

ORTHODOX ELDER ANTHONY (FLORENISOV) AND DECADENTS

The question of relationships between the former Vologda bishop Anthony (Florensov) and a group of young intellectuals of the beginning of the XXth century, connected with symbolism, is interesting from both church-historical and historical-literary points of view. Since February 1898, Anthony lived “on rest” in Moscow Donskoy Monastery. Andrey Bely repeatedly visited the bishop and also brought to the monastery his close people – his mother, Aleksandra Dmitriyevna Bugayeva, A. A. Blok, N. S. Petrovskaya, L. D. Semenov, Z. N. Gippius, D. S. Merezhkovsky and others. The remained materials assisted in determination of approximate questions discussed at these meetings: the destiny of Christianity in the modern world, the role of the Russian Orthodox Church in national history, Christian aspects of the family and marriage, updating of extra Christian and anti-Christian mysticism among modern intellectuals. All these problems are quite close to that perspective, which was discussed at the same time at the well-known religious and philosophical meetings in Saint-Petersburg. It is necessary to consider discussions held in Donskoy Monastery in this historical context. In the article, special attention is paid to the forms and methods of “orthodox pedagogics” employed by bishop Anthony and to his impact on the minds of young symbolists. It is suggested that the image of the lord Anthony was reflected in a figure of the ascetic from “A Cup of Blizzards” by Andrey Bely.

Key words: Spiritual eldership, Early Russian symbolism, Christianity, extra Christian mysticism, Russian Orthodox Church

REFERENCES

1. Angel paraclete: Materials to the biography of the bishop Antony (Florensov) [Angel-uteshitel': Materialy k zhizneopisaniyu episkopa Antoniya (Florensova)]. *Dukhovnyy sobesednik* [Spiritual interlocutor]. 2011. № 3. P. 11–23.
2. Andronik, ierodiakon. The bishop Anthony (Florensov) – the confessor of the priest Pavel Florensky [Episkop Antoniy (Florensov) – dukhovnik svyashchennika Pavla Florenskogo]. *Zhurnal Moskovskoy Patriarkhii* [Magazine of the Moscow Patriarchy]. 1981. № 9. P. 71–77. № 10. P. 65–73.
3. Belyy A. *Nachalo veka* [The beginning of the century]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1990. 687 p.
4. *Vzyskuyushchie grada. Khronika dukhovnoy zhizni russkikh religioznykh filosofov v pis'makh i dnevnikakh* [Seeking towns. The chronicle of spiritual life of the Russian religious philosophers in letters and diaries]. Moscow, Shkola “Yazyki russkoy kul'tury” Publ., 1997. 752 p.
5. El'chaninov A. Bishop-Orthodox elder. (Memories about the bishop Anthony Florensov) [Episkop-starets. (Vospominaniya ob episkope Antonii Florensove)]. *Put'* [Way]. Paris, 1926. № 4. P. 121–128.
6. Ivanova E. V. Andrey Bely and bishop Anthony (Florensov) [Andrey Belyy i episkop Antoniy (Florensov)]. *Andrey Belyy v izmenyayushchemsya mire. K 125-letiyu so dnya rozhdeniya* [Andrey Belyy in the changing world. To the 125 anniversary since birth]. Moscow, Nauka Publ., 2008. P. 81–87.
7. “Moy vechnyy sputnik po zhizni”. *Perepiska Andrey Belogo i A. S. Petrovskogo: Khronika družby* [“My eternal companion of life”. Andrey Bely and A. S. Petrovsky's correspondence: chronicle of friendship]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2007. 296 p.
8. *Pavel Florenskiy i simvolisty. Opyty literaturnye. Stat'i. Perepiska* [Pavel Florensky and the symbolists. Literary experiences. Articles. Correspondence]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2004. 670 p.

Поступила в редакцию 23.09.2015

ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА БОЕВА

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой культурологии и общегуманитарных дисциплин, Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург, Российская Федерация)
g_boeva@rambler.ru

ДРАМАТУРГИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ С. ПШИБЫШЕВСКОГО И Л. АНДРЕЕВА: РЕЦЕПТИВНЫЙ АСПЕКТ

Восприятие в России начала XX века Андреева как «двойника» Пшибышевского во многом объяснялось желанием найти новаторству русского писателя некий «эквивалент» в искусстве европейском. Декадент Пшибышевский, будучи «культовым» писателем славянского мира, как никто другой подходил на эту роль. Важную роль в создании ассоциативности двух имен для русского читателя сыграли издательская политика журналов «Весы» и «Золотое руно» и публичная дискуссия о «половом вопросе» в литературе рубежа веков. Оба писателя транслировали в своих пьесах актуальную для русского читателя философию пессимизма и индивидуализма, причем различия между «философией пола» Пшибышевского и метафизическими поисками Андреева зачастую игнорировались. Оба обращались к острым противоречиям современной жизни, в изображении которых часто концентрировались на исключительном, граничащем с патологией. Критика усматривала близость драматургической практики двух авторов на уровне тем и мотивов, символики, языка и стиля. Много общего обнаруживается в теоретических установках драматургов: отказ от зрелищности, декларация «живого символа», стремление воссоздать на сцене жизнь «нагой души» («психе») – причем этот ключевой для европейского модернизма концепт отнюдь не равен в их понимании традиционному психологизму. Писатели близки в смелом исследовании глубин подсознания, в обращении к мифу и в поисках нового синтеза в театре – синтеза эпического и драматического. Предпринятое сопоставление позволяет вести речь о типологической общности новаций Пшибышевского и Андреева, определяемой модернистской парадигмой. Схожей оказалась и судьба драматургического наследия двух писателей: после феноменального успеха оно было надолго забыто, а в настоящее время вновь становится актуальным в культурном пространстве.

Ключевые слова: Станислав Пшибышевский, Леонид Андреев, театр, драматургия, новаторство, рецепция, символизм, критика

Сравнение Андреева (1871–1919) с Пшибышевским (1868–1927) в начале XX века – в самых различных модусах и контекстах – было общим местом российского критического дискурса. Отметим и их феноменальную популярность у русского читателя, что очевидно из статистических данных книговыдач в российских библиотеках начала века¹. Причем Пшибышевский, чьих книг в период с 1908 по 1911 год было переведено на русский язык более пятидесяти, едва ли не опережает по востребованности Андреева, находившегося в это время в зените славы.

Авторитетную пропаганду творчества обоих писателей, формирующую их родственность в читательском сознании, вели символистские журналы «Весы» и «Золотое руно», для которых сближение западноевропейского и русского искусства было своего рода миссией. Кстати, первое сопоставление имен Пшибышевского и Андреева было предпринято именно на страницах «Весов»: это сделано К. Чуковским в статье «Пшибышевский о символе», написанной им после чтения польским писателем в Одессе 24 и 28 октября 1904 года реферата «Новая драма и символизм»². В Пшибышевском, воплощающем

«трагедию обще-души», критик видит одного из выразителей устремлений к абсолютному, надвременному, наряду с Бруннингом, Метерлинком, Гамсуном, Уитменом – и Андреевым, «пренебрегшим всеми бытовыми, временными, психическими наслоениями жизни на сущность человеческого я, и пытающимся воплотить в образах отвлеченные идеи, категории абстрагирующего мышления».

В 1906 году «Весы» публикуют драму Пшибышевского «Вечная сказка» (1906), которая в том же году с большим успехом будет поставлена В. Мейерхольдом в театре В. Комиссаржевской, практически одновременно с другой его работой в этом театре – «Жизнью Человека» (1906) по пьесе Андреева. К этому времени Пшибышевский уже снискал шумный успех на европейской сцене – как автор драм о власти пола над человеком, о роковых страстях, изменах и самоубийствах: «Мать» (1903), «Снег» (1903), «Обручение» (1906) и др. На российской сцене Пшибышевский тоже преуспел – благодаря Комиссаржевской и прежде всего Мейерхольду, который в постановке «Снега» в Херсоне в 1903

году закладывает основы своего новаторского режиссерского метода.

Журнал «Золотое руно» (1906–1909) – другой авторитетный орган печати символистов, главный оппонент «Весов» и еще более амбициозная «площадка» для смотра наиболее интересных молодых литературных сил Европы. Уже в первом номере, провозглашая в качестве источника искусства *душу* (центральное понятие в эстетике Пшибышевского, поэта «нагой души»), редакция обозначает близость своих установок художественным поискам Европы. Примечательно, что одна из пьес Пшибышевского – вполне в духе символистской образности и жизнетворческого мифологизма, транслируемых со страниц журнала, – называется «*Złote runo*» («Золотое руно», 1901).

За три года существования «Золотого руна» произведения Андреева и Пшибышевского не раз соседствуют на его страницах, причем с явным количественным перевесом последнего. Интересно, что знакомство русского читателя с теорией пола Пшибышевского, изложенной им в статье «К этике пола», осуществляется тоже на страницах этого журнала. Таким образом, имена Пшибышевского и Андреева попадают в общее смысловое поле, невольно сближаясь и в контексте дискуссии о «половом вопросе»³. Разъясняя свою теорию пола, Пшибышевский пишет о «половом инстинкте» как о дремлющем в каждом культурном человеке («*homo sapiens*», по названию его романа) звере – как тут российскому читателю было не вспомнить недавнюю шумиху вокруг «Бездны».

Творчество Андреева и Пшибышевского в критическом дискурсе начала века сопрягается в самых различных контекстах – от философского до психиатрического и психопатологического (Ф. Рыбаков, В. Львов). Приведем только одну, но очень знаменательную книгу, сближающую их в контексте «больного искусства»: «критико-психологический очерк о Л. Андрееве, Пшибышевском (в правописании автора так. – Г. Б.) и др. современных писателях» под примечательным названием «Кошмары жизни» О. Кубе⁴. Обращает на себя внимание то, что автор, ориентируясь на «дух времени», а возможно, и не без конъюнктурных расчетов, выносит в заглавие своей книги только два имени «современных писателей» – Андреева и Пшибышевского.

Наконец, важным этапом в осмыслении творчества Пшибышевского стала статья А. Белого «Пророк безличия» (1909), представляющая собой интерпретацию творчества польского писателя с позиций символизма [3]. В основу этой статьи (впервые опубли.: Киевская мысль. 1909. № 133 (15 мая)) легла лекция «Современность и Пшибышевский», прочитанная им в марте 1909 года в Киеве, а еще раньше, в ноябре 1908 года, в театре В. Комиссаржевской перед спекта-

клем по пьесе Пшибышевского «Вечная сказка». Фиксируя отсутствие у Пшибышевского связей между внешним и внутренним, то есть того, что составляет самую суть символа, Белый «отмежевывает» Пшибышевского от символистов [3; 13], как отказывает он (в статье «Анатэма») в праве называться символистом и «сентенционисту» Андрееву [2; 372].

Несомненно, читатель русских газет и журналов был в курсе всех приведенных нами высказываний и сопоставлений, а медийный дискурс активно впитывал авторитетные мнения и продолжал их развивать.

Драматургическая практика русского и польского писателей стала еще одной сферой сопряжения их имен в прессе, и тенденция ссылаться на Пшибышевского при анализе андреевских пьес была весьма устойчивой.

Так, одесский фельетонист, подписавшийся Гном, усматривает в андреевской «Жизни Человека» явное влияние Пшибышевского – и в языке, и в символизме образов, и в общей для них философии пессимизма⁵. По поводу пьесы Андреева «Анфиса» (1909) в «Обзрении театров» появляется рецензия с примечательным названием «Возврат к “полу”», автор которой констатирует обращение Андреева к «жгуче жизненной» «проблеме пола»: «над пьесой клубится пряный дух Пшибышевского»⁶. «Трагедию пола», «нечто из Станислава Пшибышевского» увидел в «Анфисе» и С. Глаголь⁷. Близость символично-мистических образов Бабушки в андреевской «Анфисе» и Мокриной в «Снеге» Пшибышевского подмечает В. Шмидт⁸. Наконец, Е. Колтоновская сопоставляет «Савву» (1906) с романом Пшибышевского «Дети Сатаны» (1899) [5]. Как видим, пьесы Андреева и Пшибышевского воспринимались в едином русле символистско-декадентской литературы.

В 1913–1914 годах, уже имея репутацию успешного драматурга, Андреев пишет два письма о театре [1] (запланированное третье так и не было написано), в которых делится своими мыслями о новой драме. Десятилетием раньше, чем Андреев, Пшибышевский тоже обнародовал свои идеи о театре будущего: в программном эссе «О драме и сцене» (*O dramacie i scenie*) – сначала на польском языке, в 1902 году, а два года спустя – в журнале «Театр и искусство» (1904. № 49–50) на русском. Во взглядах, изложенных в декларациях двух писателей, можно обнаружить много сходного – и в культе *души* на сцене, и в провозглашаемом обоими отказе от театра как зрелища, и в требовании убедительности игры. Вслед за Пшибышевским, отрицающим «туманные символы» и предлагающим вывести на сцену «живой символ» [6; 318], во плоти и крови, Андреев выражает сомнение в том, что символистские пьесы в духе Метерлинка способны быть психологически убедительными. «Нагая

душа» Пшибышевского – некий прообраз андреевской «психе», исследование глубин которой должно, как считает автор писем о театре, стать единственным содержанием новой «синтетической драмы».

Вообще, панпсихизм, по Андрееву, вызрел уже в творчестве Чехова и в практике русского психологического романа (отсюда, по его мнению, обращение Художественного театра к постановке на сцене Достоевского). Романы Пшибышевского, безусловно, тоже были логически необходимым звеном в его собственной драматургической практике, тем более что типологически они чрезвычайно близки его же пьесам – и транслируемой философией, и мотивно-тематическим репертуаром, и типажам, и стереотипными ситуациями. В творчестве Андреева явным шагом в направлении межродового синтеза стали трагедии «Анатэма» (1909) и «Океан» (1911), крайне напоминающие «драмы для чтения» (*Ledensdrama*) – последние первоначально даже имела жанровый подзаголовок «опыт романа-трагедии». Для обоих, как видим, не только на практике, но и на программном уровне граница между эпическим и драматическим весьма прозрачна.

Может показаться, что Андреев акцентирует внимание на *мысли* как на одном из главных героев драмы «панпсихе», в то время как Пшибышевский ее игнорирует и концентрируется исключительно на *душе*. Вероятно, формат эссе не позволял ему проговорить все обертоны теории «нагой души», но в романе «Сыны земли» (1906) Пшибышевский устами героя – Черкасского, который с триумфом ставит в Кракове свою пьесу и рефлексировал над своим успехом с беседой с приятелем Шарским, – формулирует недостающее, требуя вывести на сцену *сердце и мозг* человека⁹.

Заметим, что *душа* – ключевое понятие во многих эстетических декларациях новой драмы (и вообще нового искусства, если вспомнить метерлинковское «евангелие символизма «Сокровище смиренных»» (*Le Tresor des humbles* (1896)), эстетическое кредо журнала «Золотое руно»), расстающейся с культом идей на сцене. Очевидно, что Андреев, как и Пшибышевский, выстраивает свои положения о театре на этом ключевом для европейского модернизма концепте, вкладывая в него, впрочем, содержание, свойственное новой эпохе и не сводимое к традиционному психологизму – отсюда желание обоих писателей найти этому понятию иное определение («нагая душа», «психе», «панпсихизм»). «Обнажение» на сцене потаенных глубин души у обоих драматургов часто имело мифологическую прарасу: ключевой в творчестве Пшибышевского миф об андрогинности человека; изображение заглавной героини как воплощения морбидного женского начала, с проекцией на Саломею, в пьесе Ан-

дреева «Екатерина Ивановна» (1912); опора на миф о «вечном возвращении» и метаморфозах души-Психеи в его же пьесе «Тот, кто получает пощечины» (1915). Воссоздавая в жизнеподобных декорациях и обстоятельствах мятежную, экзотическую жизнь души и предлагая в своих пьесах некий художественный синтез театральной традиции и собственно новаций, оба автора рисковали мотивированностью характеров и положений, что часто ставилось им в упрек.

Подведем итоги. Основанием для сближения драматургии Пшибышевского и Андреева служили и явственно осознаваемая критикой близость мировоззренческих и эстетических установок двух писателей, и их художественная практика – на уровне мотивно-тематического репертуара, символики, языка и стиля. Оба писателя транслировали в своих пьесах актуальную для русского читателя философию пессимизма и индивидуализма, обращались к острым противоречиям современной жизни, в изображении которых концентрировались на исключительном, граничащем с патологией. Важную роль в создании ассоциативности двух имен для русского читателя сыграли издательская политика журналов «Весы» и «Золотое руно» и актуальная в критическом дискурсе дискуссия о «половом вопросе» в литературе.

Во многом восприятие Андреева как «двойника Пшибышевского» (в том числе в драматургических опытах) носило характер поиска прецедентности новациям русского писателя в европейском искусстве, знаковой фигурой которого воспринимался польский декадент. Пшибышевский, обладатель статуса культового автора в славянском культурном пространстве, пропагандист философии Ницше, экзотик и жизнотворец, как нельзя лучше подходил на эту роль: во-первых, он ассоциировался с европейским искусством, во-вторых, все-таки являлся частью и российского / славянского культурного пространства тоже. Русская критика и русский читатель часто сближали Андреева и Пшибышевского как выразителей ницшеанского духа дерзновенного индивидуализма, забывая о существенном различии мировоззренческих установок двух писателей – абсолютизации пола в философии польского писателя и близкой к экзистенциализму метафизике писателя русского. Индивидуальные контуры двух художественных миров зачастую сливались в общие очертания «декадентства».

Наконец, следует учесть и то обстоятельство, что у Пшибышевского и Андреева могли быть, помимо Ницше, и другие общие «учителя». А именно П. Бурже, повлиявший на дискурс о декадансе в Германии [7] (Пшибышевский, начинавший как немецкоязычный писатель, не мог не знать его «Эссе о современной психологии» (*«Essais de Psychologie Contemporaine»* (1883))

и на молодого Андреева (роман Бурже «Ученик» (1889), построенный на коллизии страстей, идей и экспериментирования, стал одним из метасюжетов в творчестве Андреева и отчасти «жизнетворческой практикой») [5]. Таким образом, в случае Андреева и Пшибышевского можно вести речь о типологической общности поисков, определяемой модернистской парадигмой. Если принять к сведению близость драматургических установок двух писателей, рецепция пьес Андреева современниками «в шлейфе» театральных опытов Пшибышевского предстает более понятной и внутренне мотивированной.

Предпринятое сопоставление позволяет увидеть в творчестве двух писателей художественно-смысловые универсалии эпохи, обнаружить некую инвариантность линий развития драматургии на рубеже веков. Не вызывает сомнения чуткость обоих писателей к ритму культурно-исторического процесса, что позволило им предугадать и наметить в своих драматургических исканиях тенденции, связанные с новыми формами культурного синтеза в театре – в частности

стремление к синтезу эпического и драматического, к повороту от «идейности», взращенной позитивизмом, к исследованию души, глубин подсознания. Очевидно также, что практика сценической реализации драматургических новаций Пшибышевского и Андреева наталкивалась на одинаковые препятствия, связанные с инерционной театральной культурой того времени, и только в случае новаторского режиссерского подхода к их пьесам (Мейерхольд) возникал успех воплощения.

Творческое наследие Пшибышевского и Андреева постигла схожая судьба. Литературные репутации обоих писателей можно описать как последовательную смену статусов: «модный / популярный автор», «вытесненный из актуального литературного сознания», «вновь вернувшийся к читателю». Очевидны актуализация драматургических новаций обоих писателей в наше время, возрождение интереса к их пьесам, о чем свидетельствуют их многочисленные современные переиздания и постановки.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Поляцкий А. Что теперь читают? // Киевские вести. 1908. № 77 (19 марта). С. 2; Глухова Л. В., Либова О. С. Чтение – национальная традиция России (1861–1917) // Чтение в библиотеках России. Вып. 5. СПб., 2003. С. 32–33.
- ² Чуковский К. Пшибышевский о символе: Письмо из Одессы // Весы. 1904. № 11. С. 33–37.
- ³ Пшибышевский С. Pro domo mea // Пшибышевский С. ПСС: В 10 т. Т. 6. М.: Тип. В. М. Саблина, 1910. С. 31–41.
- ⁴ Кубе О. Кошмары жизни. Критически-психологический очерк о Л. Андрееве, Пшибышевском и др. совр. писателях. СПб.: Тип. А. С. Суворова, 1909. 76 с.
- ⁵ Гном. «Жизнь Человека» Леонида Андреева // Новое обозрение. Одесса. 1907. № 210 (1 апр.). С. 3.
- ⁶ Ал. Возврат к «полу» // Обозрение театров. 1909. № 867 (7 окт.). С. 8.
- ⁷ Глаголь С. Анфиса // Утро России. 1910. № 91 (27 янв.). С. 6.
- ⁸ Шмидт В. «Анфиса» Л. Андреева // Бодрое слово. 1909. № 24. Декабрь. С. 47–62.
- ⁹ Пшибышевский С. Сыны земли // Пшибышевский С. ПСС: В 10 т. Т. 2. М.: Тип. В. М. Саблина, 1910. 191 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреев Л. Н. Письма о театре // Собрание сочинений: В 6 т. М.: Худ. лит., 1996. Т. 6. С. 509–558.
2. Белый А. Анатэма // Белый А. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. М.: Изд-во «Республика»: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2012. С. 370–373.
3. Белый А. Пророк безличия // Собрание сочинений: В 9 т. Т. 8. С. 10–19.
4. Козьменко М. В. Писатель Поль Бурже и гимназист Леонид Андреев: (Круг чтения и парадигмы поведения и письма) // Новый филологический вестник. 2009. № 3 (10). С. 108–116.
5. Леонид Николаевич Андреев: Библиография. Вып. 2а: Аннотированный каталог рецензий Славянской библиотеки Хельсинкского университета / Сост. М. В. Козьменко. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 168 с.
6. Пшибышевский С. О драме и сцене // Пшибышевский С. Заупокойная месса: Проза, пьеса, эссе. М.: Аграф, 2002. С. 303–320.
7. Хвостов Б. А. Литература декаданса в Германии (к современному состоянию проблемы) // Новые российские гуманитарные исследования. Электронно-периодическое издание ИМЛИ РАН. 2012. № 7 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=446&binn_rubrik_pl_articles=196.

Boeva G. N., Nevsky Institute of Language and Culture (St. Petersburg, Russian Federation)

DRAMATURGIC INNOVATIONS IN S. PRZYBYSZEWSKI AND L. ANDREEV WORKS: PERCEPTION ASPECT

The perception of Leonid Andreev as Stanisław Przybyszewski's "double" in Russia of the beginning of the 20th century could, to a large extent, be explained by the desire to find some kind of equivalent in European literature for the innovative character of the Russian writer. The decadent Przybyszewski, being a "cult" writer of the Slavic world, fit this role perfectly. The publishing policies of the magazines *Golden Fleece* and *The Scales*, as well as the public discussions of the sexual question in literature at the turn of the century played an important role in the creation of association between these two names for the Russian reader. Both writers in their works dwelt on the philosophy of pessimism and individualism, topical for the Russian reader at the turn of the century, although the difference between Przybyszewski's "metaphysics of genders" and Andreev's metaphysical explorations was often ignored. Both of

them turned their attention to acute contradictions of contemporary life. Depicting this life they focused on the exceptional on the verge of pathology. Multiple critics of the writers' works saw similarity of dramaturgical practice through their choices of themes and motifs, as well as through the chosen symbolism, language, and style. One can find much in common in the playwrights' theoretical principles: rejection of spectacularity, declaration of the "living symbol," and in their ambition to feature the life of "the naked soul" ("psyche") on the stage. At the same time, for both writers, the concept so essential for European modernism, is not equivalent to traditional psychologism. The writers are similar in their daring exploration of the depths of the subconscious, in the use of myths, and in the search of new synthesis on the stage – the synthesis of the epic and the dramatic. The juxtaposition, undertaken in this article, leads to a discussion of typological similarity of the innovations in Przybyszewski's and Andreev's works, which were defined by the modernist paradigm. The destiny of the writers' dramaturgical heritage has also been similar: after their phenomenal success they were forgotten for a long time, and now their literary heritage is gaining its cultural topicality again.

Key words: Stanislaw Przybyszewski; Leonid Andreev; theater; dramaturgy; innovation; reception; symbolism; criticism

REFERENCES

1. Andreev L. N. Letters on the theater [Pis'ma o teatre]. *Sobranie sochineniy: V 6 t.* [Complete Works in 6 vol.]. Vol. 6. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1996. P. 509–558.
2. Belyy A. Anatema [Anatema]. *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Complete Works in 9 vol.]. Vol. 8. Moscow, Respublika: Dmitriy Sechin Publ., 2012. P. 370–373.
3. Belyy A. The Prophet of impersonality [Prorok bezlichiya]. *Sobranie sochineniy: V 9 t.* [Complete Works in 9 vol.]. Vol. 8. P. 10–19.
4. Koz'menko M. V. The Writer Paul Bourge and the Grammar-school Boy Leonid Andreev: (The Circle of Reading and Paradigms of Behavior and Letter) [Pisatel' Pol' Burzhe i gimnazist Leonid Andreev: (Krug chteniya i paradigmy povedeniya i pis'ma)]. *Novyy filologicheskiy vestnik* [New philological messenger]. 2009. № 3 (10). P. 108–116.
5. Leonid Nikolaevich Andreev: Bibliografiya. Vyp. 2a: Annotirovannyi katalog retsenziy Slavyanskoy biblioteki Hel'sinskogo universiteta [Leonid Nikolaevich Andreev: Bibliography. Issue 2a: The Annotated Catalog of Reviews of Slavic Library of the Helsinki University]. Col. by M. V. Kozmenko. Moscow, The Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences Publ., 2002. 168 p.
6. Pshibyshevskiy S. About Drama and the Stage [O drame i stsene]. *Zaupokoylnaya messa: Proza, p'esa, esse* [Requiem mass: Prose, play, essays]. Moscow, Agraf Publ., 2002. P. 303–320.
7. Khvostov B. A. Decadence Literatura in Germany (To a Modern State of a Problem). *New Russian humanitarian researches. Electronic periodical of the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences*. 2012. № 7. Available at: http://www.nrgumis.ru/articles/article_full.php?aid=446&binn_rubrik_pl_articles=196

Поступила в редакцию 10.08.2015

ИННА НИКОЛАЕВНА МИНЕЕВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы и журналистики филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
ruslitemig@mail.ru

НЕИЗВЕСТНЫЕ ФАКТЫ ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ПОВЕСТИ Н. С. ЛЕСКОВА «СКОМОРОХ ПАМФАЛОН (СТАРИННОЕ СКАЗАНИЕ)»*

Представлены некоторые наблюдения над творческой историей повести Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон». Удалось установить, что отправной точкой для ее написания послужило не собственно житие «Память преподобного отца нашего Феодула епарха», с которым писатель познакомился по изданию Пролога 1642–1643 годов, а сделанный в записной книжке его конспект. В процессе фиксации Лесков вступает в полемику с первоисточником и вносит в него концептуальные изменения. Декларируемая в Прологе идея спасения души в конспекте затушевывается. Наиболее значимой и интересной для писателя стала проблема праведничества. Согласно авторской интерпретации, праведником является не столпник Феодул, как в исходном тексте, а скоморох Корнилий. В отличие от столпника, он живет добром не как идеей, а как Присутствием. Подобное прочтение исходного текста обусловило направление всей последующей авторской правки (изменение названия жития в записи, введение биографических/психологических характеристик героев, сокращение эпизодов). Переработанный проложный сюжет получает у Лескова новую актуальность в 1886 году. На его основе писатель создает повесть «Боголюбезный скоморох» (редакция – 1886). Сохранив и разлив намеченное в записи идейное ядро, Лесков переработал проложное житие в нравственно-философскую повесть о праведности как служении людям, земном мире как школе, путях преодоления сомнения, согласия с собственной неправдой и восстановления утраченного чувства родства с Богом и миром. После запрещения Светской и Духовной цензурой в 1887 году издания повести Лесков вынужденно вносит в нее правку. С целью завуалировать религиозный первоисточник в первом варианте редакции – 1886 изменяет прежнее название повести на «Скоморох Памфалон», дает новые имена персонажам, заменяет имя Оригена на его прозвище Адамант, исключает проложные цитаты. Все другие изменения – творческие (включение эпиграфа, преобразование финала). В новой публикации 1887 года (второй вариант редакции – 1886) под тем же заглавием устраняет сделанные ранее формальные поновления (восстанавливает проложные цитаты и имя Оригена). В исследование впервые вводятся не опубликованные ранее архивные материалы.

Ключевые слова: русская литература XIX века, Н. С. Лесков, повесть «Скоморох Памфалон»

В середине 1880-х годов Лесков конспектирует в записную книжку житие «Память преподобного отца нашего Феодула епарха» (3 декабря), с которым познакомился по изданию Пролога 1642–1643 годов (М., Синод. тип.) [4].

В нем рассказывается о богатом «патрихии и епархе» Феодуле, жившем в царствование императора Феодосия Великого. Благочестивый Феодул, «видя хищники и лихоимцы насильствующие и не терпя того видети», отказался от службы и, раздав нищим свое имение, удалился в пустынь. Там, «возшед» «на некий столп <...> тридесат лет на нем пребысть, монашеским житием пребывая». Однажды Феодул «подвигся мыслию <...> кацы суть Богу угождающие». И тогда был ему глас Божий, назвавший таковым «великокривного» «мима» Корнилия из Дамаска. Феодул сходит со «столпа», находит скомороха и умоляет его рассказать, как он удостоился при жизни Царствия Небесного. Корнилий поведал ему, что он грешен и некогда «обещахся чистому

житию». Но обещание было нарушено, поскольку все свои сбережения, позволившие бы ему оставить греховное ремесло, он отдал «некой жене», попавшей в беду. «Сия слышав», Феодул возблагодарил Бога и возвратился на свой «столп»¹.

По мнению М. А. Чередниковой, данное житие представляет собой традиционный телеологический, душеполезный сюжет: все события, описанные в нем, оправдывают смысл подвижничества жизни пустытника. В то же время он не совсем соответствует агиографическому канону, так как допускает возможность спасения скомороха, живущего в миру и не оставляющего своей профессии [6; 114].

В дарственных надписях и письмах 1887 года Лесков назвал проложное житие основным источником повести. На шмуцтитуле сборника «Повести и рассказы. I. Скоморох Памфалон. II. Спасение погибавшего» (СПб., 1887), подаренного И. Е. Репину, читаем: «По Прологу супр<альской> печати “Житие иже во св<ятого>

отца нашего Феодула столпника и Корнилия скомороха»» (ОГЛМТ. 610/18 оф. РК. Ф. 2. Оп. 2. 252). Между тем анализ сохранившихся творческих материалов позволил обнаружить важный, ранее неизвестный факт в истории создания произведения. Отправной точкой для его написания послужил не собственно проложный первоисточник, а сделанный в записной книжке конспект (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 12 об.–14). В процессе фиксации Лесков вступает в полемику с телеологическим сюжетом и вносит в него концептуальные изменения. Настойчиво декларируемая в Прологе идея обретения Царствия Небесного, спасения души в конспекте затухает. Наиболее значимой и интересной для писателя стала проблема праведничества – в чем суть данного феномена? Кто такой праведник? Согласно авторской интерпретации, праведником является не столпник Феодул, как в первоисточнике, а скоморох Корнилий из Дамаска. В отличие от бывшего епарха, сознание героя не отягощено «обрядоверием», его жизнь наполнена деятельной любовью, самоотверженным служением людям. Подобное прочтение исходного текста обусловило направление всей последующей авторской правки. Конспектируя проложное житие, Лесков кардинально изменил его название – «Корнилий скоморох жене мужа выкупил (Житие Феодула столпника)», тем самым определив и выделив для себя главное в Прологе событие (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 12 об.). Кроме того, в подготовительных материалах намечена иная по сравнению с первоисточником интерпретация образа отшельника Феодула. Сохраняя в записи такие качества проложного персонажа, как «кротость», «порядочность», «душевное возмущение» (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 108. Л. 12 об.) по отношению к тому, что происходит в византийском обществе, в то же время Лесков практически полностью проигнорировал описания его жития. Данная тенденция заметна в существенном сокращении эпизодов об иночестве бывшего епарха. Полностью снята часть о его молении и причащении. Наконец, важным преобразованием является включение в конспект отсутствующих в Прологе характеристик – странного диалога между героями и биографическо-психологических уточнений, одновременно разблачивающих строй мыслей сосредоточенного на внешней стороне подвижничества и созерцательности бывшего епарха и утверждающих «скрытое» за комедийством великодушие, благочестие и беззаветность незаметного скомороха. Приведем фрагмент лесковской записи в сопоставлении с первоисточником:

Пролог: «<...> Феодул же в душевное слитие подвижеся и Дамаска достиг, и Корнилия обрете, паде к ногам его выну ища изобрести житие его. Он же грешника себе быти глаголаше и нико-его же блага и муца быше же лежа старец слезя

и моляся. Он же убедився рече: аз отче измлада возраста сложми и скомрахи воспитахся и за многая лета тако ходив в жизненных притчах <...> Единаче же страцу лежащу и молящуся с заклинанием, яже и прочая ему изреци. Отвеча он и глагола <...> Жена некая славна и богата <...> мужеве некоему от своих ея вdana бывши браку <...> оная жена богатство изнурих <...> в темнице затворен бысть от заимодавец <...> жена <...> начат просити снеди ему и откупа, еже бы искупити его <...> Азъ <...> распродах некоторые вещи <...> и иного долга исполнив чetyреста златник и вдах ей <...> рек к ней, приими сия жено и иди с миром и мужа своего свободивши <...> помолился всем сердцем милостивому и щедрому Богу <...>» (л. 445).

Записная книжка: «<...> Феодул пошел в Дамаск и нашел Корнилия и стал его расспрашивать: что он за человек и какое его прошлое? Корнилий и отвечать не хотел: “Что тебе это впадо на мысль, – говорит, – меня расспрашивать. Я человек очень грешный”. Но столпник ему впал в ноги и не поднимается: “Скажи, – говорит, – я не отступлю: ты сделал что-нибудь хорошее и богоугодное в твоей жизни. Кто тебя научил? Открой мне это”. Корнилий увидел, что имеет дело с человеком кроткого характера, и, чтобы разделиться с стариком, стал ему <нрз.> говорить: “Я, старче, жил всегда скверно и беспорядочно с комедиантами да скоморохами и с ними я воспитан. И ходил с скоморошеством по свету много лет, представляя разные комедийные действия <нрз.> того, что в жизни бывает”. – Но размышлял, верно, и калялся? – И не размышлял и не калялся, потому что некогда мне было ни о чем этом подумать <...> столпник Феодул не удовлетворился этим <...> Тогда Корнилий подумал и отвечал: – [Почему он себя не устроил] Разве еще вот какой со мною был раз случай. Довелось мне знать одну очень красивую женщину знатного и богатого рода, которая через беспутство своего мужа пришла в совершенную нищету и всеми была презренна и оставлена <...> Ходила выпрашивать для него пищи и выкупа <...> чтобы искупить его. Он (скоморох. – И. М.) распродал все свои “вещи <...> исполнив одного долга 400 златниц и вдах ей рече: приими сия жено и иди с миром и мужа своего свободивши”. А сам остался ни с чем при прежнем ремесле» (л. 13–14).

К переработанному в записной книжке проложному житию Лесков вновь обращается в середине мая 1886 года и на его основе создает повесть под названием «Боголюбезный скоморох. Старинное сказание» (редакция – 1886). Толчком для ее написания послужила авторская полемика с суждениями читателей о «Флорентийской легенде» (история любви Джиневры и Антонио) английского поэта, критика, эссеиста Лей Гента и «опытами» Л. Н. Толстого в литературной об-

работке агиографических источников. Об этом писатель открыто говорит в предисловии к редакции – 1886: «В вышедшей <...> книжке журнала “Дело” напечатана <...> “Флорентийская легенда”, в драматическом изложении Лей-Гента. Этой переводной пиесе посчастливилось обратить на себя внимание читателей, она многим понравилась за “благородство сюжета”. Читатели сравнивали нежность чувств “флорентинской легенды” с тем, что изображают легенды византийского происхождения, с которыми русское образованное общество теперь понемножку знакомится при чтении несравненных пересказов Льва Николаевича Толстого. Из сравнений “Флорентийской легенды”, пересказанной Лей-Гентом, с сюжетами легенд византийского происхождения, пересказываемых Толстым, у читателей сложился такой вывод, что самые сюжеты западных легенд гораздо разнообразнее, живее и нежнее сюжетов легенд византийских, которые однообразны, грубы и мужиковаты» (РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 5. Л. 1–2). Не соглашаясь с выводами современников, Лесков отстаивает историко-культурную, экзистенциальную и эстетическую значимость византийских сюжетов. В предисловии редакции – 1886 он пишет: «Мне это кажется не совсем верным, – по крайней мере в отношении *разнообразия* <...> Старинный легендарный жанр повествований имеет в этом роде сказания несравненно более реальные, простые и сильные» (л. 1–2). С целью развеять сформировавшиеся в обществе иллюзии писатель ставит перед собой задачу показать превосходство византийских легенд над легендами западными и представить их «не с одной только той стороны, которая с беспримерным <...> мастерством эксплуатируется графом Львом Николаевичем Толстым», так как «у него есть свои цели, которым и отвечает его выбор» (л. 1–2). В качестве доказательства Лесков предлагает аудитории собственный пересказ проложного жития «Память преподобного отца нашего Феодула епарха». Именно его он считал «по достоинству своему гораздо выше флорентийской легенды», находя в нем «жар, живость, толк и здоровую мораль» (л. 1–2).

В ходе литературной обработки первоисточника писатель намеревался 1) восстановить «<...> быт того мира, которого мы не видали и о котором иосифовский “Пролог” в житии св<ятого> Феодула давал только слабый и самый короткий намек» [3; 348–349]; 2) воспроизвести «картину столкновения благородного сердца с фетишизмом и ханжеством» (РО РНБ. Ф. 874. Ед. хр. 34. Л. 124–124 об.), «<...> живет скоморох хочет исправиться, но не может, потому что все увлекается состраданием к несчастным, а в конце ему говорят, что ему уже и исправляться не в чем...» (РО РНБ. Ф. 874. Ед. хр. 34. Л. 125–125 об.); 3) «<...> пересказать <...> простым русским языком, в том виде, в каком эта византийская легенда представляется при вникновении в ее сущность» (л. 2).

Какова же «сущность» проложного жития на новом этапе его постижения? С какой такой «стороны» Лесков задумал показать его читателям? Каковы основные векторы развития авторского замысла?

Сгенерированная в конспекте общая концепция проложного жития в редакции – 1886 получает большую определенность, проясняются главные ее аспекты. Лесков вносит в исходный текст композиционную, эйдологическую, стилистическую правку, углубляет его отдельные темы и мотивы. Наиболее сложная творческая работа была посвящена образу епарха Феодула и скомороха Корнилия.

В новом пересказе Лесков сохраняет и развивает намеченную ранее неоднозначную трактовку образа Феодула, придав ему большую гибкость и многогранность. Действия проложного героя теперь получают религиозно-философские, психологические мотивировки, его суждения приближаются к евангельскому идеалу: «У Феодула душа была мирная, и он ее очистил и укрепил в любви по евангелию <...> Он говорил: если идти по евангелию, то надо все так и делать, как показано в евангелии, а не так, чтобы просить у Бога одно, а самому заводить наперекор тому совсем другое: читать: “Оставь нам долги наши, яко же и мы оно оставляем”, а вместо того ничего никому не прощать <...> Феодул “богатство многосушное” продал <...> Поступил он так потому, что хотел “совершен быть”, а тому кто желает достичь совершенства, Христос коротко и ясно указал один путь: “Отдай, что имеешь, и иди за Мною”...» (РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 5. Л. 3–4).

Вместе с тем на данной стадии осмысления проложный персонаж начинает проявлять себя с неожиданной стороны. В его ментальности внезапно обнаруживаются такие черты, как «себялюбие», «потакание себе», «согласие с собственной неправдой»². Особенно явственно они проявляются в эпизоде выбора пути: «или оставить Христово учение, или оставить знатность» (л. 3). В отличие от конспекта, в своем решении «сложиться с себя всякую власть» герой руководствуется теперь не «возмущением душевным», как в записи, а боязнью того, что если он станет «со всеми спорить», защищая истину Учителя, то «войдет через то всем в остылищу и облекут его перед царем клеветами и погубят» (л. 4): «Не хочу я никого не срамить, ни упрекать, потому что все это противно душе моей» (л. 4).

Полярность образа Феодула усиливается также за счет введения в редакцию – 1886 контрастирующих по отношению друг к другу развернутых описаний его столпнического жития и унылых размышлений о судьбах мира и человечества. Если в записной книжке Лесков освобождает исходный текст от аскетических реалий, то теперь намеренно их вводит. Картину иноческого

быта и бытия проложного героя писатель реконструирует по образцу житий древних христиан. Удалось установить, что основные сведения о подвижничестве святых писатель заимствует из книги Палладия Еленопольского «Лавсаик, или повествование о жизни святых и блаженных отцов» (V в.). В РГАЛИ сохранился автограф в виде отдельного листа, содержащий многочисленные выписки из труда христианского епископа – имена добродетельных мужей и благочестивых жен, фрагменты житий, изречения старцев, большинство которых творчески реализованы в новом пересказе (РГАЛИ. Ф. 275. Оп. 1. Ед. хр. 105). Восстанавливая обстоятельства и детали жития бывшего епарха, писатель следует основным составляющим агиографического канона: 1. Пост, причащение преподобного: Феодул «хлеба, и ничего готовленного на огне <...> не ел и позабыл и вкус их» (л. 5) – ср. в выписке на отдельном листе «Не ел ничего готовленного на огне» из гл. 12. Лавсаика «Об Аммонии». 2. Подражание святым мужам: «Разговоров он не имел ни с кем никаких и казался строг и суров, подражая в молчании Или» (л. 5) – ср. в выписке на отдельном листе «О <тец> Памва говорил: кто принимает бездомного и также совершает (дело) Авраамово, а пустынножитель подражает Или» из гл. 15. «О Паисии и Исая». 3. Чудеса, творимые святыми: «Люди, которые считали его способным творить чудеса, приходили, становились в тени его, которую солнце бросало от столпа на землю, и отходили» (л. 5) – ср. в выписке на отдельном листе «Уважали тень с <его> мужа» из гл. 1 книги Палладия «Об Исидоре Странноприимце». 4. Книжная премудрость блаженных отцов: «А он все молчал вперяя ум в молитву или читая на память три миллиона стихов Оригена и двести пятьдесят тысяч стихов Григория, Пиерия и Стефана» (л. 5) – ср. в выписке на отдельном листе «Знал все сочинения древних толковников, в числе которых три миллиона (объяснительных) стихов Оригена, 250.000 стихов Григория, Пиерия, Стефана, Василия и др <угих>. Не оставлял не прочитанной не одной книги и каждую прочитывал до 7 раз и тогда т <олько> начинал иметь о ней суждения. Знал все превосходно» из 124 гл. Лавсаика «О Сальвии».

Между тем внешне благочестивая по духу обстановка дисгармонизирует с внутренним мрачным и унылым состоянием проложного героя. Обретению согласия с самим собой и миром препятствуют себялюбие, постоянные сомнения в цели творения, чуде жизни. Почитая себя всех «совершенней», бывший епарх не замечает того, что в земной мир привносит несовершенство: «Впечатления, вынесенные столпником из столицы, были так неблагоприятны, что он отчаялся за весь мир и не заметил того, что через это унижал цель творения и себя одного почитал совершеннейшим. Повторяет он Оригена, а сам

думает: ну пусть так, – пусть земной мир весь стоит для вечности и люди в нем, как школяры в школе готовятся, чтобы явиться в вечности, показать свои успехи в здешней школе. Но какие же успехи они покажут, когда живут так лениво и ничему не учатся и ничего не позабывают? Не будет ли вечность впусе? Пусть утешает Ориген, что не мог же впасть в ошибку Творец, узрев “яко все добро зело”, если оно на самом деле никуда не годится, а Феодулу все-таки кажется все “лежащим во зле”, и ум его напрасно старается прозреть: “кацы суть Богу угождающие и вечность улучившие”» (л. 5, 6).

Процитированный фрагмент приобретает в редакции – 1886 узловое значение. В нем не только происходит окончательное развенчание праведности Феодула, но и обнаруживается религиозно-философский, скрытый смысл проложного жития. Содержащиеся в суждениях героя отсылки к Книге Бытия (1:31; 6:5), Первому Посланию Иоанна (5:19), старопечатному Прологу и трактату Оригена «О Началах» актуализируют тему спасения души (в конспекте этот аспект приглушен) и взаимоотношения Бога и человека. В новой переработке они становятся центральными и последовательно развиваются в эпизодах, связанных со столпником Феодулом и скоморохом Корнилием. В отличие от записи, в воссозданном житии бывшего епарха Лесков подчеркивает, что в один из моментов своей внутренней жизни он утратил связь с Божьим миром, усомнился в цели Божьего Творения (земной мир как школа) и смысле человеческого бытия. Упоминание бывшим епархом имени христианского теолога Оригена и оригеновской идеи о мире как школе включает в контекст произведения автобиографический пласт повествования. В мировоззрении писателя жила идея о том, что земной мир «во времени и пространстве поставлен под знак школы», «это есть время педагогической переделки человека», «Бог, как воспитатель, ведет воспитуемое человечество от несовершеннолетия к совершеннолетию» [1; 157–192]. Еще в 1876 году он писал С. Н. Щербальскому: «<...> существование наше все-таки не случайность, а школа, воспитательный период, никак не более, и затем состояние “какого не видел глаз и не слышало ухо”» [2; 439–440]. Лесков считал Оригена религиозно-философским авторитетом. В письме В. Г. Черткову он называл его «великим умом» [3; 328–329], а А. С. Суворину сообщал о «солидарности» «Шопенгауэра с Оригеном Адамантовым по вопросам о происхождении характеров, назвав это чрезвычайно любопытным» (РО ИРЛИ. Ф. 268. Ед. хр. 131. Л. 82).

В соответствии с авторской трактовкой проложного жития Феодулу необходимо возродить утраченное чувство родства с Божьим миром и преодолеть самозаблуждения. В связи с этим концептуальной правке подвергся ключевой

в конспекте диалог столпника со скоморохом. Уяснить суть его переработки возможно только после рассмотрения образа скомороха.

Образ скомороха Корнилия Лесков воссоздает по контрасту с образом Феодула: внешний лик не соответствует внутреннему. Реконструируя его облик, писатель использует формулы «этикетного» описания скоморошества (термин Н. С. Демковой), содержащиеся в фольклорных и средневековых памятниках: реалии скоморошьяго быта (скоморошье платье, звонцы, трещотки, накры, маски, ученые животные), названия скомороха (смехотворец), описание его поведения, отождествление скоморошества с бесовством (Корнилий не желает, по слову столпника, «оставить бесовские потехи») и народное воззрение на веселый труд скомороха («Корнилий придет и веселый смех будет», – говорит неведомый собеседник).

Между тем главный акцент Лесков делает на восприятии скоморохом Бога. В образе Корнилия он актуализировал идею о взаимоотношении Бога и человека как «Творец–тварь», выразив ее через библейские метафоры «Горшечник – глина», «Творец – “сосуд в честь и сосуд в поношение”». В мировидении Корнилия Создатель определяет каждому человеку различную должность служения на земле и управляет каждым соответственно его движению или расположению души. Земное существование человека есть для скомороха период совершенствования, который предшествует переходу в «другую обитель».

Раскрывая данный аспект проложного жития, Лесков наделяет персонаж некоторыми чертами собственной ментальности. Параллелей между эпистолярными диалогами писателя с современниками и текстом редакции – 1886 много: 1) Скоморох Корнилий: «Я только в него (Бога. – И. М.) верю, на него надеюсь и люблю его за то, что Он позволял мне чувствовать себя вблизи Его в немногие минуты» (л. 18) – ср. письмо Лескова Н. П. Крохину от 13 декабря 1889 года: «Хоть изредка, но я любил моего Господина, и слышал в себе Его голос, и повиновался Ему. В эти только минуты, я и жил отрадною жизнью и понимал слова: “Ты во мне, и я в Тебе и Он в нас”» (РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 44. Л. 27 об.); 2) Скоморох Корнилий: «Разве может слабый человек давать обет Всемогущему, который его представил, чем ему быть и мнет его, как мнет горшечник глину на кружале» (л. 18), «...говорил в уме с Богом: Ты Творец, а я тварь – мне тебя не понять, Ты меня всунул для чего в эту кожаную ризу и бросил сюда на землю трудиться, я и таскаюсь по земле, ползаю, тружусь» (л. 19), «...нужен сосуд в честь и нужен сосуд в поношение. Живи ты для чести, а я определен жить для поношения, и, как глина, я не спорю с моим горшечником» (л. 20) – ср. письмо Лескова сыну А. Н. Лескову от 1 июня 1891 года: «Понимай Бога Павлова: не спорь глина с Горшечником: он лепит из тебя

тот сосуд, который в эти минуты нужен в Его хозяйстве. Ты хочешь быть кабинетною вазою, а в хозяйстве Его нужен ты на горшок, чтобы щи варить или выносить помой» (РО ИРЛИ. Ф. 612. Ед. хр. 13. Л. 3); Письмо Лескова О. С. Крохиной от 29 февраля 1892 года: «Надо помнить, что мы не по своей воле возникли и пришли в мир, а по воле Пославшего: мы – глина, а Он – горшечник и что Ему нужно – то он из нас и делает, и на то нас приспособляет <...> Он (Господин. – И. М.) позвал друга нашего Николая Петровича (о смерти Н. П. Крохина. – И. М.) с здеишней работы на другую <...> он делает теперь другое дело, находясь в другом положении, о котором мы не можем составить себе понятия» (РО ИРЛИ. Ф. 220. Ед. хр. 42. Л. 24 об.–25).

По сравнению с конспектом в редакции – 1886 усилен мотив праведничества скомороха. Теперь в его облике более четко, глубоко выписаны и введены новые черты, характерные для лесковских героев-праведников: низкое социальное место в обществе, высокий нравственный статус, великодушие, милосердие, самозабвенное служение ближним, победа над искушениями. Обозначенная переработка образа Корнилия наиболее четко выявляется в диалоге со столпником. В отличие от записи, писатель вновь его концептуально правит. Главное новшество заключается во введении в редакцию – 1886 эпизода преображения столпника. Превозмогая самообман, бывший епарх осознанно возрождает в себе смысл земного бытия как школы, ощущение господства Божьего Промысла над жизнью человека и утверждается в «полезности» миру: «...я был горд <...> и искал своей чистоты вместо того, чтобы помогать людям в их горе, и когда я считал себя чище и лучше других, мне было указано идти у тебя поучиться. Ты меня научил, чем ты меня людям полезней и Богу любезней. Ты шел низким путем и перед тобой уже отверзта высокая дверь, а я, высоко стоя, чуть не споткнулся» (л. 32).

Этот важный в идейном отношении эпизод Лесков варьирует, присочиняя отсутствующую в конспекте концовку смерти героев, которая трактуется как переход душ в «новую жизнь», «другую обитель» и описывается с помощью традиционных средневековых формул – изображение смерти праведника и грешника, «материализация» человеческих грехов, прощение грешника при жизни путем «стирания» его грехов: «...бежит по улицам города <...> Корнилий и на голове у него медный венец скомороха, но день ото дня венец этот блистает все ярче и ярче и, наконец, так засиял, что нет силы смотреть на него. И поднимается Корнилий от земли на воздух, и летит прямо к пылающей алой заре, а в зареве жарком зари словно углем и сажей написано слово “самомнение” <...> Но скоморох снял свою скоморошью епанчу и стер это слово. И тогда Феодул вдруг увидел себя в несказан-

ном свете и почувствовал, что летит в высоте рядом с Корнилием <...> Прохладное облако густою тенью застлало дальнейший их след от земли, и с румяной зарею заката вместе слились отшедшие души старца Феодула и скомороха Корнилия» (л. 33–35).

Итак, сохранив и развив намеченное в записи идейное ядро, Лесков переработал проложное житие в нравственно-философскую повесть, утверждающую идею праведности как проявления любви к ближнему, о земном мире как школе, преодолении самомнения и восстановлении утраченного чувства родства с Богом и миром. Художественная концепция повести формируется с помощью индивидуализации, психологизации проложных героев, детализации ключевых эпизодов, введения библейских, философских, литературных аллюзий, цитат, повышения степени субъективности текста за счет наделения писателем проложных образов чертами собственной ментальности и т. д.

Между тем на данном этапе работа Лескова над проложным житием не закончилась. Поводом для дальнейшего его осмысления послужили главным образом внешние факторы. В конце января 1887 года Светская и Духовная цензуры запретили публикацию первых 11 глав в февральском номере журнала «Исторический Вестник» [5]. 3 февраля в редакцию журнала была передана резолюция Духовного цензора [5]. Однако уже к 1 февраля Лесков знал о причинах запрещения «Боголюбезного скомороха». Вероятно, писатель встречался и беседовал с архим. Тихоном. Это подтверждает его письмо В. Г. Черткову от 1 февраля 1887 года: «Дело со “Скоморохом” в некоей надежде спасения, – только слова о христианстве (лишь слова) все выпустили. “Духовный цензор” оказался умнее “плотского”. Он говорит: “Тут до меня ничто не касающе”, кроме имени Феодула, который есть в святцах» [3; 330]. Желая спасти повесть, Лесков правит текст довольно быстро. Уже 2 февраля в типографии А. С. Суворина появляется новый набор рукописи (1-й вариант редакции – 1886). Сравнение текста редакции – 1886 и нового ее варианта (Исторический Вестник. 1887. Т. 23. № 3) позволяет пересмотреть вывод А. М. Ранчина только лишь о формальном характере правки повести [6]. На наш взгляд, более правомерно говорить как о формальных, так и творческих изменениях. В соответствии с требованиями Духовной цензуры Лесков вно-

сит в 1-й вариант редакции – 1886 следующую правку: 1) изменяет заглавие: «Боголюбезный скоморох» в итоге стал называться «Скоморох Памфалон»; 2) дает новые имена персонажам: Феодул стал Еремием, Корнилий – Памфалоном; 3) заменяет имя Ориген на его прозвище Адамант; 4) исключает проложные цитаты или заменяет их синонимичными конструкциями на современном русском языке, тем самым завуалировав компрометирующий повесть первоисточник. Все другие установленные нами изменения носят творческий характер: 1) по сравнению с редакцией – 1886 Лесков сильнее акцентирует религиозно-философскую тему «земной мир как школа», включив эпиграф из трактата Лао-тзы «Дао Дэ Цзин» (Ч. II. Гл. 76) о «величии» слабости и «ничтожности» силы; 2) усиливает мотив превосходства великодушного скомороха над отрешившимся от мира столпником путем расширения в гл. 10 диалога между главными героями; 3) преобразует финал повести: в редакции – 1886 столпник возвращается на «столп», в 1-м варианте редакции – 1886 уходит в мир к людям.

Однако Лесков не был удовлетворен новой переработкой. 11 марта 1887 года он сообщал А. С. Суворину: «Хотел бы знать Ваше мнение: неужто “Скоморох” совсем плох? Я по трусости его сильно испортил» [3; 338]. 29 апреля 1887 года писатель соглашается на предложение С. Н. Шубинского издать в одном томе три произведения: «Кадетский монастырь», «Скоморох Памфалон» и «Спасение погибавшего». Основанием для объединения трех текстов послужила тема праведничества. «Мне бы очень хотелось, – писал Лесков, – чтобы все эти добряки собрались вместе» [3; 340]. Но замысел осуществился частично. В начале августа 1887 года вышел сборник «Повести и рассказы. I. Скоморох Памфалон. II. Спасение погибавшего». «Кадетский монастырь» не вошел в триаду, так как был запрещен Духовной цензурой. Новая публикация «Скомороха» послужила поводом для восстановления первоначального замысла. В окончательном 2-м варианте редакции – 1886 Лесков восстанавливает сформированный еще в редакции – 1886 идейный комплекс и устраняет сделанные ранее некоторые формальные исправления: снова включает проложные цитаты и имя Оригена. Через несколько лет 2-й вариант редакции – 1886 войдет без изменений в состав прижизненного Собрания сочинений Лескова (СПб., 1890. Т. 10).

* Статья подготовлена в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития Петрозаводского государственного университета на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Пролог. М.: Син. тип., 1642–1643. Л. 445–446. Далее цитируется по данному источнику с указанием листов в скобках.

² Искренне благодарю доктора филологических наук, доцента РГГУ А. В. Маркова за ценные советы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. С. 157–192.

2. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 10. М.: Худож. лит-ра, 1956–1958. 597 с.
3. Лесков Н. С. Собр. соч.: В 11 т. Т. 11. М.: Худож. лит-ра, 1956–1958. 859 с.
4. Минеева И. Н. Древнерусский Пролог в творчестве Н. С. Лескова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2003. 22 с.
5. Ранчин А. К творческой истории легенд Лескова «Повесть о богоугодном дровоколе» и «Скоморох Памфалон» (по материалам цензурных дел) // Неизданный Лесков: В 2 кн. Кн. 1. М.: ИМЛИ РАН: Наследие, 1997. С. 375–381.
6. Чередникова М. П. Об источниках легенды Н. С. Лескова «Скоморох Памфалон» // Русский фольклор. Л.: Наука, 1972. Т. XIII. С. 111–122.

Mineeva I. N., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

UNKNOWN FACTS ON THE HISTORY OF N. S. LESKOV'S STORY "THE BUFFOON PAMFALON (ANCIENT LEGEND)"

Some observations on the history of N. S. Leskov's novel "The Buffoon Pamphalon" are presented in the article. It was established that the starting point for the work's origin was not the hagiology "In memory of our father diocese Theodoulos", with which the writer got acquainted upon Prologue's publication in 1642–1643, but the summary notes made by him in his notebook. While working on the document, N. S. Leskov started debating with the original writing and eventually ended up by introducing a conceptual change. The idea of salvation, declared in the Prologue, was rather obscured in the synopsis. The problem of "Righteousness" happened to be the most important and interesting issue for the writer. According to the author's interpretation it was the buffoon Cornelius who was truly righteous but not the stylite Theodoulos, as it was written in the original text. In comparison to the stylite's righteousness, the buffoon's righteousness is not only a conceptual idea, but the essence of Presence. Such understanding of the original text conditioned the further direction of changes introduced by the author (a changed name of the Lives, an introduction of biographical/psychological characteristics of characters, a reduction of episodes). A revised plot of the Prologue started to gain new relevance in Leskov's perception in 1886. On the basis of his new perception the writer created a story "God-pleasing buffoon" (revised – 1886). Maintaining and developing the initial ideological core of the hagiology, N. S. Leskov developed the Prologue into a moral and philosophical story of righteousness as a service to people, an earthly world as a teaching school, a way of overcoming self-righteousness, a way of accepting personal wrongdoings, and recovery of lost relationship with God and the world. Upon prohibition of the 1887 edition by the secular and religious censorship N. S. Leskov was forced to make changes in his novel. To disguise religious sources of the first variant published in 1886 the author changed the former name of the story for the "The Buffoon Pamphalon", gave new names to the story characters, replaced the name of Origen by his nickname Adamant, and excluded the Prologue's quotes. All other changes had creative character (the epigraph, the final conversion). In the new edition of 1887 (2 edition, 1886) under the same title he eliminated previously made formal changes (Prologue's quotes and the name of Origen). Some archival materials introduced in the study are cited for the first time.

Key words: Russian literature of the XIX century, N. S. Leskov, the novel "The Buffoon Pamphalon"

REFERENCES

1. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiyskoy literatury* [Poetics of early Byzantine literature]. Moscow, Coda Publ., 1997. P. 157–192.
2. Leskov N. S. *Sobr. soch.* [Leskov N. S. Collected edition]. Moscow, FL Publ., 1956–1958. Vol. 10. 597 p.
3. Leskov N. S. *Sobr. soch.* [Leskov N. S. Collected edition]. Moscow, FL Publ., 1956–1958. Vol. 11. 859 p.
4. Mineeva I. N. *Drevnerusskiy Prolog v tvorchestve N. S. Leskova: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [The Old Russian Prologue in N. S. Leskov's Art. Dr. philol. sci. diss.]. St. Petersburg, 2003. 22 p.
5. Ranchin A. On the creative history of Leskov's legends "A Tale of God-pleasing wood splitters" and "Buffoon Pamphalon" (On the Materials' of Censorship Affairs) [K tvorcheskoy istorii legend Leskova "Povest' o bogougodnom drovokole" i "Skomorokh Pamfalon" (po materialam tsenzurnykh del)]. *Neizdannyy Leskov* [Unpublished Leskov]. Moscow, IMLI RAN: Nasledie Publ., 1997. Vol. 1. P. 375–381.
6. Cherednikova M. P. On the sources of N. S. Leskov's legends "The Buffoon Pamphalon" [Ob istochnikakh legendy N. S. Leskova "Skomorokh Pamfalon"]. *Russkiy fol'klor* [Russian folklore]. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Vol. XIII. P. 111–122.

Поступила в редакцию 21.09.2015

ТАТЬЯНА НИКОЛАЕВНА МОРОЗОВА

аспирант кафедры языков северных стран и международной научной коммуникации Института филологии и межкультурной коммуникации, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Российская Федерация)

morozovatn@gmail.com

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ПРОМЫСЛОВОГО ФОЛЬКЛОРА ЗИМНЕГО БЕРЕГА БЕЛОГО МОРЯ

Для поморского населения промыслы, прежде всего зверобойный и рыболовный, с давних пор являлись основными жизнеобеспечивающими занятиями, что объясняется особенностями местных природных условий. Несмотря на то что с течением времени система хозяйствования поморов претерпевала изменения, промыслы сохранились до сих пор. Специфика хозяйственной деятельности нашла отражение в традиционной культуре: в ней сложился обширный пласт промыслового фольклора. В статье мы предприняли попытку проанализировать современное состояние поморского промыслового фольклора.

Ключевые слова: промысловый фольклор, поморы, Зимний берег, верования, обряды

Формирование поморского населения происходило в специфических природно-климатических условиях, в связи с чем был выработан своеобразный культурно-хозяйственный тип, в основе которого лежит преобладание промыслового морского хозяйства. По этой причине в историко-этнографической литературе поморы определяются как субэтнос русского народа. В настоящей работе мы будем использовать этноним «помор» относительно русского населения беломорского побережья, основным видом деятельности которого является занятие морскими промыслами. В данном значении этот этноним продолжает использоваться в качестве названия и самоназвания и в настоящее время.

Специфика хозяйственной деятельности нашла отражение и в традиционной культуре поморов: сложился обширный пласт промыслового фольклора, включающий обрядовые комплексы, поверья, приметы, промысловую магию, сказочную прозу и другие жанры. Как справедливо отмечают исследователи, промысел стал, «с одной стороны, предметом изображения, а с другой – контекстом бытования фольклорных текстов» [4; 51].

Несмотря на то что фольклорная традиция Русского Севера всегда была предметом пристального внимания ученых-фольклористов, поморский промысловый фольклор до сих пор остается недостаточно изученным. Его изучению посвящены работы Т. А. Бернштам [2], [3], Р. С. Липец [10], отдельные статьи П. А. Филина [12], К. К. Логинова [9], Ю. А. Давыдовой [4], В. Г. Кондратьевой [8], В. Е. Добровольской [5], Н. Г. Комелиной, А. И. Васкул, М. Д. Алексеевского [1] и Н. В. Дранниковой [6].

В работе мы попытаемся проанализировать современное состояние поморского промысло-

вого фольклора. В качестве ареала нашего исследования мы выбрали Зимний берег Белого моря (северо-восточный берег от устья Северной Двины до мыса Воронов). Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, для местного населения промыслы изначально являлись основным, жизнеобеспечивающим занятием. Во-вторых, по причине миграционной замкнутости и труднодоступности здесь сохранились многие символические практики, исчезнувшие в других регионах Русского Севера. И, в-третьих, промысловая традиция Зимнего берега Белого моря оказалась наименее исследованной (например, по сравнению с Терским или Карельским берегом).

Материалом для нашего исследования послужили тексты, записанные в ходе экспедиций ЦИТКЕС САФУ на Зимний берег Белого моря (с. Ручьи, д. Мегра, с. Койда, с. Долгошелье, с. Зимняя Золотица, с. Патракеевка) в 2001–2015 годах и хранящиеся в фольклорном архиве САФУ (П. 354, 355, 415, 598, 605, 606, 610, 614, 615). В качестве материала для сравнения мы используем тексты, опубликованные в работах П. С. Ефименко [7], Т. А. Бернштам [2], Р. С. Липец [10], Н. И. Рождественской [11], относящиеся к концу XIX – середине XX века, а также воспоминания о промыслах, записанные в ходе экспедиций ЦИТКЕС и относящиеся к 1930–1960 годам.

Система традиционных морских промыслов жителей исследуемого нами региона претерпела значительные изменения к началу XXI века. Прежде всего следует отметить внесение в 2009 году изменений в «Правила рыболовства для Северного рыбохозяйственного бассейна», повлекшее фактическое исчезновение морского зверобойного промысла на Русском Севере. Во-вторых, рыболовный, главным образом семужий, промысел перестал быть массовым, что было вы-

звано также отчасти государственными ограничениями. Более того, если в XIX веке промысел осуществлялся достаточно многочисленными артелями, а в XX веке крупными колхозами, то в настоящее время им занимаются сравнительно небольшие рыболовецкие колхозы. Кроме того, в связи с техническим прогрессом изменились и орудия промысла.

Обозначенные преобразования наряду с неизбежными изменениями в ментальной сфере населения не могли не повлечь за собой изменений в составе промыслового фольклора, который значительно редуцировался. Лучше всего сохранились промысловые верования, поскольку данный вид деятельности представляет высокую опасность для жизни человека, о чем говорят распространенные среди местного населения поговорки о море: *«Кто в море не бывал, тот горя не видал»* (№ 3), *«Кто в море не бывал, тот Богу не маливался»* (№ 2) и др. В связи с этим среди жанров промыслового фольклора, продолжающих активно функционировать, прежде всего следует отметить промысловую магию и связанные с ней поверья, запреты и предписания. Их основная функция – охранительная: обезопасить промысловика от возможных неприятностей во время промысла. С другой стороны – продуцирующая: обеспечить успех деятельности. До сих пор рыболовами соблюдаются запреты на ведение или начало промысла в такие крупные церковные праздники, как Пасха, Духов день, Троица, Благовещение (25. III/7.IV) и *Благовещенский день* (день недели, на который выпадает Благовещение), а также в понедельник. *«Вот никогда не выезжают на тоню по понедельникам, и еще в Благовещенский день не начинают никаких дел»* (№ 5).

Точно также продолжает соблюдаться существующее предписание не отпускать и не отдавать первый улов, прямо противоположное распространеному среди большей части русского населения обычаю отпускать первую рыбу [5; 30]. Чаще всего это поверье встречается в виде поговорки: *«Первый улов – с перьем в рот»* (№ 5).

Среди промысловиков сохраняется вера в сглаз, поэтому продолжают соблюдаться предписания, призванные оградить от него. К ним относится запрет хвастаться уловом, говорить кому-либо о том, что собираешься на рыбалку, поскольку у рыбака «могут дорогу украсть», и предписание вернуться домой, если тебе по дороге встретилась женщина или человек с «дурным» глазом и др. *«Когда идешь на охоту и на рыбалку, чтоб баба по дороге не встретила, да еще и дурная»* (№ 4).

С одной стороны, соблюдение данных предписаний можно объяснить тем, что они являются традицией; с другой стороны – их постоянной актуализацией в корпусе сюжетов устных рассказов о рыболовах, которых постигли несчастья и неудачи вследствие несоблюдения данных предписаний (№ 5).

В связи с этим сохраняется вера в обереги, призванные оградить рыболовов, особенно выходящих на промысел в открытое море, от возможных несчастий. Но при этом становится меньше перечень предметов, выполняющих функцию апотропея. Если раньше в качестве оберегов брали специально изготовленные членами семьи *куклы* (№ 1), *убитую медведку* (небольшой грызун) (№ 2) и др., то теперь в основном иконы с изображением Николая Чудотворца (№ 1, № 4), почитаемого поморами как покровителя мореплавателей и рыбаков.

Несмотря на достаточно активное функционирование промысловых примет, наблюдается тенденция к их угасанию. С одной стороны, местные жители знают их все меньше, с другой – все чаще отмечают их устарелость, несоответствие современным природно-климатическим условиям. *«По звездам смотрят <в Пасочную ночь>. Звезды – это морошка, а темень – это к рыбе. Но сейчас это не стоит внимания. Раньше гарантировали старики-то»* (№ 3). К наиболее часто встречающимся в настоящее время приметам следует отнести поговорки, связывающие улов рыбы с ветрами: *«Ветер с моря – рыба будет»*, *«Подули ветра южные – повалились спать без ужина»* (№ 2). В местной традиции сохраняется деление ветров на благоприятные (северо-западный) и неблагоприятные (юго-западный) для промысловой деятельности, а также традиционные для поморов наименования ветров, хотя постепенно в сознании местного населения стираются стоящие за ними мифологические представления. *«Легкий с моря, северо-западный <благоприятный ветер>. Побережник. Но не желательно никак с гор – шелонник. На шелонник рыбы нет. Юго-западный – это дикий ветер»* (№ 2).

К сфере активного бытования фольклора необходимо отнести представление о связи подхода рыбы, прежде всего семги, с церковными праздниками. По терминологии местного населения, данное явление носит название *походы* рыбы, но следует указать на постепенное отмирание данного представления, о чем свидетельствуют замечания наших информантов по поводу его несоответствия текущему состоянию рыболовства, что приводит к исчезновению из памяти местных жителей некоторых из походов. Так, в настоящее время практически всеми исполнителями (необязательно рыбаками) называются следующие из походов семги: Ивановский (24.VI/7.VII), Петровский (29.VI/12.VII), Ильинский (20.VII/2.VIII), на Спасы (1/14.VIII, 6/19.VIII, 16/29.VIII) и на Покров (1/14.X). В свою очередь, походы на Тихона (16/29.VI) Воздвижение/Сдвижение (14/27.IX), Михайловский (16/29.IX), на Иоанна Богослова (26.IX/9.X) с трудом вспоминаются единицами.

Значительно хуже представлена в наши дни ритуальная сторона промыслового фольклора. В ходе последних экспедиций на Зимний берег

(в с. Койда 2010 год, в с. Ручьи 2011 год, в с. Патракеевка 2015 год) практически не удалось зафиксировать бытование промысловых обрядовых практик и действий. Так, обряд проводов промысловиков, существовавший еще в первой трети XX века и описанный Т. А. Бернштам [2; 176–177], редуцировался до посещения, имеющегося в том или ином населенном пункте храма (№ 3). Похожая ситуация произошла с описанным Т. А. Бернштам [2; 178] обрядом спуска судна на воду, от которого остался лишь фрагмент, связанный с обливанием лодки спиртным (№ 1). Постепенно исчезает обычай устанавливать кресты в местах промыслов: нам не удалось записать современных рассказов об установке охранительных крестов на тонях, а рассказы об установлении обетных крестов единичны (№ 2).

Несмотря на то что лов семги продолжает существовать на колхозных тонях, исчезли обычаи их распределения: торги, аукцион тоней, *игра в празгу* – жеребьевка, во время которой бумажки с названиями тоней складывались в шапку и каждый участник вытаскивал одну из них (№ 4). Это связано с изменением в организации промысла и формы собственности. Раньше тони являлись коллективным владением общины, которая производила их распределение через определенный промежуток времени, давая возможность рыбакам вести промысел как на «удачной», так и на «неудачной» тоне. Теперь тони принадлежат рыболовецкому колхозу, и таким образом пропадает необходимость их перераспределения, поскольку вся выловленная рыба принадлежит юридическому лицу, или же в некоторых случаях они являются частными, что отменяет саму возможность перераспределения.

Жанры сказочной прозы в современном промысловом фольклоре Зимнего берега Белого моря представлены слабо. За время экспедиций нам удалось зафиксировать незначительное число мифологических рассказов: их основной мотив – рыбаков в промысловой избушке пугает нечистая сила, и легенд, повествующих о чудесном спасении во время шторма после обращения с молитвой к Святому Николаю (№ 4). Практически исчезли бытовавшие ранее былички о встрече промысловиков с водяным, хозяином моря, которые можно встретить в сборниках Н. И. Рождественской [11], Р. С. Липец [10]. В связи с этим

следует отметить утрату обычая делать жертвоприношения перед отправлением на промысел: бросать в воду хлеб, махорку или монету. Это говорит об исчезновении из сознания местного населения мифологических представлений о «хозяине моря», воплощением которого обычно являлся водяной, вызванном неизбежной рационализацией сознания в современном мире.

Среди жанров фольклора речевых ситуаций, помимо названных выше, широкое распространение имеют промысловые пословицы и поговорки. Прежде всего это тексты, регламентирующие отношения поморов с морем, воспитывающие уважительное к нему отношение: «*Море – наше полюшко*», «*В море проверяют помора*», «*Море – наше горюшко*» (№ 4). Корни их, на наш взгляд, уходят к восприятию моря в славянской мифопоэтической традиции как угрожающей стихии, «чужого», опасного мира.

Рассмотрев современное состояние промысловой традиции Зимнего берега Белого моря, можно сделать вывод о том, что она предстает перед нами в редуцированном виде. Утрачены многие обрядовые практики, постепенно исчезают из бытования некоторые фольклорные жанры. Сложившуюся ситуацию можно объяснить несколькими причинами. Во-первых, произошедшими изменениями в системе хозяйствования. Так, многие ритуальные практики исчезли вместе с прекращением ведения промысла – это касается обрядов, связанных со зверобойным промыслом. В связи с изменением формы владения тонями утратились обычаи их перераспределения. Во-вторых, изменениями, произошедшими в сознании носителей традиционной культуры в связи с современным научно-техническим прогрессом и влиянием на него периода советской власти, стремившейся рационализировать представления о мире. Этим объясняется постепенное исчезновение ряда мифологических представлений, связанных с промысловой деятельностью. С другой стороны, активное бытование части жанров промыслового фольклора в настоящие дни, на наш взгляд, объясняется неполным искоренением этих мифологических представлений, а также высокими риском и опасностью для жизни промысловиков. Сохраняются те формы культуры, которые являются актуальными для местного сообщества.

СПИСОК ИСПОЛНИТЕЛЕЙ

1. Замятина Ж. Д., 1942 г. р., с. Патракеевка, Приморский р-н Архангельской обл., 2015 г.; ФА САФУ: П. 615.
2. Котцов И. П., 1923 г. р., с. Койда, Мезенский р-н Архангельской обл., 2010 г.; ФА САФУ: П. 606.
3. Малыгина Ф. Е., 1932 г. р., с. Койда, Мезенский р-н Архангельской обл., 2010 г.; ФА САФУ: П. 606.
4. Тюриков Л. А., 1954 г. р., с. Зимняя Золотица, Приморский р-н Архангельской обл., 2015 г.; ФА САФУ: П. 614.
5. Юрьева Л. С., 1949 г. р., с. Ручьи, Мезенский р-н Архангельской обл., 2011 г.; ФА САФУ: П. 610.

СОКРАЩЕНИЯ

П. – Папка

САФУ – Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломносова

ФА – фольклорный архив

ЦИТКЕС – Центр изучения традиционной культуры Европейского Севера

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеевский М. Д., Васкул А. И., Козлова И. В., Комелина Н. Г. Традиции рыбаков и зверобоев Терского берега Белого моря // Живая старина. 2009. № 2. С. 15–19.
2. Бернштам Т. А. Русская народная культура Поморья в XIX – начале XX в. Л.: Наука, 1983. 233 с.
3. Бернштам Т. А. Рыболовство на русском Севере во второй половине XIX – начале XX в. (по коллекциям и архивным материалам этнографических музеев Ленинграда) // Из культурного наследия народов России: Сборник Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1972. Вып. XXVIII. С. 63–98.
4. Давыдова Ю. А. Промысловый фольклор Поморья // Полевые вопросники и исследовательские программы для собирания фольклора / Под ред. Т. Б. Диановой. М.: Изд-во МГУ, 1999. С. 50–57.
5. Добровольская В. Е. «Всяка рыба хороша, коли на уду пошла...». Запреты и предписания, связанные с рыболовством // Живая старина. 2009. № 2. С. 29–31.
6. Дранникова Н. В. Фольклорная экспедиция Поморского университета в село Зимняя Золотица // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология. Материалы IV Международной школы молодого фольклориста (6–8 июня 2002 года, г. Архангельск). Архангельск, 2002. С. 83–92.
7. Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Труды ЭО ОЛЕАЭ. Кн. 5 Вып. 1–2. М., 1877–1878.
8. Кондратьева В. Г. Промысловый календарь в Поморье в конце XIX – начале XX веков // Традиционная культура Русского Севера: истоки и современность: Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции. Архангельск, 2010. С. 287–300.
9. Логинов К. К. Рыболовство Поморского села Нюхча // «Уведи меня, дорога»: Сборник научных статей памяти Т. А. Бернштам. СПб.: МАЭ РАН, 2010. С. 54–69.
10. Рыбачьи песни и сказы / Зап. текстов, статьи, примечания, словарь и указатели Р. С. Липец. М.: Госкультпросветиздат, 1950. 220 с.
11. У Белого моря: народные песни и сказы / Сост. Н. И. Рождественская. Архангельск: Архангельское книжное изд-во, 1958. 170 с.
12. Филин П. А. Этнографическое изучение поморов Терского берега Белого моря. Фонд А. А. Макаренко в Российском этнографическом музее // Полярный архив. Т. 1. М.: РНИИ культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева, 2003. С. 110–113.

Morozova T. N., Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russian Federation)

CURRENT STATE OF THE FISHERY FOLKLORE OF THE WHITE SEA WINTER SHORE

For local population, the Pomors, hunting, sealing, and fishing has always been one of the main occupations for an extended period of time due to the local natural conditions. Though Pomors' household traditions have changed with the course of time hunting continues to play an important role in their lives. Household peculiarities are reflected in Pomors' traditional culture: an extensive layer of fishery folklore has been developed. In this article we try to analyze the current state of Pomors' fishery folklore.

Key words: fishery folklore, Pomors, Winter Shore, belief, rites

REFERENCES

1. Alekseevskiy M. D., Vaskul A. I., Kozlova I. V., Komelina N. G. Traditions of the fishermen and sea-hunters of the Tersk Shore of the White Sea [Traditsii rybakov i zveroboev Terskogo berega Belogo moraya]. *Zhivaya starina*. 2009. № 2. P. 15–19.
2. Bernshtam T. A. *Russkaya narodnaya kul'tura Pomor'ya v XIX – nachale XX v.* [Russian folk culture of Pomorje in XIX – the beginning of XX centuries]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 233 p.
3. Bernshtam T. A. Fishing on the Russian North in the second half of XIX – the beginning of XX centuries (from the collections and archive materials of the ethnographic museums of Leningrad) [Rybolovstvo na russkom Severe vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. (po kollekttsiyam i arkhivnym materialam etnograficheskikh muzeev Leningrada)]. *Iz kul'turnogo naslediya narodov Rossii: Sbornik Muzeia antropologii i etnografii*. Leningrad, Nauka Publ., 1972. Issue XXVIII. P. 63–98.
4. Davydova Yu. A. The Pomor fishery folklore [Promyslovyy fol'klor Pomor'ya]. *Polevyye voprosniki i issledovatel'skie programmy dlya sobiraniya fol'klora* [Field questionnaires and research programs for the folklore collection] / Pod red. T. B. Dianovoy. Moscow, MGU Publ., 1999. P. 50–57.
5. Dobrovol'skaya V. E. "Each fish is good if it is snared..." Prohibitions and prescriptions for the fishing ["Vsyaka ryba khorosha, koli na udu poshla..."]. *Zaprety i predpisaniya, svyazannye s rybolovstvom*. *Zhivaya starina*. 2009. № 2. P. 29–31.
6. Drannikova N. V. Folklore expedition of the Pomor University to Zimnyaya Zolotitsa [Fol'klornaya ekspeditsiya Pomorskogo universiteta v selo Zimnyaya Zolotitsa]. *Kompleksnoe sobiranie, sistematika, eksperimental'naya tekstologiya: Materialy IV Mezhdunarodnoy shkoly mladogo fol'klorista* [Complex collecting, systematization, experimental textual criticism. Proceedings of the IV International Youth School of folk culture]. Arkhangelsk, 2002. P. 83–92.
7. Efimenko P. S. Sources for the ethnography of the Russian population of Archangel Province [Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoy gubernii]. *Trudy EO OLEAE*. Book 5. Issue 1–2. Moscow, 1877–1878.
8. Kondrat'eva V. G. The Pomor fishery calendar at the end of the XIX – the beginning of the XX century [Promyslovyy kalendar' v Pomor'e v kontse XIX – nachale XX vekov]. *Traditsionnaya kul'tura Russkogo Severa: istoki i sovremennost': Sbornik materialov vs Rossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Traditional Culture of the Russian North: the beginnings and the present: Materials of the Russian research and practice conference]. Arkhangelsk, 2010. P. 287–300.
9. Loginov K. K. Fishing of the Pomor village Nyukhcha [Rybolovstvo Pomorskogo sela Nyukhcha]. "Uvedi menya, doroga": *Sbornik nauchnykh statey pamyati T. A. Bernshtam* [Road, Take Me Away: Collected Papers Dedicated to T. A. Bernshtam]. St. Petersburg, 2010. С. 54–69.
10. *Rybatskie pesni i skazy* [Fishing songs and tales] / Zap. tekstov, stat'i, primechaniya, slovar' i ukazateli R. S. Lipets. M.: Goskul'tprosvetizdat Publ., 1950. 220 p.
11. *U Belogo morya: narodnye pesni i skazy* [Near the White Sea. Folk songs and tales] / Sost. N. I. Rozhdestvenskaya. Arkhangelsk, 1958. 170 p.
12. Filin P. A. Ethnographic studying of Pomors of the Tersk Shore of the White Sea. The A. A. Makarenko Fund in the Russian ethnographic museum [Etnograficheskoe izuchenie pomorov Terskogo berega Belogo morya. Fond A. A. Makarenko v Rossiyskom etnograficheskom muzei]. *Polyarnyy arkhiv* [Polar archive]. Vol. 1. Moscow, 2003. P. 110–113.

Поступила в редакцию 25.05.2015

ЮРИЙ ЛЕОНИДОВИЧ ЦВЕТКОВ

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной литературы факультета романо-германской филологии, Ивановский государственный университет (Иваново, Российская Федерация)
jzvetkow@mail.ru

МОДЕЛЬ МИФА Р. ВАГНЕРА И Ф. НИЦШЕ В ОПЕРНОМ ЛИБРЕТТО ГУГО ФОН ГОФМАНСТАЛЯ «ЕГИПЕТСКАЯ ЕЛЕНА»

Исследование принципов построения и структуры мифа в оперных либретто Р. Вагнера, философско-эстетических трудах Ф. Ницше и либретто оперы Гофмансталя привело к выводу о создании новой модели мифа, основной чертой которой является деконструкция традиционных подходов к нему. В оперных либретто Р. Вагнера германские мифы серьезно модернизировались с позиций романтизма, опирались на античную мифологию и впервые характеризовались авторским игровым началом. Ф. Ницше создает свою символистскую модель мифа на подчинении идей творца игре мировой воли, которая объединяет, смешивает и комбинирует элементы разных мифологических систем, лишая миф национальных корней и какого-либо логического объяснения. Впервые в отечественном литературоведении либретто «Египетской Елены» Гофмансталя обнаруживает основные составляющие модели мифа Вагнера и Ницше: заимствования персонажей, сюжетных линий и отдельных деталей из европейской и восточной мифологии, подчинение интриги авторской логике и современная психологизация поведения персонажей. Игровая в своей основе модель мифа Гофмансталя позволяет рассматривать либретто «Египетской Елены» с точки зрения постмодернистских литературоведческих стратегий.

Ключевые слова: миф, новая мифология, игра, деконструкция, романтизм, символизм, постмодернизм

Известный австрийский поэт и драматург символизма Гуго фон Гофмансталь (1874–1929) в поздний период творчества вновь обратился к греческой мифологии. Как и в зрелые годы, когда были созданы «модерные» интерпретации мифологических трагедийных сюжетов: «Электра» (1903) и «Эдип и сфинкс» (1905), а также либретто оперы «Ариадна на Наксосе» (1911), Гофмансталь отважился на создание мифологической оперы-эксперимента «Египетская Елена» (1927). Замысел автора, искушенного в современной европейской философии, эстетике и музыке, основывался на мифологических разработках Р. Вагнера и Ф. Ницше, которые являлись неоспоримыми авторитетами в попытках создания новой модели мифа. Поскольку миф был призван воспроизводить мифологическое сознание древних в адекватных вербальных и музыкальных формах, принципиально важным Гофмансталь считал тесное сотрудничество себя как либреттиста с композитором-единомышленником. Музыку оперы «Египетская Елена» написал, как и в случае с «Электрой» и «Ариадной на Наксосе», немецкий композитор и дирижер Рихард Штраус (1864–1949).

По мнению Гофмансталя, «настоящий миф» нашел в опере современную интерпретацию. В разные исторические периоды трактовки мифа значительно отличались друг от друга, а поиски универсальных моделей характерны и для XX века: «Поскольку живой миф – это прежде

всего сам принцип истинности, способ верификации, соответствующий данной конфигурации знания. Эта конфигурация, которая ощущается обыденным сознанием как самое постоянное, самое бесспорное, находится в состоянии непрерывной трансформации. Постоянное обновление необходимо и для того, чтобы – учитывая меняющуюся конфигурацию знания – миф выполнял свою извечную основную функцию: соединял несоединимое, объяснял принципиально необъяснимое» [8; 9].

Исследования в современной германистике и австриистике мифологических моделей конца XIX – начала XX века, «синтетических» по своей природе и авторскому замыслу, наиболее актуальны, поскольку, во-первых, позволяют полнее раскрыть постмодернистские (игровые) черты литературы венского и европейского модерна в лице создателей оперы – Гофмансталя и Штрауса, значительно повлиявших на развитие немецкоязычной словесности и западноевропейской оперы [13]. Во-вторых, ввести в обиход отечественного литературоведения достаточно сложное по своей структуре либретто оперы «Египетская Елена». В последние годы интерес к операм Гофмансталя – Штрауса значительно возрос в связи с постановками на сценах отечественных театров опер «Ариадна на Наксосе» и «Женщина без тени» (1915).

Из переписки Штрауса и Гофмансталя становится понятно, что «Египетская Елена» заду-

мывалась как легкая, веселая и жизнерадостная опера, во многом схожая с предыдущей совместной оперой «Кавалер с розой» (1910). До самого окончания работы над оперой и либреттист, и композитор следовали ее комедийному замыслу. Несмотря на то что для оперы была выбрана не особенно выразительная комедийная история, в одном из писем Гофмансталь сообщал: «Главное, чтобы все в целом оставалось легким. Это героический сюжет, но он рассматривается с комедийной точки зрения; так что из этого и следует определять стиль...» [18; 499]. Однако в процессе работы над оперой у Гофмансталь стали возникать сомнения, связанные со стилем произведения. В декабре 1923 года он писал Штраусу, что не знает, какого направления ему придерживаться: комедийного, как было задумано, или лирико-героического, как подсказывала избранная тема. Постепенно авторы пришли к смелой мысли о смешении стилей, что предопределило игровое начало оперы: «Все звучит, напоминая песенки, стиль значительно облегчен по сравнению с оперой “Ариадна”» [18; 495].

Главной причиной изменения авторского замысла следует считать своеобразие мифологического сюжета о Египетской Елене. В основу оперы положен известный в литературе («Елена» Еврипида, ок. 412 года до н. э.) и в музыке («Прекрасная Елена» Жака Оффенбаха, 1864) миф о Троянской Елене: «По... версии мифа, обстоятельно разработанной в 6 в. до н. э. Стесихором, Зевс или Гера подменили подлинную Елену ее призраком, из-за которой и шла Троянская война. Сама же Елена переносится в Египет, где живет под защитой старца Протея» [14]. Мотив надления героини иллюзорным призраком вызывает у интерпретаторов самое разное толкование.

Я. Э. Голосовкер, рассматривая версию мифа с точки зрения мифологической логики по отношению к традиционной, приходит к следующему выводу: «Если, согласно послегомеровской дельфийской версии, Парис вместо Елены увез в Трою призрак Елены, то есть Елену, сотканную из эфира (увез Елену иллюзорную), тогда все сказанное о Троянской войне покоится на первичном обмане...<...>...ибо оказывается, что ахейцы, сражаясь за Елену Спартакскую, сражались в действительности за призрак Елены. Боги их обманули. Сама же красавица, царица-богиня Спарты по воле богов попала в Египет, где ее и находит после гибели Трои Менелай» [3; 36]. С точки зрения Я. Э. Голосовкера, такие события вполне соответствуют сути мифа, так как одним из обязательных приемов мифа является первичный обман. Однако Гофмансталью эта версия мифа показалась слишком надуманной. Он писал: «Если Троянская война велась лишь из-за призрака, а эта Египетская Елена – единственно настоящая, это значит, что Троянская война была

страшным сном, и целое распадается на две половины: историю с привидениями и идиллию, которые не имеют между собой ничего общего, и все это не особенно интересно» [17; 502].

Гофмансталь создает свою, оригинальную версию мифа, по которой призрак Елены появляется уже после Троянской войны лишь для того, чтобы убедить несчастного мужа – Менелая – в верности его неверной супруги. Такое вольное обращение Гофмансталь с мифом и его переосмысление с точки зрения современности (конфликт «Египетской Елены» – это конфликт XX века, а не эпохи Троянской войны) уже встречались в истории литературы и музыки. По сути, музыкально-драматическое мифотворчество характерно уже для времени Древней Греции: все древнегреческие драмы были операми, музыкальное оформление которых не сохранилось до наших дней. Столь вольная обработка классического материала сближает Гофмансталь с принципами мифотворчества Р. Вагнера и Ф. Ницше.

Гофмансталь неоднократно отрицательно отзывался по поводу музыкальных творений Рихарда Вагнера (1813–1883), но «негативные высказывания о Вагнере почти всегда касались лишь его музыки. К Вагнеру как писателю и либреттисту Гофмансталь относился с большим уважением» [15; 20]. Хотя в переписке со Штраусом, особенно в процессе работы над оперой «Кавалер с розой», Гофмансталь часто предостерегал другого композитора от влияния Вагнера, но, несмотря на это, в «Египетской Елене» «снова побеждает “вагнеровский речитатив”» [15; 35]. Однако свое отношение к мифу Гофмансталь во многом заимствовал у Вагнера, для которого «миф служит шифром современных психологических, эстетических и общественных явлений...» [15; 41]. Для Гофмансталь же миф – всего лишь «обрамление», за которым также кроется современность. Вагнер, и следом за ним Гофмансталь, подчиняют миф своему индивидуальному замыслу.

Отличие концепции Гофмансталь заключается в том, что Вагнер в своем творчестве переосмыслил преимущественно германский миф (например, сюжеты из «Песни о Нибелунгах»). Однако влияние античной мифологии нельзя недооценивать. Например, в основе «Кольца Нибелунга» Вагнера явно проступают черты мифа греческого: верховный бог германцев Вотан похож на Зевса. Оба бога занимают свой трон с помощью преступления, коварства и обмана. Они побеждают своих врагов, подчиняют природные стихии и диктуют свои законы. Курт Хюбнер видел в германских героях Вагнера отражение греческих: «Брунгильда, подобно Прометею, восстает против бога: она тоже вступает за более человечный, свободный от божеского произвола миропорядок. И, как Прометей, она приковывается за это к пустынной скале. (Так, “прикованной”

называет Брунгильду Вагнер в «Тибели богов» (I, 3), с явной отсылкой на Прометея). Опять-таки, подобно Прометею, она знает тайну ожидаемого будущего избавителя. Прометею известно, что гонимая Ио родит сына, из рода которого выйдет Геракл; Брунгильда же знает, что преследуемая Зиглинда носит под сердцем Зигфрида, который, как она верит, станет «оплотом мира», «побеждающим светом»» («Зигфрид», III) [12; 361–362].

Проблемам древнегреческого мифа Вагнер посвятил серьезные исследования. В эстетических работах «Искусство и революция» (1849) и «Произведение искусства будущего» (1850) он проводит сопоставительный анализ античного и современного искусства. В этой связи рассматривается предназначение мифа в художественном произведении: «Мы не можем сделать и шага в исследовании развития нашего искусства без того, чтобы не заметить его непосредственной связи с *искусством греков*. Действительно, наше современное искусство является лишь звеном в художественной эволюции всей Европы, а эта эволюция началом своим обязана Греции» [1; 108].

Хотя Вагнер использует в своем творчестве отдельные элементы, заимствованные из древнегреческого наследия, он высоко оценивает роль мифа для современного и будущего искусства. Вагнер сравнивает греческое искусство с последующим – христианским и противопоставляет греческое мифологическое творчество и христианское религиозное. Вагнер отмечает отсутствие каких-либо положительных черт искусства христианской церкви, поскольку «в то время как греки для своего просвещения собирались в амфитеатре, где испытывали часами длившиеся глубочайшие наслаждения, христиане на всю жизнь запирались в монастырь; там судило народное собрание, здесь же творила суд инквизиция; там развитие государства вело к подлинной демократии, здесь же – к лицемерному абсолютизму» [1; 115].

Вагнер предпочитает изучать германскую мифологию. По его мнению, она ближе народу, и в ней отсутствует какая-либо литературность. Греческий миф Вагнер рассматривает в качестве примера потому, что он более разносторонне представлен в конкретных произведениях искусства по сравнению с германским. Вагнер верит в истинное возрождение мифологического искусства. Но этом пути возникают сразу же несколько уточнений. Во-первых, по мнению Вагнера, каждое отдельно взятое искусство не способно больше открыть сегодня ничего нового, так как все виды искусства по отдельности исчерпали себя, и лишь их синтез может возродить настоящее искусство: «Три главные художественные способности цельного человека непосредственно и сами собой получили, развившись, тройственное выражение в искусстве – первоначально в *ли-*

рическом произведении искусства, затем в своей высшей завершенности – в *драме*. Танец, музыка и поэзия – так зовутся три старшие сестры, которые сплетаются в хороводах повсюду, где только создаются условия для появления искусства» [2; 164]. Такая «синтетическая драма» или «Gesamtkunstwerk» должна быть построена, считает Вагнер, по принципу греческой музыкальной драмы.

Во-вторых, необходимо, считает Вагнер, освободить себя и прежде всего свое сознание от христианского догматизма, и, поскольку искусство – всегда миф, для его возрождения необходимо обратиться к мифологии. В-третьих, Вагнер подробно изучает мифологические корни искусства по причине особого восприятия общественных перемен. Вагнер возвышенно мечтал о революции, приход которой был для него неизбежен: «Она приближается на крыльях бурь, с высоко поднятым челом, озаренным молниями, карающими и холодными очами, и все же какой жар чистейшей любви, какая полнота счастья сияет в них для того, кто дерзает смелым взглядом посмотреть в эти темные очи!» (цит. по: [5; 473]).

Обращение к мифу, по Вагнеру, освобождает человека и обуславливает некую утопическую революцию, которая приведет к всеобщему счастью. Наконец, мифология у Вагнера является порождением истинно народного творчества, и, возрождая мифы, художник приобщается к чему-то первобытному и хаотичному, производя нечто общепонятное из всеобщего хаоса, приравнивая тем самым себя к богу. Вагнер-романтик никогда не смеется над мифом. Для него – это способ уйти от реальности, потому что она слишком скучна и дисгармонична, а истинный художник может выразить в своем творчестве вечные проблемы, которые он находит в мифе. Вагнер стремится «освободить эти мифы от противоречивых воздействий христианской мысли и восстановить в них вечную поэму чистой человечности...» [4; 48–49]. Для немецкого эстетика, драматурга и композитора в мифе скрыто мироощущение всего человечества, но для того, чтобы его понять, необходимо очистить миф от всех последующих наслоений.

Созданию «новой мифологии», наряду с Вагнером, посвятил свои первые теоретические исследования один из его учеников – Фридрих Ницше (1844–1900). Правда, понимание мифа у него несколько иное. В процессе развития своих идей Ницше, который вначале преклонялся перед Вагнером и считал его своим учителем, создал свою символистскую модель мифа. Если Вагнер пытался переосмыслить миф с позиций романтического мышления, находя логическое объяснение мифу, то Ницше, наоборот, исходит из того, что миф является игрой интеллекта поэта, который подчиняет свое сознание игре ми-

ровой воли, поэтому миф не требует никакого объяснения.

Если Вагнера интересовали мифы как корни истории народа, то для Ницше миф – доказательство его философских идей. Так, например, рассматривая «Прометея» Эсхила в «Рождении трагедии из духа музыки» (1872), Ницше пишет следующее: «Художник – титан твердо уверовал в то, что он способен создавать людей и по меньшей мере уничтожать олимпийских богов, и к этой вере его привела высшая мудрость, купленная, правда, ценою вечных страданий. Великое “могущество” гения, за которое не грех заплатить даже что-то более дорогое, чем вечные страдания, суровая гордость художника – таково содержание, такова душа творения Эсхила...» [9; 173]. Оправдывая созидательные и разрушительные силы Прометея, Ницше утверждает свою философскую модель мифа, основанного на дихотомии дионисийского и аполлинийского начал в аттической трагедии, что свидетельствует о разработке мифа о Загрее – Дионисе.

Главной фигурой мифологии Ницше является Дионис. Он должен был стать главным персонажем грандиозной трагедии (из девяти драм), наподобие второй части «Фауста» И. В. Гёте или четырех частей «Кольца Нибелунга» Вагнера. Сохранился лишь план «мировой трагедии», открывающей взгляд на историю человечества в представлении философа-филолога: «Ницше на пути мифотворчества разрабатывает три мифологические темы: космогоническую мифологию, связанную с Зевсом, мифологию Диониса и Прометея, причем две последние темы в духе идей “Рождения трагедии” естественно связываются друг с другом, так как Прометей, как и Эдип, – маска страдающего Диониса» [7; 30].

Дионисийско-аполлинийская трактовка мифа Ницше была попыткой представить искусство символом воли к власти и вечного становления. В книге «Рождение трагедии из духа музыки» история античного искусства интерпретируется Ницше как столкновение и противоборство дионисийского и аполлинийского принципов, и только рождение аттической трагедии ведет их к синтезу: аттическая трагедия рождается из пения трагического хора. Дионисийский художник, по мысли Ницше, полностью сливается с первоединым началом и «воссоздает в музыке образ этого начала, хотя обычно музыкальное искусство по праву считают повторением мира, его слепком; теперь эта музыка вновь открывается взору, и происходит это под влиянием аполлинийских сновидений – как во сне-притче» [9; 152].

Для Ницше искусство – не субъективная деятельность романтика, а деятельность творца мира: «...мы же не творцы мира искусства, – скорее, для подлинного творца мира мы являемся лишь образами и художественными проекция-

ми» [9; 155]. По Ницше, искусство отражает сущность бытия, которое является игрой незримой и иррациональной воли вне пространства и времени. В «Рождении трагедии» музыка творит миф, снимая какие-либо логические связи, свойственные человеческому сознанию. Миф о Дионисе становится своеобразным символическим аналогом музыки. Ницше не ограничивается мифотворческой историей аттической трагедии. Он пытается создать новую мифологию.

В «символической книге» Ницше «Так говорил Заратустра: Книга для всех и для никого» (1885) главный герой – фигура мифическая, поэт и пророк бога Диониса. Ницше создает не модификацию мифа греческого, а смело создает новый миф. Заратустра – имя персидского пророка огня Зороастра. Он несет людям блага, как Прометей или шумерский бог Энки. Он подобно египетскому богу Амону-Ра восходит и закатывается, как солнце, и проливает из себя чашу мудрости. Ницше не только объединяет в одном герое черты многих мифологических персонажей, но и представляет три мифологические системы, играющие различные роли: «идеала, антиидеала и кривого зеркала, иными словами – роли героя, чудовища и трикстера. *Героем* здесь, несомненно, является греческий миф, чудовищем – христианская мораль, о которой Ницше пишет и в своей прозе, трикстером – миф древнегерманский, или, точнее, древнегерманский миф в интерпретации Рихарда Вагнера» [7; 191]. Дионисийская игра для Ницше – источник постоянных метаморфоз и смены масок. В этой игре философская идея, облаченная в музыкально-поэтическую форму, создает мифологию Заратустры – Диониса.

Несмотря на расхождения в трактовке мифа, Вагнер и Ницше создали единую по своей сути общую его модель. Во-первых, миф является отражением не только глубокой древности, но и настоящего и будущего, причем все три временных среза представлены в мифе цельным единством. Поэтому миф необходимо тщательно изучать, чтобы найти и осознать свое место в истории. Но это трудная задача, так как дошедшие до нас мифы приобрели в процессе их передачи от поколения к поколению различные посторонние наслоения. Во-вторых, для истинного понимания мифа нужно освободить его от всех побочных напластований. При подобной «очистке» вероятна возможность ошибки, то есть вместе с наслоениями могут отбрасываться и существенные элементы «чистого мифа». В результате этого процесса создается новая версия мифа, что, впрочем, ни в коей мере не может быть поставлено в вину, поскольку понимание мифа субъективно-индивидуальное, и каждый понимает миф настолько, насколько он в состоянии его понять, то есть каждый человек трактует миф по-своему и герменевтически создает свою модель мифа.

Подобное отношение к мифу мы наблюдаем и у Гофманстала. «Египетская Елена» обнаруживает сходные черты мифологизации Вагнера и Ницше, хотя Гофмансталь использует и иные приемы, которые порой осложняют понимание оперы и уводят зрителя (слушателя) в неведомый иллюзорный мир. Объединяя в опере вагнеровское и ницшевское начало, Гофмансталь, с одной стороны, объясняет миф с позиций разума, с другой стороны, с точки зрения самого мифа. Причем мифическое в опере не ограничивается рамками одной мифологии. Гофмансталь раздвигает границы мифологического космоса настолько, насколько он считает нужным, привнося образы, развитие сюжета или отдельные детали из разных мифологических систем.

Автор вводит в драму образ мусульманской мифологии – пророка Да-уда. В Коране он назван царем, наместником Аллаха. Да-уд был также мудр, как Сулайман, и выносил решения в трудных спорах [10]. Из восточных мифов был заимствован мотив женщины – посредницы между реальным и нереальным мирами: Елена выступает в либретто как звено, соединяющее волшебство Аитры и магическую силу эльфов, волшебных напитков и плаща-самолета (нереальный мир) с Менелаем, а вместе с ним со всеми остальными образами либретто (реальный мир). От греческой традиции этот мотив достаточно далек, но арабская мифология знает много примеров такого посредничества, причем посредниками почти всегда выступают женщины (сказки «Тысячи и одной ночи»).

В то же время Елена выражает «демоническую основу» женской природы, характерную для семито-хамитской (например, иудейской) традиции. В греческой мифологии женщина скорее должна быть божественной, как неоднократно называет Елену Менелай, воспринимающий ее глазами грека: «O meine Tochter: // glückliches Kind! // Welch eine Mutter // Bring ich dir heim!» [16; 490]. – «О, дочь моя, счастливое дитя! Какую мать я возвращаю тебе!». Для Елены стало обыкновением обращаться к символам дня и ночи: «Mond und Meer, // Erde und Nacht, // helfet mir jetzt!» [16; 438]. – «Луна и Море, Земля и Ночь, помогите же мне!». Призывные возгласы Елены во многом напоминают жреческий культ богини Артемиды: «Древнее представление об Артемиде связано с ее лунной природой, отсюда ее близость к колдовским чарам... В Троянской войне она вместе с Аполлоном воюет на стороне троянцев, что объясняется малоазийским происхождением богини» [11].

Ярко выражена восточная мифологическая традиция в финале драмы. Для греческой мифологии не столь характерна счастливая развязка. Этому факту можно найти много объяснений как исторического, философского, так и литера-

турного свойства. В подавляющем большинстве случаев древнегреческий миф – это трагедия (в отличие от комедии, использовавшей бытовые сюжеты). На Востоке же миф не ограничен никакими правилами: он может быть выражен в форме сказки, басни или даже анекдота. С этой точки зрения жизнерадостный финал «Египетской Елены» логично вписывается в восточную традицию.

Третий источник драмы – вкрапления из германской, точнее кельтской, традиции в образах эльфов, которых невозможно представить во времена Троянской войны, тем более в Египте и рядом с волшебницей. Эльфы понимаются Гофмансталем субъективно. В общепринятом понимании эльфы – это безобидные существа, незаметные ввиду своего маленького роста и творящие зло по отношению к человеку лишь в том случае, если человек сам нарушил их безмятежный покой созерцателей жизни. Но у Гофманстала эльфами являются «... жестокие создания, назойливые как мухи, и злые... В их смехе или в их “да-да-да-да-да!” должно быть нечто демоническое...» [18; 449–450]. Обозначение «эльфы» закреплено авторским сознанием за этими существами достаточно условно.

Реминисценциями из тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга» («Гибель богов», 1874) можно рассматривать напиток забвения и напиток воспоминания в «Египетской Елене». Как бы Гофмансталь не утверждал, что эти мотивы восходят к напитку забвения из «Одиссеи» Гомера, «в легендах и мифах эти напитки – нечто постоянное, задолго до Гомера, в индийских легендах, в германских, повсюду!» [18; 423], все-таки использование подобных мотивов в литературно-музыкальном произведении Вагнера сыграло немаловажную роль.

Наконец, образ Всевидающей Раковины имеет своим источником, скорее всего, средневековую мистику. Раковина – часть моря и должна знать о нем, о Посейдоне, о котором ее и вопрошает волшебница Аитра. Но Раковина способна «видеть» то, что происходит на блуждающем корабле, имеющем к морю косвенное отношение, а также происходящее как на палубе, так и в трюме корабля. Раковина приобретает тем самым функцию волшебного талисмана, наподобие магического кристалла, зеркала или перстня.

Гофмансталь объединяет в единую музыкальную игровую ситуацию сюжеты, образы, мотивы и композиционные особенности европейской и восточной мифологии и переносит действие либретто в Африку. Такой нестандартный территориально-временной синтез не мог не сказаться на восприятии оперы. Гофмансталь считал оперу самым лучшим своим произведением, а музыкальное оформление «конгениальным и в первый раз полностью равновеликим тексту. Он и Штра-

ус видели в «Египетской Елене» вершину своей совместной деятельности» (цит. по: [15; 36]). Однако публика достаточно холодно приняла оперу, и даже, несмотря на упрощение второго акта в 1833 году, отношение к опере осталось прежним. Впоследствии это мнение стало доминирующим. Важно в данном случае то, что музыка Штрауса, как и либретто Гофманстала, представляет синтез музыкальных стилей, которые создали общую тональность оперы. Экспериментальным в опере можно считать расстановку голосов и инструментов оркестра: основные голосовые партии и подавляющее большинство инструментов звучат в верхнем регистре, два не ведущих голоса (Альтаир и Раковина) и небольшая часть оркестра заполняют средний регистр, а в нижнем регистре звучат лишь несколько инструментов. Приглушение басового инструментального тона заметно нарушает традиционную музыкальную гармонию оперы. Музыкальный эксперимент Штрауса, видимо, оказался для слушателей слишком смелым. Намного проще оказалось объявить оперу «слабой» [6; 439–440].

Таким образом, Гофмансталь творчески воспроизводит в либретто оперы «Египетская Елена» игровую модель мифа Р. Вагнера и Ф. Ницше. Персонажи либретто являются неотъемлемой частью разных мифологических систем, но подчиняются они законам авторского сознания, что порождает новую мифологическую систему. Она создается благодаря синтезу различных мифологических корней, традиций разных народов, что, с одной стороны, позволяет придать отдельным

образам конкретные черты, а с другой – лишает произведение национально-культурной основы. Новая модель мифа, включающая в себя западные и восточные традиции, искупает отсутствие национального колорита.

Можно сказать, что мы наблюдаем процесс постепенной деконструкции мифа в его традиционном понимании, что ярко демонстрирует опера «Египетская Елена». Действительно, герои либретто похожи на современников автора, их поступки мотивированы психологией человека XX века, события следуют одно за другим в соответствии с авторской логикой. Незначительную роль играет тот факт, что имена персонажей заимствованы из древнегреческой, мусульманской или кельтской мифологии, а также и то, что действие происходит в некой абстрактно-нереальной действительности. Существенным моментом в произведении остается частично мифологизированное сознание, сохранившееся лишь в тех случаях, когда связь событий поддается не логическому, а мифологическому объяснению. Однако этот аспект занимает в либретто довольно скромное место. Самые значительные этапы сюжетного развития объясняются с точки зрения формальной логики, а авторский замысел и смысл произведения с полной ясностью излагаются в переписке драматурга и композитора. Игра на уровне системы персонажей, интриги и музыкально-драматического дискурса позволяют рассматривать оперу Гофманстала – Штрауса в русле постмодернистских исканий последней трети XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вагнер Р. Искусство и революция // Вагнер Р. Избранные работы. М.: Искусство, 1978. С. 107–141.
2. Вагнер Р. Произведение искусства будущего // Вагнер Р. Избранные работы. М.: Искусство, 1978. С. 142–261.
3. Голосовкер Я. Э. Логика античного мифа // Голосовкер Я. Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. С. 8–76.
4. Дудкин В. В. Дегуманизация мифа (От Вагнера к Ницше) // Литература и мифология. Л.: Изд-во Ленинградского пед. ин-та, 1975. С. 41–55.
5. История музыкальной эстетики / Сост. С. А. Маркус: В 2 т. Т. 2. Романтизм и борьба эстетических направлений. М.: Музгиз, 1968. 687 с.
6. Краузе Э. Рихард Штраус: Образ и творчество. М.: Музгиз, 1961. 611 с.
7. Лейбель Е. Ницше: образы и мифотворчество. СПб.: ПЕТРОНИЙ, 2008. 240 с.
8. Мириманов В. Искусство и миф. Центральный образ картины мира. М.: Согласие, 1997. 328 с.
9. Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки // Стихотворения. Философская проза. СПб.: Художественная литература, 1993. С. 130–249.
10. Пиотровский М. Б. Дауд // Мифологический словарь / Под. ред. Е. М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 174.
11. Тахо-Годи А. А. Артемиды // Мифологический словарь / Под. ред. Е. М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 64.
12. Хюбнер К. Истина мифа. М.: Республика, 1996. 448 с.
13. Цветков Ю. Л. Литература венского модерна. Постмодернистский потенциал. М.: Иваново: МИК, 2003. 432 с.
14. Ярхо В. Н. Елена // Мифологический словарь / Под. ред. Е. М. Мелетинского. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 205.
15. Borchmeyer D. Der Mythos als Oper: Hugo von Hofmannsthal und Richard Wagner // Hofmannsthal-Forschungen. 1983. № 7. S. 5–49.
16. Hofmannsthal H. von. Die Ägyptische Helena. Oper in zwei Aufzügen // Hofmannsthal H. von. Gesammelte Werke. Dramen V. Operndichtungen. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1986. S. 425–490.
17. Hofmannsthal H. von. Die Ägyptische Helena: Essay // Hofmannsthal H. von. Gesammelte Werke. Dramen V. Operndichtungen. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1986. S. 498–512.
18. Strauß R. – Hofmannsthal H. von. Briefwechsel. Zürich: Atlantis Musikbuch-Verlag, 1978. 622 s.

Tsvetkov Yu. L., Ivanovo State University (Ivanovo, Russian Federation)

MYTH MODEL BY R. WAGNER AND F. NIETZSCHE IN HUGO VON HOFMANNSTHAL'S OPERA LIBRETTO "EGYPTIAN HELEN"

A research on the construction principles and myth patterns in opera librettos by R. Wagner, philosophical and aesthetic writings of F. Nietzsche, and an opera libretto by Hofmannsthal has led to a conclusion on the creation of a new myth model, the main feature of which is a deconstruction of traditional approaches to it. In opera librettos by R. Wagner Germanic, myths were considerably reviewed from the standpoint of romanticism based on ancient mythology and for the first time were characterized by the author's game-like approach. Nietzsche creates his own symbolic model of the myth based on the subordination of Creator's ideas to the game of the World's Will, which unifies, mixes, and combines elements of different mythological systems, depriving the national myth of its roots or any logical explanation. For the first time in Russian literary criticism, Hofmannsthal's libretto from "Egyptian Helen" is shown to have the main components of Wagner's and Nietzsche's myth model: adoption of characters, storylines and certain details from European and Oriental mythology; subordination of the intrigue to the author's logic and contemporary psychologisation of characters' behavior. Hofmannsthal's game-like nature of the myth model enables us to consider the libretto of "Egyptian Helen" in terms of postmodern literary strategies.

Key words: myth, new mythology, game, deconstruction, romanticism, symbolism, postmodernism

REFERENCES

1. Vagner R. Art and revolution [Iskusstvo i revolyutsiya]. *Vagner R. Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. P. 107–141.
2. Vagner R. Artwork of the future [Proizvedenie iskusstva budushchego]. *Vagner R. Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1978. P. 142–261.
3. Golosovker Ya. E. The Logic of classical myth [Logika antichnogo mifa]. *Golosovker Ya. E. Logika mifa* [The Logic of myth]. Moscow, Nauka Publ., 1987. P. 8–76.
4. Dudkin V. V. The Dehumanization of the myth (From Wagner to Nietzsche) [Degumanizatsiya mifa (Ot Vagnera k Nitshe)]. *Literatura i mifologiya* [Literature and mythology]. Leningrad, Izd-vo Leningradskogo ped. in-ta Publ., 1975. P. 41–55.
5. *Istoriya muzykal'noy estetiki: V 2 t. T. 2. Romantizm i bor'ba esteticheskikh napravleniy* [The history of musical aesthetics: In 2 vol. Vol. 2. Romanticism and the struggle of aesthetic directions] / Compl. S. A. Markus. Moscow, Muzgiz Publ., 1968. 687 p.
6. Krauze E. *Rikhard Shtraus: Obraz i tvorchestvo* [Richard Strauss: Image and creativity]. Moscow, Muzgiz Publ., 1961. 611 p.
7. Leybel' E. *Nitshe: obrazy i mifotvorchestvo* [Nietzsche: imagery and myth]. St. Petersburg, PETRONIY Publ., 2008. 240 p.
8. Mirimanov V. *Iskusstvo i mif. Tsentral'nyy obraz kartiny mira* [Art and myth. The Central image of the World Picture]. Moscow, Soglasie Publ., 1997. 328 p.
9. Nitshe F. The Birth of tragedy from the spirit of music [Rozhdenie tragedii iz dukha muzyki]. *Nitshe F. Stikhotvoreniya. Filosofskaya proza* [Poems. Philosophical prose]. St. Petersburg, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1993. P. 130–249.
10. Piotrovskiy M. B. Dowd [Daud]. *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary] / Edited by E. M. Meletinskiy. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 174.
11. Takho-Godi A. A. Artemis [Artemida]. *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary] / Edited by E. M. Meletinskiy. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 64.
12. Khyubner K. *Istina mifa* [Truth of the myth]. Moscow, Respublika Publ., 1996. 448 p.
13. Tsvetkov Yu. L. *Literatura venskogo moderna. Postmodernistskiy potentsial* [Literature of Viennese Art Nouveau. Postmodern potential]. Moscow; Ivanovo, MIK Publ., 2003. 432 p.
14. Yarkho V. N. Helen [Elena]. *Mifologicheskii slovar'* [Mythological dictionary] / Edited by E. M. Meletinskiy. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1990. P. 205.
15. Borchmeyer D. Der Mythos als Oper: Hugo von Hofmannsthal und Richard Wagner // Hofmannsthal-Forschungen. 1983. № 7. S. 5–49.
16. Hofmannsthal H. von. Die Ägyptische Helena. Oper in zwei Aufzügen // Hofmannsthal H. von. Gesammelte Werke. Dramen V. Operndichtungen. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1986. S. 425–490.
17. Hofmannsthal H. von. Die Ägyptische Helena: Essay // Hofmannsthal H. von. Gesammelte Werke. Dramen V. Operndichtungen. Frankfurt am Main: S. Fischer, 1986. S. 498–512.
18. Strauß R. – Hofmannsthal H. von. Briefwechsel. Zürich: Atlantis Musikbuch-Verlag, 1978. 622 s.

Поступила в редакцию 08.10.2015

АННА ЮРЬЕВНА НИЛОВА

кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
 annnilova@yandex.ru

ЛЕРМОНТОВСКИЙ ФРАГМЕНТ «ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ МОГУЧЕГО РИМА...»: ОСОБЕННОСТИ ФОРМЫ И ПРОБЛЕМА ИСТОЧНИКОВ*

Рассматриваются проблемы источников создания и метрико-интонационного оформления лермонтовского фрагмента «Это случилось в последние годы могучего Рима...» – одного из немногих обращений поэта к гекзаметру и древнеримскому материалу. Анализируется соотношение дактилических и хореических стоп, особенности постановки цезуры, синтаксический перенос. Эксперименты Лермонтова в области гекзаметра в целом соответствуют функционированию этого размера в русской поэзии первой трети XIX века. Находясь под очевидным влиянием повествовательного стиля Жуковского в области метра, поэт приближает интонацию своего фрагмента к гекзаметру героическому. В плане источников текста отмечается общность образов героини фрагмента и Тамары из поэмы «Демон». Рассматриваемый фрагмент и VI редакция, в которой происходит существенное изменение сюжета, создавались в один год. Очевидно, Лермонтов попытался апробировать этот романтический тип на ином историко-культурном материале, однако оставил этот опыт незавершенным и сосредоточился на написании поэмы.

Ключевые слова: Лермонтов, Жуковский, «Ундина», «Демон», гекзаметр

Лермонтовский фрагмент «Это случилось в последние годы могучего Рима...» был написан, вероятно, в 1838 году и не предназначался для публикации. Однако, как один из немногих случаев обращения Лермонтова к гекзаметру и древнеримской тематике, этот фрагмент заслуживает особого внимания. В качестве возможных источников его замысла указывают традицию христианской агиографии, евангельские сюжеты об обращении Марии Магдалины и воскрешении дочери Иаира, образ ревущего Тибра и пещеры из «Энеиды» Вергилия [1], а также стихотворную сказку В. А. Жуковского «Ундина» [5]. Как отмечает Э. Найдич, «поэт обратился к гекзаметру, может быть, под воздействием вышедшей в 1837 году отдельным изданием повести В. А. Жуковского “Ундина” (свободная переработка прозаической повести немецкого писателя Ф. де ла Мотт Фуке). Характер гекзаметра, интонации живой разговорной речи напоминают повествовательную манеру Жуковского» [5; 625–626]. Однако здесь сложно согласиться с выводом авторитетного автора. Гекзаметр лермонтовского фрагмента отличается от гекзаметра произведения Жуковского.

К тому моменту когда Лермонтов впервые обратился к гекзаметру, уже закончилась бурная дискуссия 1810-х годов об облике русского гекзаметра и этот размер прочно вошел в литературу. Начинаящий поэт имел готовые образцы не только героического гекзаметра, созданного Н. И. Гнедичем при переводе «Илиады», но и повествовательного, образцы которого мы находим в произведениях Жуковского. Рассматриваемый

фрагмент состоит из 32 стихов, из которых 21 (65 %) – собственно дактилические, 6 (18 %) – дактило-хореические.

По подсчетам М. Л. Гаспарова, у Гнедича 80 % строк являются чистыми дактилями, в эпических произведениях Жуковского число дактилических строк достигает 99 % [3; 132], но в его идиллиях, сказках и романтических произведениях собственно дактилических строк всего 30–40 % [3; 32]. С выводами М. Л. Гаспарова согласен С. М. Бонди [2; 328], также он указывает на соотношение дактилических и дактило-хореических строк в идиллии Дельвига «Друзья»: 78 к 49 [2; 328]. Таким образом, соотношение собственно дактилических и дактило-хореических строк в лермонтовском отрывке сближает его не с героическим эпосом, а с «повествовательными» произведениями русских поэтов. Внутри стиха хореические стопы распределяются следующим образом: два случая хорея в 4-й стопе, два в 1-й, один во 2-й, один в 3-й. Можно говорить о разнообразии вариаций хорея, но незначительность фрагмента и малое количество хореических стоп не позволяют сделать вывод о какой-либо системе, отметим только, что хореи не употребляются в 5-й стопе, где их по правилам быть не должно.

Пять строк в рассматриваемом фрагменте (15 %) неправильные:

Бог его в людях своей благодатью прославил (5-ст. дактиль); *И от страданий душевных. Рано утром однажды* (5-ст. дактиль, в 3-й стопе три безударных слога); *Дряхлые старцы, любясь на белые плечи, волнистые кудри* (7-ст. дактиль); *На темные очи ее, молодели; и юноши страстным*

(6-ст. амфибрахий) (этот случай проанализирован в работе [7; 44]); *К Тибру спускалась она за водою... иль в пляске* (5-ст. дактиль).

Здесь следует отметить, что подобные нарушения встречались и у предшественников Лермонтова. А. Н. Егунов находит неоднократные нарушения гекзаметра в переводе «Илиады», сделанном Н. И. Гнедичем [4; 246]. А. Ф. Мерзляков, преподававший поэту в Благородном пансионе и на дому, в 1805 году перевел фрагмент VIII книги «Одиссеи» шестистопным амфибрахией, этим же размером он писал и гимны. Такие замены канонического для гекзаметра дактиля амфибрахией, а также сокращение строки до 5 стоп М. Л. Гаспаров называет «дериватами гекзаметра», помогающими избежать монотонности античного стиха [3; 133]. Вполне возможно, что на Лермонтова повлияли как метрические эксперименты его учителя, так и опыт других авторов. Кроме того, не будем забывать, что перед нами незаконченный фрагмент, который, в случае его окончательного оформления, безусловно, был бы исправлен.

Обязательной частью классического гекзаметра является цезура, однако русские поэты нередко игнорировали правила ее употребления. В уже цитированной работе С. М. Бонди приводятся примеры неканонических цезур в переводах Гомера Гнедичем и Жуковским [2; 337, 339]. В рассматриваемом фрагменте нами выделены 4 случая пятиполовинной цезуры («penthemimeres»):

Бог его в людях своей // благодатью прославил; Чудный он дар получил: // исцелять от недугов телесных; Молим во храмах и жжем // ароматы на мраморе холодном; Игры наскучили ей, // и взор отуманился думой;

5 случаев цезуры «после третьего хорей» («kata triton trochaion»):

Царствовал грозный Тиверий // и гнал христиан беспощадно; И от страданий душевных. // Рано утром однажды; Так она говорила, // — мы наших богов неотступно; Звонким ребяческим смехом // родительский слух утешая; Только в последнее время // приметно она изменилась.

Другие случаи внутри стиховых пауз не соответствуют традиционным правилам употребления цезуры, в некоторых строках этих пауз нет вообще (*Это случилось в последние года могучего Рима*), и в целом использование Лермонтовских цезур соответствует общей тенденции к ее устранению, наблюдаемой в поэзии его времени.

В. А. Жуковский, создавая свою «стихотворную повесть», стремился создать эффект живого естественного рассказа. Этому способствует отказ от цезур и обилие синтаксических переносов — enjambement: в первых 32 строках «повести» (отрывок, по объему равный лермонтовскому фрагменту) enjambement отсутствует только в 6 строках, 24 строки объединены синтаксическим переносом. У Лермонтова enjambement ис-

пользуется лишь 13 раз, то есть в два раза реже, что в сочетании с цезурами, присутствующими в трети строк, создает большую прерывистость, приближаясь, скорее, к переводу «Илиады» Гнедича, где enjambement в первых 32 строках используется 8 раз.

Что же действительно объединяет произведения двух поэтов, так это отмеченная исследователем близость зачинов и содержания: «...обращает на себя внимание сходство первой строки “Это случилось в последние годы могучего Рима” (у Жуковского: “Лет за пятьсот и поболее это случилось”). Действующие лица повести Лермонтова — “старуха простого звания” и ее муж. Они просят праведного старца воскресить внезапно умершую дочь. Это в известной степени перекликается с началом “Ундины”, где старый рыбак и его жена внезапно потеряли любимую дочь и при таинственных обстоятельствах “получили взамен” девочку “чудной прелести” — Ундину» [5; 626]. Кроме того, рассматриваемый отрывок имеет параллели не только в поэзии Жуковского, но и самого Лермонтова. Схожую ситуацию: красивая, жизнерадостная девушка, восхищавшая всех вокруг, вдруг теряет интерес к былым развлечениям — мы наблюдаем в поэме «Демон». Кроме схожей коллизии, в этих двух произведениях можно заметить схожие характеристики главных героинь:

«Демон»: «...по ним мелькая, / Покрыта белою чадрой / Княжна Тамара молодая / К Арагве ходит за водой».

«Это случилось в последние годы могучего Рима...»: «...напевая простую / Песню, амфору держа над головой осторожно, тропинкой / К Тибру спускалась она за водою».

«Демон»: «...и бубен свой / Берет невеста молодая. / И вот она, одной рукой / Кружа его над головой, / То вдруг помчится легче птицы, / То остановится...»

«Это случилось в последние годы могучего Рима...»: «...иль в пляске, / Перед домашним порогом, подруг побеждала искусством, / Звонким, ребяческим смехом родительский слух утешая...»

Во внешности девушек воплощается представление о красоте соответствующих народов и культур: страстная жгучая грузинка Тамара и полная достоинства статная римлянка Виргиния.

Сложная история длительного создания поэмы «Демон» подробно описана в литературе, Лермонтов работал над ней на протяжении 10 лет, постепенно изменяя сюжет и образы героев. В ранних редакциях действие поэмы происходит в монастыре, и Демон влюбляется в прекрасную монахиню. Только в VI редакции появляется описание Кавказа и танца Тамары, которое лишь с небольшими изменениями перейдет в более поздние варианты и перекликается с описанием танца Виргинии. Здесь и впервые объясняется причина изменения поведения героини и ее вне-

запного ухода в монастырь: после смерти жениха «пришлец туманный и немой» возмущил ее мысль «мечтой пророческой и странной», лишив былого спокойствия и безмятежности. Такой же неожиданной и непонятной становится перемена в поведении Виргинии. VI редакцию Лермонтов заканчивает в сентябре 1838 года, а в январе этого же года он встретился с Жуковским, который с симпатией отнесся к молодому поэту и подарил ему изданный годом ранее экземпляр «Ундины» [6; 224]. Вероятно, отрывок «Это случилось в последние годы могучего Рима...» стал попыткой Лермонтова использовать тот романтический тип, который оформился в образе Тамары, в кон-

тексте древнеримского материала. Обращение же к античному сюжету было вызвано гекзаметром «Ундины», близкой поэту своим символическим романтизмом. Однако, как это неоднократно отмечалось, Лермонтов, часто используя мотивы, образы, идеи, даже выражения других авторов, радикально, порой до неузнаваемости, их трансформирует или помещает в иной контекст. Так произошло и в этом случае: вдохновившись романтической повестью-сказкой Жуковского, поэт не только избирает совершенно иной сюжет, но и останавливается на другом интонационном варианте гексаметра, менее сказочном и более героическом.

* Работа выполнена в рамках реализации Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 годы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ариштейн Л. М. «Это случилось в последние годы могучего Рима...» // Лермонтовская энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1981. С. 639.
2. Бонди С. М. Пушкин и русский гекзаметр // Бонди С. М. О Пушкине. М.: Художественная литература, 1978. С. 310–371.
3. Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М.: Фортуна лимитед, 2002. 352 с.
4. Егунов А. Н. Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М.: Индрик, 2001. 400 с.
5. Найдич Э. Э. Примечания // Лермонтов М. Ю. Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отд-ние. Т. 2. Стихотворения и поэмы. 1989. С. 597–657.
6. Найдич Э. Штосс // Найдич Э. Этюды о Лермонтове. СПб.: Художественная литература, 1994. 256 с.
7. Плунгян В. А. Неклассический стих Лермонтова: Некоторые детали // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2014. № 7 (144). С. 40–51.

Nilova A. Yu., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

LERMONTOV'S FRAGMENT "IT HAPPENED IN THE LAST YEARS OF POWERFUL ROME...": THE PROBLEM OF SOURCES AND FORMS

The article deals with the problem of original sources and metric-intonational arrangement of Lermontov's fragment "It happened in the last years of powerful Rome...", one of the few poet's references to hexameter and Roman material. We analyze relationship between dactylic foot and trochaic foot, characteristic features of censorship performance, and syntactic transfer. Lermontov's experiments in hexameter proper functioning of this size correspond with the functioning of the Russian poetry of the first third of the 19th century. Lermontov was obviously influenced by the narrative style of Zhukovsky in the choice of the meter, albeit that he advanced his intonation fragment to the heroic hexameter. As far as the sources of the text are concerned, a marked similarity between the heroine from Lermontov's fragment and the image of Tamara from the poem "The Demon" is observed. The studied fragment and the fourth edition of the poem were created in one year. Lermontov attempted to employ this romantic type in another historical and cultural material, but he left his project unfinished. Instead, he focused his attention on the writing of the poem.

Key words: Lermontov, Zhukovsky, "It happened in the last years of powerful Rome...", "Ondine", "Demon", hexameter

REFERENCES

1. Arinshteyn L. M. "It happened in the last year of powerful Rome..." ["Eto sluchilos' v poslednie gody moguchego Rima..."]. *Lermontovskaya entsyklopediya*. Moscow, Sovetskaya entsyklopediya Publ., 1981. P. 639.
2. Bondi S. M. Pushkin and Russian hexameter [Pushkin i russkiy gekzamet]. *Bondi S. M. O Pushkine* [About Pushkin]. Moscow, Khudozhestvennaya literature Publ., 1978. P. 310–371.
3. Gasparov M. L. *Ocherk istorii russkogo stikha* [A sketch on the history of Russian verse]. Moscow, Fortuna limited Publ., 2002. 352 p.
4. Egunov A. N. *Gomer v russkikh perevodakh XVIII–XIX vekov* [Homer in Russian translation of the XVIII–XIX centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2001. 400 p.
5. Naydich E. E. Notes [Primechaniya]. *Lermontov M. Yu. Polnoe sobranie stikhotvoreniy: V 2 t.* [Complete collection of poems: In 2 vol.]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1989. Vol. 2. P. 597–657.
6. Naydich E. Shtoss [Shtoss]. *Naydich E. Etyudy o Lermontove* [Studies on Lermontov]. St. Petersburg, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1994. 256 p.
7. Plungyan V. A. Non-classical Lermontov's verse: some details [Neklassicheskiy stikh Lermontova: Nekotorye detali]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* [Proceedings of Petrosavodsk State University]. 2014. № 7 (144). P. 40–51.

Поступила в редакцию 08.10.2015

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА МАРШАЛОКкандидат филологических наук, доцент кафедры международного права, Российский государственный университет правосудия (Москва, Российская Федерация)
*mshtch@yandex.ru***ИРИНА ЛЕОНИДОВНА УЛЬЯНОВА**доцент кафедры классической филологии, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Российская Федерация)
oulanova555@inbox.ru

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ (методы ранней профессиональной мотивации студентов-юристов)

В рамках предмета «Латинский язык» на юридических факультетах вузов основное внимание уделяется изучению латыни как языка римского права, терминология же международного права не отражена должным образом. Курс «Латинский язык в современном международном праве», представленный в учебнике и словаре терминов, восполняет этот пробел и позволяет студентам не только овладеть основами латинской грамматики, но и уверенно использовать латинские термины и выражения современного международного права. Статья посвящена реализации в учебнике нового поколения принципов компетентностного подхода и ранней профессионализации, что оказывает существенную помощь студентам в освоении дисциплин профессионального цикла, облегчает изучение иностранного языка профессии, способствует повышению профессиональной мотивации студентов.

Ключевые слова: латинская терминология международного права, учебник «Латинский язык в современном международном праве», «Латинские термины в современном международном праве: латинско-русский, русско-латинский словарь», компетентностный подход, профессиональная мотивация студента-юриста

Дисциплина «Латинский язык» на юридических факультетах вузов и существующие учебники латинского языка для юристов направлены на изучение латыни как языка римского права. Изучение дисциплины, ориентированное на освоение латинской терминологии римского права, чтение и перевод латинских источников, существенно облегчает восприятие студентами лекционного курса по римскому праву и позволяет им уверенно применять освоенную терминологию на семинарских занятиях. Однако латинская терминология, которая используется в международном праве и составляет основу современного международного языка юристов, в этом курсе никак не представлена.

Многолетний опыт преподавания латинского языка студентам-юристам показал, что ограничиваться только терминологией римского права нецелесообразно. Особый интерес студентов вызывает та латинская терминология, которая связана с языком их профессии. Она встречается в курсах специальных дисциплин (например, международное публичное право, международное частное право), в решениях международных судов, трибуналов и арбитражей, в конвенциях и рабочих документах, подготовленных международными организациями. В текстах международных документов латинские термины используются, как правило, без перевода, предполагается, что они общеизвестны и всем понятен их точный юридический смысл [1; 5]. Свободное владение

и грамотное применение латинской терминологии считается в среде юристов-международников одним из критериев уровня правовой культуры. До сих пор латинский язык выполняет важную международную функцию, способствуя установлению общности между юристами разных стран. Использование латинской терминологии заметно облегчает международное сотрудничество юристов [5; 204].

Чтобы подготовить студентов к восприятию предметов профессионального цикла, помочь им на ранней стадии обучения овладеть актуальной латинской юридической терминологией, был создан данный курс. В начале 2015 года в издательстве «Статут» вышли в свет учебник «Латинский язык в современном международном праве» [4] и словарь «Латинские термины в современном международном праве» [3] (до настоящего времени учебника, основанного на терминологии современного международного права, в России не было).

Основная задача и общая направленность учебника состоят в том, чтобы познакомить студентов с терминологией будущей профессии, способствовать освоению и правильному употреблению вошедших в юридическую практику латинских терминов современного права в неразрывной связи с грамматикой латинского языка.

Изучение грамматики латинского языка подчинено особенностям подготовки юристов [2; 3]. В учебнике четко определен объем знаний сту-

дентов, то есть изучается только тот грамматический материал, который необходим для перевода юридических текстов с латинского языка на русский и для осознанного заучивания юридической терминологии.

Весь учебный материал распределен по 12 занятиям, каждое занятие представляет собой дидактически законченный элемент, посвященный в основном одной части речи и соответствующим данной грамматической теме юридическим терминологическим единицам. В материалах занятий представлены основные грамматические таблицы по изучаемой теме. Полностью каждая тема целиком и последовательно излагается в Грамматическом справочнике в форме подробных статей и таблиц. Такая организация грамматического корпуса учебника увеличивает возможности самостоятельной работы обучающихся: помогает студентам-юристам готовиться к занятиям, осваивать необходимый объем сведений по грамматике латинского языка и вместе с тем получать представление о латинской грамматике как о стройной лингвистической системе. Такая структура учебника позволяет использовать его в обучении студентов с разным уровнем подготовки, на разных уровнях обучения.

Учебник содержит большое количество разнообразных по своему методическому наполнению упражнений. Они дают возможность закрепить изученную грамматическую тему каждого занятия, способствуют пониманию грамматической структуры юридического термина и основных терминологических моделей, приобретению практических навыков формирования собственного словарного запаса научных терминов, основывающихся на латинских словообразовательных элементах и моделях. Занятия построены по принципу охвата функционально взаимосвязанного фрагмента грамматического и лексико-фразеологического профилей латинского языка, все упражнения составлены на основе лексики, встречающейся в юридических терминах международного права.

Особое внимание в каждом уроке уделено английской юридической лексике, основанной на латинских корнях. Латынь повлияла на генезис юридической терминологии практически всех европейских языков [6; 50], она жила и продолжает жить в языках современного права [5; 205] не только в виде собственно латинских выражений, встречающихся в профессиональных текстах без перевода, но и в этимологии терминов [6; 49]. Упражнения дают возможность студентам увидеть связь русских и английских слов с латынью, тем самым помогают в изучении как родного, так и иностранного языка профессии. Каждое занятие учебника завершается списком латинских и производных от них английских слов из области юридической, общественно-политической и научной лексики. В результате освоения

курса бакалавры и магистранты получают не только столь необходимые им знания в области международной латинской юридической терминологии, но и основательную лингвистическую подготовку.

Упражнения подготавливают студентов к переводу с латинского языка на русский аутентичных фраз, зачастую содержащих юридические термины, что максимально приближает обучение к практике. Выработка навыков перевода со словарем и грамматического анализа оригинальных текстов развивает профессионально значимые для юриста умения: способность воспринимать, анализировать и обобщать информацию; способность логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь; переводить с иностранных языков материалы профессиональной направленности, в которых встречаются латинские юридические термины и формулировки.

Кроме латинских юридических терминов, в каждом занятии представлены списки латинских крылатых выражений и аббревиатур для заучивания наизусть. Это способствует повышению общеобразовательного уровня учащихся, приобщает их к европейской и мировой культуре. Иногда же эти общеизвестные выражения в правовом контексте получают специальное юридическое значение, например *tabula rasa*, *vade mecum*, *modus vivendi*.

Словарь «Латинские термины в современном международном праве» может использоваться как на занятиях по латинскому языку, так и в подготовке студентов к семинарским занятиям и спецкурсам по дисциплинам профессионального цикла, а также при написании курсовых, дипломных и магистерских работ, диссертационных исследований.

Основными источниками словаря стали международные документы (конвенции, договоры, решения международных судов и трибуналов, резолюции и рабочие документы, подготовленные международными организациями, и т. п.), широко использовались юридические словари и энциклопедии, монографии и учебники по международному праву.

Словарь состоит из трех частей: латинско-русского словаря, русско-латинского словаря, списка аббревиатур. В нем представлено в алфавитном порядке около двух тысяч латинских юридических терминов, юридических выражений и терминологических словосочетаний, использующихся в современном международном праве. Чтобы словарем было удобно пользоваться не только специалистам, знающим латынь, но и всем, для кого словарь представляет интерес, каждый латинский термин дан и в русской транслитерации с обозначением ударения в слове.

Учебник в комплексе со словарем способствует формированию культуры правового мышления и профессионального языка современного

юриста. Структура, а также доступное и компактное изложение учебного материала делают возможным использование учебника на разных уровнях обучения: как теми студентами бакалавриата, магистрантами и аспирантами, которые уже освоили начальный курс латинской грамматики и терминологии римского права, так и теми, которые еще только приступают к изучению латинского языка.

Таким образом, предложенный нами курс дает возможность:

- изучить основы грамматики латинского языка;
- овладеть знанием латинских терминов и максимум, необходимых для понимания содержания международно-правовых актов и иностранных законодательств;
- оказать существенную помощь в освоении дисциплин профессионального цикла;
- значительно повысить у студентов мотивацию к изучению латинского языка;
- оказать помощь в изучении студентами иностранного языка профессии;
- повысить общеобразовательный и культурный уровень студентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вылегжанин А. Н. Предисловие // Латинские термины в современном международном праве: латинско-русский, русско-латинский словарь. М.: Статут, 2015. С. 4–7.
2. Кацман Н. Л. Методика преподавания латинского языка. М.: Владос, 2003. 253 с.
3. Латинские термины в современном международном праве: латинско-русский, русско-латинский словарь / Авт.-сост. Н. В. Маршалок, И. Л. Ульянова. М.: Статут, 2015. 302 с.
4. Маршалок Н. В. Латинский язык в современном международном праве: Учебник. М.: Статут, 2015. 221 с.
5. Маттила Х. Э. С. Латинские изречения и термины в современном юридическом словоупотреблении // *Ius antiquum*=Древнее право. 2006. № 2 (18). С. 204–210.
6. Толстых В. Л. Язык и международное право // Российский юридический журнал. 2013. № 2 (89). С. 44–62.

Marshallok N. V., Russian State University of Justice (RGUP) (Moscow, Russian Federation)
Ul'yanova I. L., Moscow State Linguistic University (Moscow, Russian Federation)

LATIN IN INTERNATIONAL LAW (methods of early professional motivation of law faculty students)

Within the frames of the “Latin” course taught at the law faculties of different universities, the main attention is given to the study of Latin as a language of the Roman law, while the terminology of the international law is not duly represented. The course “Latin Terminology in Modern International Law”, presented in the textbook and in the dictionary of terms, bridges the mentioned gap and enables students not only to learn the basics of Latin grammar, but also to use Latin terms of contemporary international law confidently. The article deals with problem of the competence approach principles’ realization with the help of the new textbook. The textbook is also aimed at the early professional competency development. This approach helps students in their study of professional disciplines, facilitates in the acquisition of foreign languages, and increases students’ professional motivation.

Key words: Latin Terminology of the International Law, “Latin in modern international law: textbook”, “Latin Terms in Modern International Law: Latin-Russian, Russian-Latin dictionary”, competence approach, professional motivation of law faculty students

REFERENCES

1. Vylegzhanin A. N. Preface [Predislovie]. *Latinskie terminy v sovremennom mezhdunarodnom prave: latinsko-russkiy, russko-latinskiy slovar'* [Latin terms in modern international law: Latin-Russian, Russian-Latin dictionary]. Moscow, Statut Publ., 2015. P. 4–7.
2. Katsman N. L. *Metodika prepodavaniya latinskogo yazyka* [Methods of teaching Latin]. Moscow, Vlados Publ., 2003. 253 p.
3. *Latinskie terminy v sovremennom mezhdunarodnom prave: latinsko-russkiy, russko-latinskiy slovar'* [Latin terms in modern international law: Latin-Russian, Russian-Latin dictionary] / Authors-compilers N. V. Marshallok, I. L. Ulianova. Moscow, Statut Publ., 2015. 302 p.
4. Marshallok N. V. *Latinskiy yazyk v sovremennom mezhdunarodnom prave: Uchebnik* [Latin in modern international law: textbook]. Moscow, Statut Publ., 2015. 221 p.
5. Mattila Kh. E. S. Latin sayings and terms in modern legal usage [Latinskie izrecheniya i terminy v sovremennom yuridicheskom slovopotreblenii]. *Ius antiquum*=Drevnee pravo. 2006. № 2 (18). P. 204–210.
6. Tolstykh V. L. Language and international law [Yazyk i mezhdunarodnoe pravo]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal* [Russian law journal]. 2013. № 2 (89). P. 44–62.

Поступила в редакцию 06.10.2015

АННА АЛЕКСАНДРОВНА СКОРОПАДСКАЯ
кандидат филологических наук, доцент кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
san19770@mail.ru

ГОРАЦИАНСКИЕ ЦИТАТЫ В ПЕРЕПИСКЕ И. С. ТУРГЕНЕВА*

Дается обзор латинских цитат из произведений Горация, используемых И. С. Тургеневым в переписке. Значимость эпистолярного жанра для русского писателя давно была признана исследователями его литературного наследия. Изучение переписки Тургенева во многом позволяет понять философию и методологию его творчества. В этом контексте использование в письмах горацианских цитат демонстрирует не только начитанность Тургенева в области римской литературы, но за счет выявления интертекстуальных связей обнаруживает возможные источники определенных образов, идей, аллюзий, реминисценций. Вписываясь в понятие интертекстуальности, цитата активно функционирует в дискурсивном поле, являясь одним из связующих компонентов языкового, коммуникативного, текстологического, философского, эстетического уровней текста. Обзор горацианских цитат показал, что цитатные проявления текстов Горация выполняют разную роль: одни являются анонимными цитатами-названиями, другие же (с точки зрения поэтики представляющие для исследования больший интерес) становятся своего рода смысловыми перекличками между культурными эпохами римской античности и русской литературы XIX века.

Ключевые слова: эпистолярный жанр, цитата, интертекстовые связи, И. С. Тургенев, Гораций

Творческое наследие И. С. Тургенева включает в себя не только его художественные произведения, которые уже при жизни писателя вошли в золотой фонд русской литературы, но и богатое эпистолярное наследие, по объему ничуть не уступающее его сочинениям. Обширная переписка во многом объясняется образом жизни писателя, который длительное время жил за границей и при помощи писем поддерживал связь со своими адресатами в России; кроме того, его широкий круг знакомств в творческих и светских кругах Европы также требовал поддержания контактов при помощи писем. Можно сказать, что письмо для Тургенева было не просто актом коммуникации, способом передачи информации, но и путем духовного общения на расстоянии. Исследование переписки Тургенева во многом позволяет понять не только его личные качества, но и проследить становление и развитие художественного метода писателя, так как зачастую письма становились для Тургенева своеобразной творческой лабораторией, в которой он апробировал те или иные художественные приемы, исследовал те или иные мысли и образы, которые впоследствии использовал в своих произведениях. Эпистолярная проза Тургенева, являясь существенной частью литературного наследия писателя, может рассматриваться как художественный текст с большой степенью автобиографического начала.

Переписка Тургенева, помимо всего прочего, позволяет определить круг авторов, чье творчество влияло на его эстетическое и философское мировоззрение. Тургенев получил блестящее образование в Московском университете, после

окончания которого еще несколько лет учился в Берлинском университете, постигая тонкости немецкой философии и классической филологии. В зрелые годы писатель не оставался в стороне от самообразования, все время расширяя свой круг чтения, в который входило огромное количество авторов, начиная с эпохи античности и заканчивая литературными новинками XIX века. Высокая читательская культура зачастую проявлялась в виде цитат, особое место среди которых занимают цитаты из античных авторов.

Тургенев был близко знаком с античной культурой, в совершенстве знал латинский язык, что позволяло ему читать древнеримских авторов на языке оригинала. Глубину познаний в языке ярко подтверждает тот факт, что в 1856–1857 годах Тургенев выступил в качестве художественного редактора издания переводов од Горация, выполненных А. Фетом. Зачастую те рекомендации, которые давал Тургенев, касались не языка только, но и тонких стилистических вопросов, а его авторитет в области художественного перевода был настолько высок, что Фет в одном из своих писем замечал: «Гораций в совершенной зависимости от Тургенева – и слава богу» [8; 520]. Тонкое чутье Тургенева к слову, к ритму во многом было подпитано классической традицией с античной литературой во главе. Не раз выступая в качестве строгого критика, Тургенев обращал внимание не только на содержание, но и на форму произведения, тем более – произведения поэтического. Показательный пример этого связан с редакторской работой Тургенева над переводами од Горация. Вот какую оценку этим переводам находим в письме П. Анненкову

от 2 ноября 1853 г.: «...разбирал присланную мне Фетом первую книгу “Од” Горация, им переведенных. Много славянских слов – много неясных и натянутых стихов, – но вообще – перевод превосходный и останется в литературе»¹. Характерно, что своего рода новаторский подход Фета к передаче античной стихотворной формы при помощи более понятного для русского читателя рифмованного стиха горячо приветствуется Тургеневым, для которого было важно в переводе передавать не только содержание, но и форму оригинала. В этом смысле поэтический перевод должен быть строго выдержан не только с точки зрения лексики и грамматики, но и с точки зрения стилистики, передавая не букву только, но и дух произведения. По замечанию А. С. Климентьевой, «Тургенев – редактор, по сути, Тургенев – переводчик, т. е. посредник между автором и читателем. В основном его работа как редактора переводов направлена на стилистическую адаптацию. Он правит тексты Фета, не только соотносясь с собственными художественными предпочтениями, но также ориентируясь на эстетические вкусы современного читателя» [5; 14].

Среди имен античных авторов, встречающихся в письмах Тургенева, можно найти имена Гомера, Эсхила, Софокла, Еврипида, Аристофана, Аристотеля, Демосфена, Плутарха, Вергилия, Овидия, Горация, Катулла, Тита Ливия, Саллюстия, Цицерона. В подавляющем большинстве случаев упоминание этих авторов непосредственно связано с их творчеством, которое было хорошо знакомо Тургеневу и на которое он ориентировался как на основополагающее для европейской литературы. Но среди этого списка особое место занимает Гораций, на долю которого выпало наибольшее количество цитат и упоминаний: 13 упоминаний и 11 цитирований. Такое количество могло бы быть объяснено редакторской работой, которую Тургенев проводил над переводами Фета. Однако хронологически цитирование римского автора увеличивается со временем: письма, посвященные переводам Фета, горацианских цитат в себе не содержат. Максимальное количество цитат (3) приходится на IX том 28-томного собрания сочинений, в который включены письма за период 1871–1872 годов. А в последних трех томах цитаты встречаются по одному или два раза.

Прежде чем приступить к анализу горацианских цитат в переписке Тургенева, нужно отметить, что в современном литературоведении существует достаточно обширный круг работ, посвященных исследованию цитаты как важной единицы текста (преимущественно текста художественного). Не вдаваясь глубоко в вопросы текстологии, сошлемся на Ю. М. Лотмана, который, рассуждая о строении художественного текста, усматривает в нем различные смысловые пласты, через которые автор разговаривает с читателем: «В структурном смысловом поле текста вводимый в него внешний текст трансформируется,

образуя новое сообщение» [6; 67]. Цитату можно рассматривать как текст, вводимый в текст в фрагментарном виде, и его фрагментарность становится для читателя не только кодом к основному тексту, но и приглашением развернуть цитату в полный текст. Таким образом устанавливается дополнительная коммуникация между автором и читателем: помимо той информации, которую дает основной текст, дается код к дополнительной информации другого текста. Подобные интертекстуальные связи создают объемную смысловую картину, вбирающую в себя множество идей, образов, мотивов, аллюзий и т. д. Использование цитаты на другом языке (в нашем случае – языке древнем, «мертвом») не только вводит нас в другой язык, но и в другую культуру (в нашем случае – античную). Размышляя о семиотическом аспекте анализа античной цитаты, Ю. Н. Варзанин отмечает следующее: «Когда исходят из реальности интертекста, имеют в виду также и возможность движения элемента интертекста “вверх” – к ценностям данной культуры, в ее концептосферу» [3; 167].

Цитата как «чужое слово» может воспроизводиться буквально, с указанием автора цитаты, а может сводиться к цитате в виде названия или темы. Обзорно горацианские цитаты в письмах Тургенева можно представить в виде таблицы, в которую, помимо указания на цитируемые произведения, включены и такие параметры, как точность (дословность) цитаты и указание на ее автора.

Произведение Горация	Количество цитирований	Год написания письма	Наличие указания автора цитаты	Точная/неточная цитата
Эпод II	1	1860	да	точная
Ода II, 14	1	1865	да	точная
Эпод VII	1	1871	да	точная
Ода III, 30	2	1872	нет	точная
Ars poetica (372–373) (351–352)	1	1875	нет	неточная
	2	1879	нет	
Послание I, 1	2	1876, 1877	нет	точная
Ода I, 3	1	1882	да	неточная

Первая цитата из Горация символически встречается в письме, адресованном А. Фету, от 3 октября 1860 года, которое начинается так: «Beatus ille, amice Fethie – и так далее – см. Ваш перевод Горация» (ПСС в 30. Т. 4. С. 246). Тургенев шутливо обыгрывает строку из II Эпада Горация, которая стала крылатой уже в античной литературе: «Beatus ille, qui procul negotiis» (*блажен тот, кто вдали от дел* – перевод А. А. Скоропадской). В фетовском переводе, который упоминает Тургенев, эта строка выглядит так: «Блажен, кто вдалеке от всех житейских зол...». Однако цитирование Тургенева, в свойственной ему манере, – неточное. Хорошее знание латыни помогает ему варьировать цитаты, подстраивая их под контекст письма. В рассматриваемом случае Тургенев к словам Горация добавляет свои

«amice Fethie» – «друг Фет», что сразу же нивелирует высокую литературность цитаты и делает ее не просто крылатой, но и современной, индивидуальной, использованной по определенному случаю³.

Вторая цитата из Горация встречается в письме Н. В. Щербаню от 4 мая 1865 года: «Но будь я гнуснее редакторов “Patrie”, если до будущего воскресенья не будет Вам отправлено обещанное предисловие. Dixi. Кстати, у Горация *labuntur anni*: это на случай будущей цитаты» (ПСС в 30. Т. 6. С. 135). Если быть точными, в этом письме две латинские цитаты. Первая «Dixi» (я *сказал*, в смысле – *поставил точку, закончил*) является крылатым выражением. И сразу же после этой латинской фразы, которая, видимо, подвела к продолжению «латинской темы» (о чем говорит вводное слово «кстати»), Тургенев обращается к цитате из Горация, отсылающей нас к 14-й оде из II книги од Горация⁴:

Eheu, fugaces, Posthume, Posthume,
Labuntur anni...
(Увы, Постум, Постум!
скользят быстротечные годы –
перевод А. А. Скоропадской.)

Выделенное Тургеневым слово «*labuntur*», скорее всего, говорит о том, что Тургенев исправляет ошибку в латинском тексте, допущенную в предыдущем письме Н. Щербанем, предостерегая от ошибочного написания цитаты в следующем раз.

Как видно из предлагаемой таблицы, наиболее часто цитаты из Горация встречаются в письмах Тургенева 70-х годов. Так, с волнением реагируя на начавшиеся в Париже беспорядки, возникшие в связи с провозглашением Парижской коммуны и началом гражданской войны, Тургенев пишет 13 марта 1871 года Полине Виардо: «Милая, любимая m-me Виардо. Не могу не сказать вам, что эти ужасные известия из Парижа захватывают меня целиком и повергают в отчаяние. Это совсем точно императорский преторианский Рим, погибающий от анархии, и крик Горация: “Quo, quo, scelesti⁵, ruitis?” – беспрестанно звенит у меня в ушах» (ПСС в 28. Т. 9. С. 49). Знаковым является обращение Тургенева к Горацию, испытывавшему на себе весь ужас гражданских войн, в которые длительное время был погружен Рим. Эпод VII, начало которого цитирует Тургенев, получил название «К римлянам»: Гораций обращается к согражданам, призывая их опомниться и прекратить междоусобицу, которая приведет только к падению самого Рима. Цепочка риторических вопросов стилистически приближает эпод к речам римских ораторов:

Quo, quo scelesti ruitis? aut cur dexteris
aptantur enses conditi?
(Куда, куда, злодеи, вы рванулись так,
мечи из ножен выхватив? –
перевод Г. М. Севера.)

«Мысль поэта предельно ясна: не становясь ни на чью сторону, он проклинает братоубийственные войны сами по себе» [2; 234]. Тургенев видит яркую историческую параллель, когда гражданские войны Рима и современной ему Франции происходят по одной и той же кровавой модели. Поэтому обращение Горация двухтысячелетней давности к согражданам рефреном звучит в сознании русского писателя XIX века.

В письмах 1872 года дважды встречается обращение к знаменитой оде Горация III, 30, известной под заглавием «Памятник». Тургенев использует ее латинское начало в письмах, одно из которых адресовано А. Фету (от 29 марта 1872 года), а другое – П. В. Анненкову (от 5 октября 1872 года).

А. Фету Тургенев пишет следующее: «Ну а теперь, так как Вы в своем “*Exegi monumentum*” объективно отнесли к поэту Фету – то позвольте и мне сделать то же» (ПСС в 28. Т. 9. С. 255). Фет как переводчик Горация, естественно, прекрасно знал не только латинский текст горацианской оды, но и ее многочисленные переводы и интерпретации. Зрелый поэт, видимо, примерил на себя позицию римского автора, написавшего: *Exegi monumentum – я создал памятник*. А Тургенев ему в этом подыграл, добавив к фетовскому «памятнику» несколько объективных дополнений.

В постскрипуме к письму П. Анненкову Тургенев опять вспоминает строку из Горация: «Итак, мой бывший начальник по Министерству внутренних дел В. И. Даль приказал долго жить! Он мог оставить за собою след: “Толковый словарь” – и мог сказать: “*Exegi monumentum*”» (Там же. С. 349).

Оба примера обращения к горацианской оде анонимны (не указывается, что это строка из Горация), но это во многом объясняется хрестоматийным характером словосочетания: ода Горация «К Мельпомене» является, пожалуй, самой известной, самой переводимой и самой интерпретируемой. Поэтому ее индивидуальная, авторская образность со временем превратилась в анонимную афористичность, понятную человеку, мало-мальски знакомому с античной традицией.

Ярким доказательством эстетического влияния Горация на Тургенева является ряд цитат в письмах русского писателя из горацианской «Науки поэзии». Так, критически отзываясь о своих стихах, Тургенев в письме С. А. Венгеру от 25 мая 1875 года пишет следующее: «Моя нелюбовь к моим стихам объясняется уже старинным:

«Mediocribus esse poetis
Non di, non homines» – и т. д.» (ПСС в 28. Т. 11. С. 86).

Тургенев неточно цитирует 372–373 строки из «*Ars poetica*»: «...mediocribus esse poetis non homines, non di, non concessere columnae (*быть посред-*

ственными поэтам не позволяют ни люди, ни боги, ни колонны – перевод А. А. Скоропадской).

Анонимность латинской цитаты и ее неточность говорят о том, что к этим строкам Тургенев относится как к своего рода афоризму, который должен быть знаком образованному человеку.

Обращение к «*Ars poetica*» находим в письме Г. Флоберу от 13 ноября 1879 года. Делая некоторые критические замечания относительно его романа «Воспитание чувств», Тургенев пишет: «Но помните классический стих: “*Ubi plura nitent in carmine...*” и т. д.» (ПСС в 28. Т. 12. Кн. 2. С. 372). Незадолго до этого в письме М. Стасюлевичу от 5 ноября Тургенев, делая критический разбор стихотворения Н. Минского, помещенного в ноябрьском номере «Вестника Европы», использует эту цитату в более развернутом виде: «Но все же – “*ubi plura nitent in carmine, non ego paucis offendar maculis*” – и я от души приветствую этот новый симпатический талант – и желаю ему всяческого преуспевания» (ПСС в 28. Т. 12. Кн. 2. С. 371). Контекст использования этой цитаты связан с критической деятельностью Тургенева, а обращение к ней во многом помогает понять характер писателя: указывая на обнаруженные им недостатки и неточности в тексте, он философски смягчает свои замечания цитатой из Горация, которую можно перевести так: *если многое сверкает в стихе, я не буду оскорблен немногими пятнами* («*Ars poetica*» 351–352, перевод А. А. Скоропадской). Несмотря на это смягчение и Гораций, и Тургенев в своих наставлениях начинающим авторам были достаточно требовательны и допускали наличие «пятен» в произведении, только если они компенсировались высокими художественными достоинствами других его составляющих.

Еще одним не единожды цитируемым горацианским текстом является послание «К Мекенату» («*Ad Maecenatem*»), которое открывает собой первую книгу посланий. Так, в письме Н. П. Вагнеру от 1 ноября 1876 года находим: «Литературная моя карьера близится к концу; я не уверен в том, окончу ли я даже те немногие работы, которые я возложил на себя и которых от меня ожидают; всякое новое предприятие для меня немисливо. И потому покорно прошу не пенять на меня, памятуя латинское “*solve senectutem*” – и принять уверение в искреннем уважении, с которым я имею честь пребыть Вашим покорнейшим слугою» (ПСС в 28. Т. 11. С. 345). Спустя чуть более двух месяцев Тургенев вновь обращается к этим латинским стихам, но уже в письме П. В. Анненкову (10 января 1877): «Делать нечего: надо, вспомнив архиепископа Гранадского да латинский стих “*Solve senectutem equum*” и т. д., отложить на будущее время всякую литературную преокупацию – и подыскать себе какое-нибудь письменное занятие, которое наполнило бы оставшийся досуг уже довольно подвинувшейся жизни» (ПСС в 28 т. Т. 12. Кн. 1. С. 61). Оба письма проникнуты настроением грусти и усталости от писательского труда. Это настроение находит

отклик в горацианских строках послания, в котором римский поэт, обращаясь к своему другу и покровителю Мекенату, отказывается от поэтической деятельности, ссылаясь на почтенный возраст, усталость и связанную с этим тягу к философствованию, а не писанию лирических стихов. Необходимо отметить, что горацианские строки, которые можно перевести как *отпусти вовремя здорового стареющего коня* (перевод А. А. Скоропадской) непосредственно в послании Горация являются не авторской, а прямой речью:

*est mihi purgatam crebro qui personet aurem:
‘solve senescentem mature sanus equum’.*

(Часто мне кто-то кричит в мои еще чуткие уши:
«Вовремя, если умен, ты коня выпрягай, что стареет...» – перевод Н. С. Гинцбург.)

«*Solve senectutem...*», оформленное в виде прямой речи, Гораций преподносит как мудрость, пришедшую извне. Знаменательно, что Тургенев, не указывая на принадлежность цитируемой латинской строки Горацию, сохраняет ее характер пословицы («памятуя латинское», «вспомнив... латинский стих»), таким образом как бы сохраняя заданный римским поэтом афористичный характер этого выражения.

Попытка Горация отказаться от поэзии в пользу практической философии не вполне удалась: напомним, что «К Мекенату» – первое послание, открывающее собой книгу, за которой последует еще одна, включающая в себя довольно обширную «Науку поэзии». По замечанию М. фон Альбрехта, «так парадоксально отказ от литературы хронологически совпал с новой ступенью, достигнутой в этой области. <...> Экзистенциальное содержание формулируется независимо и тем самым утверждается в своей действительности» [1; 799]. Зеркально складывается ситуация и у Тургенева: обращаясь к Горацию, чтобы подтвердить свое намерение уйти из литературы, писатель приступает к написанию «Стихотворений в прозе», которые станут самым лиричным и самым философским его литературным созданием.

Исследуя обращения Тургенева к Тютчеву, Фету и Пушкину, Ю. Б. Орлицкий отмечает, что «Тютчев, как и Пушкин, выступает в письмах Тургенева, прежде всего, в качестве непререкаемого художественного авторитета; с помощью стихотворных цитат из произведений именно двух этих авторов он нередко описывает и свое собственное состояние или состояние окружающего мира» [7; 73]. Со своей стороны хотим добавить, что цитирование античных авторов (безусловно, тоже попадающих в разряд авторитетов для русского писателя) позволяет Тургеневу внести в свои рассуждения временной и культурный контекст. Стихотворные строки Горация в эпистолярной русской писателем афористически концентрируют в себе мысли о жизни, творчестве, искусстве и становятся неотъемлемой частью диалога культур, «где личность проявляется в ее многогранности и целостности, определяется круг и стиль общения, способы

рефлексии, отражающие особенности национальной ментальности, а также универсальность восприятия социокультурного мира и включенность в процессы его развития» [4; 142].

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем в 30 тт. Письма в 18 тт. Т. 2. М.: Наука, 1982. С. 270. На настоящее время существует два полных собрания сочинений И. С. Тургенева: Полное собрание сочинений в 28 томах и продолжающееся издание – Полное собрание сочинений в 30 томах. Ссылки на первое издание мы будем маркировать «ПСС в 28», на второе – «ПСС в 30», с указанием тома и страницы.
- ² Тексты Горация цитируются по изданию: Die Gedichte des Q. Horatius Flaccus. Verlag Von B. G. Teubner, Leipzig-Berlin, 1919.
- ³ Это не единичное латинизированное обращение Тургенева к Фету. Так, в письме И. П. Борисову и А. А. Фету от 2 января 1861 года находим: «Не могу не сказать Вам, о Фетие, что хандрит только человек, который эту штуку на себя напускает...».
- ⁴ Опосредованное влияние этой горацианской оды можно обнаружить в одном из знаковых для позднего творчества Тургенева произведении – его «Стихотворениях в прозе», имеющих латинское название «Senilia» (старческое). До появления этого названия Тургенев планировал назвать цикл «Posthuma» (посмертное). Фонетически и смыслово это перекликается с одой Горация, содержащей в себе размышления о быстротечности жизни и неизбежности смерти:
О Постум! Постум! Лягуся, скользят года!
Какой молитвой мы отдалим приход
Морщин, и старости грядущей,
И неотступной от смертных смерти? (Пер. Я. Э. Голосовкера)
- ⁵ Так в тексте издания полного собрания сочинений в 28 т. Правильный вариант – *scelesti*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Альбрехт Михаэль фон. История римской литературы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004. Т. 2. С. 708–1390.
2. Борухович В. Г. Квинт Гораций Флакк. Поэзия и время. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1993. 376 с.
3. Варзони Ю. Н. Семиотический аспект анализа античной цитаты в тексте и диалоге // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 3. С. 164–168.
4. Карантаева И. Л. Историко-культурные основания и содержание концепта «русский европеец» (на материалах биографии и эпистолярия И. С. Тургенева): Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Кострома, 2010. 169 с.
5. Климентьева А. С. И. С. Тургенев – переводчик: Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Томск, 2007. 22 с.
6. Лотман Ю. М. Текст в тексте // Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства / Предисл. С. М. Даниэля, Сост. Р. Г. Григорьева. СПб.: Академический проект, 2002. 543 с.
7. Орлицкий Ю. Б. Стихи русских поэтов в жизни Тургенева (на материале писем писателя) // Спасский вестник. 2007. № 14. С. 72–82.
8. Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. М.: Худож. лит.-ра, 1987. Т. 1. 558 с.

Skoropadskaya A. A., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

HORATIAN QUOTES IN IVAN TURGENEV'S CORRESPONDENCE

The article provides an overview of the Latin quotes from Horace's works used by Turgenev in his correspondence. The significance of such epistolary genre for the Russian writer has long been recognized by the researchers of his literary heritage. The study of Turgenev's correspondence largely allows us to understand the philosophy and methodology of his works. In this context such usage of Horatian quotes by I. Turgenev in his letters demonstrates both Ivan Sergeevich's deep knowledge of the Roman literature and, due to the detection of intertextual relations, reveals multiple potential sources of certain images, ideas, allusions and reminiscences. Fitting into the concept of intertextuality, quotations actively function in the discursive field being one of the binding components of linguistic, communicative, textual, philosophical, and aesthetic layers of the text. The review of Horatian quotes showed that citation of Horace's texts has different purposes – some are anonymous names/title-quotes, others (presenting a much greater interest for the research from the stand point of poetics) become some kind of conceptual/semantic correlations between cultural epochs of Roman antiquity and Russian literature of the 19th century.

Key words: epistolary genre, quote, intertextual communication literary tradition, Turgenev, Horace.

REFERENCES

1. Al'brekht Mikhael' fon. *Istoriya rimskoy literatury* [History of Roman literature]. Moscow, Greco-Latin cabinet of Ju. Shichalin Publ., 2004. Vol. 2. P. 708–1390.
2. Borukhovich V. G. *Kvint Goratsiy Flakk. Poeziya i vremya* [Quintus Horatius Flaccus. Poetry and time]. Saratov, Saratov University Publ., 1993. 376 p.
3. Varzonin Yu. N. The semiotic aspect of the analysis of ancient citations in the text and dialogue [Semioticheskiy aspekt analiza antichnoy tsitaty v tekste i dialoge]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya* [Bulletin of the Tver State University. Series: Philology]. 2014. № 3. P. 164–168.
4. Karantaeva I. L. *Istoriko-kul'turnye osnovaniya i sodержanie kontsepta "russkiy evropeets" (na materialakh biografii i epistol'yariya I. S. Turgeneva): Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk* [Historical and cultural grounds and the content of "Russian European" (on materials of biography and epistolary of Ivan Turgenev): Dr. philol. sci. diss.] Kostroma, 2010. 169 p.
5. Kliment'eva A. S. *I. S. Turgenev – perevodchik: Avtoref. diss. ... kand. filol. nauk* [Turgenev – Translator: PhD. philol. sci. diss.]. Tomsk, 2007. 22 p.
6. Lotman Yu. M. The text in the text [Tekst v tekste]. *Lotman Yu. M. Stat'i po semiotike kul'tury i iskusstva* [Articles on the semiotics of culture and art]. St. Petersburg, Academic Project Publ., 2002. 543 p.
7. Orlicskiy Yu. B. Verses of Russian poets in the life of Turgenev (based on the letters of the writer) [Stikhi russkikh poetov v zhizni Turgeneva (na materiale pisem pisatelya)]. *Spasskiy vestnik* [Spassky Vestnik]. 2007. № 14. P. 72–82.
8. Perepiska N. A. Nekrasova: V 2 t. [Correspondence of N. Nekrasov: In vol. 2]. Moscow, Khudozh. lit.-ra Publ., 1987. Vol. 1. 558 p.

Поступила в редакцию 06.10.2015

ЕКАТЕРИНА КОНСТАНТИНОВНА АГАПИТОВА
старший преподаватель кафедры классической филологии
филологического факультета, Петрозаводский государ-
ственный университет (Петрозаводск, Российская Феде-
рация)
ithaelin@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В РОМАНЕ И. А. ЕФРЕМОВА «ТАИС АФИНСКАЯ»

Статья посвящена выявлению исторических источников, использованных Иваном Ефремовым при написании его последнего романа «Таис Афинская», описывающего поход Александра Македонского глазами греческой гетеры. Были проанализированы как те тексты, на которые И. А. Ефремов прямо дал ссылки в предисловии к роману (Плутарх, Диодор Сицилийский, Арриан), так и другие (Павсаний, Лукиан Самосатский), чье влияние было обнаружено в процессе анализа. Путем текстологического анализа было выявлено, что при написании «Таис Афинской» автор в основном ориентировался на «Сравнительные жизнеописания» Плутарха, откуда заимствованы сюжетные решения и эмоциональная окраска эпизодов, в то время как из трудов Диодора взят фактический материал и дополнительные детали. Труд же Арриана не оказал существенного стилистического и сюжетного влияния на этот роман.

Ключевые слова: Иван Ефремов, Александр Македонский, Плутарх, Диодор, Арриан

Иван Антонович Ефремов – не только замечательный писатель-фантаст, известный нам в первую очередь своим романом-утопией «Туманность Андромеды», но и доктор наук, ученый с мировым именем, создатель новой отрасли науки на стыке биологии и палеонтологии – тафonomie. Его литературный стиль формировался в написании научных статей и отчетов геологических и палеонтологических экспедиций. Недаром А. Н. Толстой при первой встрече с молодым писателем (но уже признанным ученым) говорил об «изящном и холодном стиле» [4; 249], [9; 192]. Этот научный подход И. А. Ефремов перенес и на свое литературное творчество. Исторический, лингвистический и культурологический материал для своих произведений И. А. Ефремов подбирал и обдумывал долго и тщательно, а там, где фактов не хватало, срабатывала интуиция гениального писателя и ученого-палеонтолога, привыкшего восстанавливать целостный образ по обломку кости. Сам автор пишет о своей работе, что сначала должен «до мельчайших подробностей *зрительно* (курсив наш. – Е. А.) представить себе ту картину, ту сцену, которую собираюсь описывать» [5; 150]. Чтобы такое стало возможно, он долго изучал сам предмет, о котором собирался писать, и смежные с ним области. Вся информация, которая могла иметь отношение (чаще всего – косвенное) к теме произведения, заносилась в специальные «премудрые тетради»: «я заносил в них литературные идеи, но не просто “голую мысль”, а ряд деталей, фактов, сведений, группировавшихся вокруг какого-то стержня» [5; 146]. Одновременно создавались специальные фотоальбомы, куда И. А. Ефремов наклеивал открытки, вырезки из журналов, фото-

графии, репродукции с изображениями мест, где должно разворачиваться действие, или героев, которые будут действовать в намеченном произведении [3; 14], [8; 252]. О точности получавшихся результатов мы можем судить по замечанию известного индолога Н. Р. Гусевой, которая после прочтения «Лезвия бритвы» задала И. А. Ефремову единственный вопрос, давно ли он вернулся из Индии, на который писатель ответил: «Да не был я там, не был. Но читал. Да, много пришлось прочитать. А потом – работы художников, фильмы... Просто вся эта информация обретает три измерения в нашем сознании. Я *вижу* все это, совсем *реально вижу* (курсив наш. – Е. А.)» [11; 192].

Этот метод писатель использовал при накоплении материала на любую тему: психология, медицина, археология, древняя и современная Индия, древняя Греция. Тема Эллады, Древней Греции особенно выделяется в творчестве И. А. Ефремова. Древняя Греция и ее культурное наследие так или иначе присутствуют практически во всех произведениях писателя, начиная с самых ранних рассказов («Эллинский секрет») и кончая последним романом, изданным уже посмертно («Таис Афинская»). И. А. Ефремов говорил, что для него было чрезвычайно важно значение Эллады и эллинской культуры: «Культура эллинов эмоциональна, их отношение к любви поэтично, и недаром Эллада играла такую роль в последующем развитии общечеловеческой культуры. Эллада пленяет свежестью и полнотой чувств, и отношение к ней не может измениться» [9; 201]. Поэтому неудивительно, что его последний, во многом итоговый роман основан на исторических событиях и целиком посвящен Древней Греции.

Мы можем достаточно точно определить общее время работы автора над романом «Таис Афинская» как по переписке писателя с его коллегами [8; 81], так и по прямым текстологическим отсылкам. Ведь известно, что в 1946 году был написан рассказ «Каллиройя» (впервые опубликован в 2007 году), часть событий которого дословно вошла в роман (встреча Каллиройи и Антенора на вспаханном поле преобразовалась во встречу Таис и Птолемея). Так же в литературной тетради 1951 года в списке задуманных произведений стоит «Легенда о Таис» [4; 336]. Следовательно, от начала сбора материала (в широком смысле) до непосредственного написания романа прошло более 20 лет. За это время И. А. Ефремов успел собрать, систематизировать и обдумать огромный пласт специальных знаний.

О теме и идее романа И. А. Ефремов пишет в первых строках обращения к читателю: «...роман “Таис Афинская” основан на известном по античным источникам историческом эпизоде: сожжении Персеполиса – одной из столиц персидского царства – знаменитой афинской гетерой, участвовавшей в походе Александра Македонского» [6; 5]. Иван Антонович, оставаясь ученым даже при написании своих художественных произведений, тщательно проанализировал доступные ему источники (а доступно ему было достаточно много, поскольку писатель прекрасно знал английский язык) и дал им краткий анализ во все том же слове «От автора», предвещающем роман. Сейчас нам нет необходимости разбирать мнения И. А. Ефремова о монографиях, посвя-

щенных жизни и деятельности Александра Великого. Разыскания таких известных историков, как В. Тарн, М. Уилер, Г. Лэмб, А. Боннар, автор конспективно изложил на первой странице предисловия. Зато хочется обратить внимание на прямую отсылку к античным источникам: «...нет оснований сомневаться в правдивости Плутарха, Арриана, Диодора и других древних авторов» [6; 5]. Понятно, что к «другим авторам» относятся Павсаний с его «Описанием Эллады» и Лукиан Самосатский с его трактатом «О сирийской богине», откуда почти дословно заимствовано описание храма Матери Богов в Гиераполе. Впрочем, подробно останавливаться на географических источниках нам не позволяет формат статьи, поэтому мы возьмем только историческую часть, оказавшую влияние на формирование сюжета. Попробуем рассмотреть и сравнить описания характерных сюжетных линий у Плутарха, Диодора и Арриана. Эпизод, легший в основу романа, занимает в жизнеописании Александра у Плутарха не так уж много места (см. табл. 1), но гораздо больше, чем у Диодора [2, Кн. 17, § 72, 1–6] и Арриана [1, Кн. 3, § 18, 10–12], особенно учитывая, что Арриан вообще не упоминает знаменитую афинскую гетеру, представляя все случившееся решением самого Александра.

Если мы посмотрим на этот эпизод в интерпретации И. А. Ефремова и сравним получившуюся литературную обработку (см. табл. 1) с краткими и совершенно безэмоциональными описаниями Диодора Сицилийского и, в особенности, Арриана, нам станет совершенно ясно, что

Таблица 1

Сожжение Персеполиса

Плутарх. Александр. § 38	И. А. Ефремов. Таис Афинская
38. Однажды, перед тем как снова пуститься в погоню за Дарием, Александр пировал и веселился с друзьями. В общем веселье вместе со своими возлюбленными принимали участие и женщины. Среди них особенно выделялась Фаида, родом из Аттики, подруга будущего царя Птолемея. То умно прославляя Александра, то подшучивая над ним, она, во власти хмеля, решила произнести слова, вполне соответствующие нравам и обычаям ее родины, но слишком возвышенные для нее самой. Фаида сказала, что в этот день, глумясь над надменными чертогами персидских царей, она чувствует себя вознагражденной за все лишения, испытанные ею в скитаниях по Азии. Но еще приятнее было бы для нее теперь же с веселой гурьбой пирующих пойти и собственной рукой на глазах у царя поджечь дворец Ксеркса, предавшего Афины губительному огню. Пусть говорят люди, что женщины, сопровождавшие Александра, сумели отомстить персам за Грецию лучше, чем знаменитые предводители войска и флота. Слова эти были встречены гулом одобрения и громкими рукоплесканиями. Побуждаемый упорными настояниями друзей, Александр вскочил с места и с венком на голове и с факелом в руке пошел впереди всех. Последовавшие за ним шумной толпой окружили царский дворец, сюда же с великой радостью бежались, неся в руках факелы, и другие македоняне, узнавшие о происшедшем [10; 400–401].	Гетера начала со слов благодарности Александру за приглашение, Птолемею и Леонтиску за помощь в странствовании и за чудесного коня. Этот конь дал ей возможность не только проехать десять тысяч стадий через страны Сирии и Финикии до Вавилона, но и единственной из эллинских женщин совершить поход в пять тысяч стадий до Персеполиса. <...> – Завтра вы уходите на север, оставляя в неприкосновенности обиталище сокрушенной вами деспотии! Неужели я одна ношу в своем сердце пожарище Афин? А мучения пленных эллинов, длившиеся до сих пор, слезы матерей, хотя бы это и было восемьдесят лет назад?! Неужели божественный Александр нашел удовольствие усестись на троне разорителя Эллады, будто слуга, забравшийся в покои господина? Голос афинянки, высокий и звенящий, хлестнул словами, как бичом. Александр вскочил будто ужаленный. Люди оцепенели. <...> – Что же ты хочешь, афинянка? – спросил царь таким лыбиным рыком, что закаленные воины вздрогнули. <...> – Огня! – звонко крикнула она на весь зал. <...> Александр повернулся и повел вдоль стен Таис за руку. Два факела мгновенно подожгли занавеси на окнах, подвески и шнуры, легкие деревянные переплеты для цветов. <...> Безумие разрушения охватило сподвижников Александра. С воплями восторга и боевыми кликами воины хватали факелы и разбегались по дворцам, поджигая все, разбивая лампоны, опрокидывая чаши с горящим жиром и маслом [7; 301–303].

И. А. Ефремов опирался именно на Плутарха, поскольку в «Таис Афинской» воспроизводится «сценарий», заложенный известнейшим из греческих биографов.

Зато источником другого эпизода – встречи с искалеченными греческими пленниками – явно является «Историческая библиотека» Диодора, причем очевидно с дословными цитатами, в особенности когда дело дошло до точных цифр. Впрочем, дословное цитирование научного труда является характерным художественным методом И. А. Ефремова. В «Таис Афинской» достаточно легко заметить цитаты и даже краткий пересказ классического труда Р. Грейвса «Белая богиня», что помогает создавать и поддерживать литературную достоверность и внутреннюю реальность описываемого мира. Для большей наглядности давайте сравним тексты романа и источника (в целях удобства восприятия дословные цитаты выделены жирным шрифтом), представленные в табл. 2.

Легко заметить, что при литературной обработке И. А. Ефремов только выправил текст

Диодора в сторону большей логичности и психологической обоснованности и заменил пару специфических терминов.

Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что при написании своего исторического романа И. А. Ефремов изучил все доступные ему античные и современные исторические и этнографические источники. Однако в сюжетных решениях он опирался в первую очередь на жизнеописание Александра Великого у Плутарха, поскольку именно у него писатель позаимствовал дополнительные детали, не отраженные у других античных авторов (змеи Олимпиады, матери Александра [10; 362], шкатулка Аристотеля и описание острова Фарос [10; 387]). Также именно описания Плутарха оказали заметное влияние на композиционное решение эпизодов и эмоциональную оценку событий. В то же время мелкие фактические подробности И. А. Ефремов заимствовал (вплоть до дословных цитат) у Диодора Сицилийского. Произведение же Арриана не оказало заметного стилистического и сюжетного влияния на роман «Таис Афинская».

Таблица 2

Встреча с калеками

Диодор Сицилийский. Историческая библиотека. Кн. 17, § 69, 2–8	И. А. Ефремов. Таис Афинская
69. Дальше на пути они увидели страшное и необычайное зрелище, внушившее ненависть к палачам и наполнившее сердца жалостью и состраданием к жертвам, которые потерпели увечья неизлечимые. (3) Навстречу царю шло с ветвями умоляющих около <i>восемисот</i> эллинов, которых предшественники Дария выгнали из их жилищ. <i>Большинство из них были людьми старыми, и все они были искалечены: одни без рук, другие без ног, третьи без ушей и без носа.</i> (4) Тем, кто знал какую-нибудь науку или ремесло и был мастером своего дела, оставили только те члены тела, которые были потребны для работы : все остальные отрубили. Все, глядя на их почтенный возраст и на их увечья, исполнились сострадания к несчастным; особенно жалел их Александр: не смог даже удержать слез. (5) Все разом стали кричать и просить Александра помочь им в их несчастьях; царь подозвал главарей этой толпы, отнесся к ним с уважением, достойным его великодушия, и пообещал всячески позаботиться об их возвращении домой. (6) Они, собравшись вместе и посоветовавшись , сказали, что предпочитают не возвращаться домой, а остаться здесь. Вернувшись на родину, они рассеются маленькими кучками и, бродя по городам, обречены терпеть насмешки над жестокой обидой, которую нанесла им судьба; живя вместе , терпя одинаковое несчастье, они будут утешаться в своей беде такой же бедой соседа. (7) При следующей встрече с Александром они, объяснив свое решение, попросили его помочь им в домашнем устройстве. (8) Александр согласился с ними, выдал каждому по три тысячи драхм, по пять одежд мужских и женских, по две пары волов, по пятьдесят овец и по пятьдесят медимнов пшеницы , освободил от всех царских податей и приказал правителям следить за тем, чтобы никто их не обижал.	На рассвете в нескольких часах пути от Персеполиса македонцы увидели на дороге <i>огромную толпу. Пожилые люди с зелеными ветками</i> – в знак мира и преклонения – шли им навстречу. Это были эллины, захваченные в плен или уведённые обманом для работы в столице Персии. Искусные ремесленники и художники, они все без исключения были жестоко и намеренно <i>искалечены: у кого отрублены ступни, у других кисти левых рук, у третьих обрезаны носы или уши.</i> Калечили людей с расчетом, чтобы они могли выполнять работу по своему умению, но не могли бежать на родину в столь жалком или устрашающем виде. У Александра навернулись слезы негодования. А когда калеки, упав перед его конем, стали просить о помощи, Александр спешился. Подозвав к себе нескольких безносых предводителей толпы, он сказал, что поможет им возвратиться домой. Вожаки посоветовались и, вновь подойдя к терпеливо ожидавшему их Александру, стали просить о позволении не возвращаться на родину, где они будут предметом насмешек и жалости, а поселиться всем вместе по их выбору. Александр одобрил их решение, велел им идти навстречу главным обозам Пармения и далее в Сузу, где каждому выдадут по три тысячи драхм, по пяти одежд, по две запряжки волов, по пятьдесят овец и пятьдесят мер пшеницы. Со счастливыми криками, слава царя, калеки двинулись дальше [7; 280–281].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арриан. Поход Александра. СПб.: Алетей, 1993. 364 с.
2. Диодор Сицилийский. Греческая мифология: Историческая библиотека. М.: Лабиринт, 2000. 223 с.
3. Другая сторона медали (Из архива Ивана Ефремова): мнение коллег-ученых // Чудеса и приключения. 1992. № 6. С. 14–15.
4. Ерёмин О. А., Смирнов Н. Н. Иван Ефремов. М.: Молодая гвардия, 2013. 682 с.
5. Ефремов И. А. На пути к роману «Туманность Андромеды» // Вопросы литературы. 1961. № 4. С. 142–153.

6. Ефремов И. А. От автора // Ефремов И. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Кн. 3. Таис Афинская. М.: Мол. гвардия, 1989. С. 5–12.
7. Ефремов И. А. Собрание сочинений: В 5 т. Т. 5. Кн. 3. Таис Афинская. М.: Мол. гвардия, 1989. 494 с.
8. Иван Антонович Ефремов. Переписка с учеными. Неизданные работы / Рос. Акад. наук, Архив; Сост., авт. коммент. Н. В. Бойко; Отв. ред., авт. вступ. ст. П. К. Чудинов. М.: Наука, 1994. 286 с. (Научное наследство. Т. 22).
9. Материалы к творческой биографии И. А. Ефремова. Жизнь ученого и писателя. Интервью с И. Ефремовым // Вопросы литературы. 1978. № 2. С. 187–208.
10. Плутарх. Избранные жизнеописания: В 2 т. Т. 2: Пер. с древнегр. / Сост. и прим. М. Томашевской; Ил. Вл. Медведева. М.: Правда, 1987. 608 с.
11. Чудинов П. К. Иван Антонович Ефремов (1907–1972). М., 1987. 222 с.

Agapitova E. K., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ON HISTORICAL SOURCES IN I. A. EFREMOV'S NOVEL "TAIS AFINSKAYA"

The article is concerned with the problem of historical sources identification for Ivan Efremov's last novel "Tais Afinskaya", which describes a military campaign unleashed by Alexander the Great from the point of view of one Greek woman. We analyzed both the texts provided by I. A. Efremov directly in the preface to the novel (Plutarch, Diodor Sitsiliysky, Ariane), and also some other materials (Pavsanias, Lukian Samosatsky), which influence was revealed in the course of the analysis. The textual analysis of "Tais Afinskaya" showed that the author was generally guided by Plutarch's "Comparative biographies", from which he borrowed subject decisions and emotional coloring of episodes. The actual material and additional details were taken from works carried out by Diodor. The works of Arian had no essential stylistic or plot structure impact on this novel.

Key words: Ivan Efremov, Alexander the Great, Plutarch, Diodor, Arrian

REFERENCES

1. Arrian. *Pokhod Aleksandra* [Alexander's Campaign]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., 1993. 364 p.
2. Diodor Sitsiliyskiy. *Grecheskaya mifologiya: Istoricheskaya biblioteka* [Greek mythology: Historic library]. Moscow, Labirint Publ., 2000. 223 p.
3. The other side of the medal (From Ivan Efremov's archive): opinion of colleagues-scientists [Drugaya storona medal'i (Iz arkhiva Ivana Efremova): mnenie kolleg-uchenikh]. *Chudesa i priklyucheniya* [Miracles and adventures]. 1992. № 6. P. 14–15.
4. Eremina O. A., Smirnov N. N. *Ivan Efremov* [Ivan Efremov]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2013. 682 p.
5. Efremov I. A. In the way to the novel "The nebula of Andromeda" [Na puti k romanu "Tumannost' Andromedy"]. *Voprosy literatury* [The questions of literature]. 1961. № 4. P. 142–153.
6. Efremov I. A. From the author [Ot avtora]. *Efremov I. A. Sobranie sochineniy: V 5 t. T. 5. Kn. 3. Tais Afinskaya* [Collected works in 5 vol. Vol. 5. Part 3. Tais Afinskaya]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1989. P. 5–12.
7. Efremov I. A. *Sobranie sochineniy: V 5 t. T. 5. Kn. 3. Tais Afinskaya* [Collected works in 5 vol. Vol. 5. Part 3. Tais Afinskaya]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1989. 494 p.
8. *Ivan Antonovich Efremov. Perepiska s uchenymi. Neizdannye raboty* [Ivan Antonovich Efremov. Correspondence with scientists. Unpublished works]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 286 p.
9. Materials for Ivan Efremov's biography. Life of the scientist and the writer [Materialy k tvorcheskoy biografii I. A. Efremova. Zhizn' uchenogo i pisatelya]. *Voprosy literatury* [The questions of literature]. 1978. № 2. P. 187–208.
10. Plutarkh. *Izbrannyye zhizneopisaniya: V 2 t.* [Selected biographies in 2 vol.]. Vol. 2. Moscow, Pravda Publ., 1987. 608 p.
11. Chudinov P. K. *Ivan Antonovich Efremov (1907–1972)* [Ivan Antonovich Efremov (1907–1972)]. Moscow, 1987. 222 p.

Поступила в редакцию 06.10.2015

ГАЛИНА ИВАНОВНА ПОПОДЬКО

доктор экономических наук, доцент кафедры менеджмента Института экономики, управления и природопользования, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Российская Федерация)
kafedrakrimo@yandex.ru

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ГОЛОУШКИНА

аспирант Института экономики, управления и природопользования, Сибирский федеральный университет (Красноярск, Российская Федерация)
kateerin@bk.ru

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ РАЗВИТИЯ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ РЕГИОНА В НОВЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Проанализированы проблемы развития топливно-энергетического комплекса регионов, рассмотренные различными авторами; проведен анализ проблем развития энергетической отрасли Красноярского края на основе статистических данных. Среди основных вопросов, оказывающих негативное влияние на развитие топливно-энергетического комплекса Красноярского края в настоящее время, выявлены: критический уровень потерь в электросетях; значительный износ основных производственных фондов; отрицательная динамика инновационной активности в добыче сырой нефти, природного газа и топливно-энергетических полезных ископаемых; недостаток инновационной активности, связанный с добычей энергоресурсов. Была обоснована необходимость классификации проблем устойчивого развития энергетического комплекса региона. Также сформулированы признаки и критерии ее построения. Предложена авторская классификация проблем, оказывающих негативное влияние на развитие топливно-энергетического комплекса, в основу которой был положен управленческий аспект.

Ключевые слова: регион, энергетический комплекс, анализ проблем, управленческий аспект, устойчивое развитие, новые экономические условия

Для применения методов и инструментов, способствующих устойчивому развитию топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) региона, необходим анализ, характеристика и классификация проблем, связанных с развитием энергетического сектора регионов, а также постановка и решение наиболее важных задач, способствующих созданию благоприятных условий для устойчивого развития отрасли.

Проблемы развития энергетической отрасли рассматривались в работах таких авторов, как М. К. Агеев, В. К. Лозенко, И. П. Пестов, Ю. В. Самошин и многих других. Выделение проблем, оказывающих негативное воздействие на энергетический комплекс, необходимо, во-первых, для определения состояния энергетической отрасли с целью его улучшения, во-вторых, для преодоления «узких мест» в развитии энергетического комплекса, в-третьих, для формирования стратегии развития энергетики и разработки инструментов и методов ее устойчивого развития, то есть для управления этими проблемами. Исходя из этого основной целью нашего исследования является выявление, классификация и анализ проблем, влияющих на устойчивое развитие энергетического комплекса на примере Красноярского края. В процессе работы мы основывались на теоретических подходах различных отечественных и зарубежных авторов к класси-

фикации проблем. Основным методом исследования являлся проведенный анализ статистических данных и теоретических подходов различных авторов к выявленной проблеме.

М. К. Агеев и В. К. Лозенко рассматривают организационные проблемы управления энергоэффективностью, с которыми чаще всего сталкиваются российские организации. Среди них авторы выделяют: рост цен на энергетические ресурсы и рост доли затрат на энергию в структуре себестоимости конечной продукции; рост потерь энергии; неполноту внутренней нормативной базы; формальный подход к проведению энергетических обследований [1; 57]. По нашему мнению, авторами дан недостаточный перечень проблем развития энергетического сектора, так как рассмотрены лишь организационные проблемы управления энергоэффективностью. Также авторами не обозначена и не рассмотрена одна из важнейших проблем такого рода – потери электрической энергии в электросетях.

И. П. Пестов рассматривает проблемы развития человеческого капитала в электроэнергетике, к которым относит: отсутствие научно обоснованной методики экономической оценки эффективности обучения персонала; отсутствие отраслевой системы сертификации технических средств обучения персонала; слабое оснащение электрических станций современными технически-

ми средствами обучения персонала [2]. Данный автор не раскрывает полностью все проблемы энергетического сектора, связанные с развитием человеческого капитала в электроэнергетике, которые при этом являются чрезвычайно важными и необходимыми для решения, так как именно человеческий фактор играет решающую роль в развитии энергетического сектора. Любые проблемы, возникающие в топливно-энергетической отрасли, как и в любой другой отрасли, прямо или косвенно зависят от деятельности людей. Автор же останавливается на непосредственных проблемах развития человеческого капитала, не затрагивая такие важные проблемы, как: формирование межфункциональных рабочих групп, созданных для решения проблем разного характера; создание комиссий по энергоэффективности; повышение мотивации персонала в снижении потерь энергии в производственно-технологических процессах; улучшение энергосбережения населением.

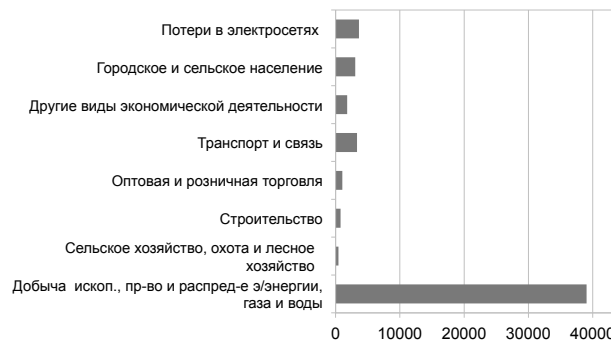
Ю. В. Самошин анализирует основные проблемы современного этапа развития мировой энергетики. Среди наиболее значимых проблем автор выделяет следующие: энергосбережение, отсутствие единой энергетической политики в мире, дефицит энергоресурсов в скором будущем [4; 7]. Автор рассматривает наиболее значимые вопросы развития мирового энергетического сектора. Однако исследовать только какую-то часть проблем, которые, по мнению автора, являются наиболее важными, не совсем верно. Такой подход не дает целостного понимания и характеристики проблем развития энергетического сектора на мировом уровне, уровне страны или региона.

В «Энергетической стратегии России на период до 2030 года»¹ указаны проблемы развития энергетического сектора, связанные с обеспечением энергетической безопасности регионов страны, недропользованием и управлением государственными фондами недр, развитием внутренних энергетических рынков, формированием рационального топливно-энергетического баланса, региональной энергетической политикой, инновационной и научно-технической политикой в энергетике, социальной политикой в энергетике, внешней энергетической политикой. Проблемы, оказывающие негативное воздействие на устойчивое развитие энергетического сектора, выделенные в данном документе, можно дополнить и классифицировать по нескольким признакам. Например, по виду источника энергии; по типу природных ресурсов, используемых в производственно-хозяйственной деятельности для получения энергии; по составляющим энергетического комплекса и стадиям производственного процесса, а также с учетом аспекта управляемости проблем. Обозначенная в данном документе глобальная проблема нагрузки на окружающую среду и многие другие проблемы охарактеризованы только частично, то есть не показана за-

висимость нагрузки на окружающую среду, например, от вида топлива, которое используют для получения энергии. Так, использование угля приводит к загрязнению окружающей среды метаном, а переработка нефтепродуктов – к необходимости утилизации попутного нефтяного газа, метана, гелия и газового конденсата. Мы считаем, что перечень проблем региональной энергетической политики, приведенный в «Энергетической стратегии», является неполным, поскольку не включает в себя проблемы недропользования на уровне региона, проблемы региональных энергетических рынков и многие другие.

Обзор теоретических и практических аспектов, связанных с проблемами, влияющими на развитие энергетического комплекса, показал, что они остаются изученными не в полной мере. Для построения авторской классификации нами был проведен отбор и анализ проблем, оказывающих негативное воздействие на устойчивое развитие энергетической отрасли Красноярского края. Для объективной оценки ее состояния нами был проведен анализ статистических данных о структуре электробаланса, динамике потерь в электросетях, состоянии основных производственных фондов, инновационной активности организаций промышленного производства в энергетике, динамике инвестиций².

Данные по структуре потребления электроэнергии приведены на рисунке.

Структура электробаланса Красноярского края в 2013 году (млн·кВт·час)

Как показывают статистические данные, наибольшую долю в потреблении электроэнергии занимает добыча полезных ископаемых, обрабатывающие производства, производство и распределение газа и воды, что составляет примерно 39 000 млн·кВт·час. Практически одинаковое потребление электроэнергии в 2013 году приходилось на транспорт и связь, городское и сельское население (по 6 % от общего объема) и потери в электросетях (7 %). Таким образом, объем потерь в электросетях в Красноярском крае в 2013 году превышает объем потребления электроэнергии городским и сельским населением и составляет 3625 млн·кВт·час. Данный показатель является критическим, так как ликвидация потерь в электросетях в Красноярском

крае позволит сэкономить объем электроэнергии, которого будет достаточно для обеспечения городского и сельского населения на целый год. Однако уровень потерь в электросетях не превышает данный показатель по РФ (примерно 10 % в 2013 году) и равен значению по Сибирскому федеральному округу (около 7 %).

Для более глубокого анализа потерь электроэнергии в сетях нами была рассмотрена динамика данного показателя в период с 2010 по 2013 год. На основе полученных данных было выявлено, что наибольшее снижение потерь электроэнергии в сетях по сравнению с аналогичным показателем по России наблюдается в Красноярском крае и в Сибирском федеральном округе: в период с 2010 по 2013 год данный показатель удалось снизить более чем на 1 %. Однако динамика показателя не имела однозначной тенденции к снижению как в целом по России, так и по Красноярскому краю. В 2012 году наблюдалось увеличение потерь электроэнергии в сетях на 0,1 %. В целом динамика рассматриваемого показателя является положительной в период с 2010 по 2013 год. Однако для обеспечения устойчивого развития топливно-энергетического комплекса Красноярского края необходимо стабилизировать и наращивать темпы снижения потерь электроэнергии в сетях региона, а также разработать ряд мероприятий, направленных на снижение данного показателя. К таким мероприятиям, например, можно отнести: техническое перевооружение и развитие электрических сетей, ввод в работу энергосберегающего оборудования, контроль хищений электроэнергии на предприятиях, повышение квалификации персонала региональных предприятий, а также введение ежегодного плана снижения данного показателя на предприятиях региона и контроль за его исполнением.

Особое внимание необходимо уделить анализу состояния основных производственных фондов ТЭК Красноярского края. Анализ степени износа основных производственных фондов региона в 2008–2013 годах показал, что износ оборудования предприятий ТЭК стабильно увеличивается, прирост данного показателя за рассматриваемый период составил примерно 3 % по Красноярскому краю. Тенденция является отрицательной, несмотря на то что динамика показателя износа основных производственных фондов по всем отраслям Красноярского края положительная (за рассматриваемый период показатель снизился примерно на 2 %).

Наличие различных проблем, связанных с износом оборудования предприятий ТЭК, также подтверждается анализом возрастного состава котельных в Красноярском крае по состоянию на 2013 год. Проведенный анализ показал, что 57 % котельных было введено в период с 1970 по 1989 год, а после 2010 года – около 2 %. Таким образом, средний возраст основных производственных фондов отрасли на начало 2015

года составляет примерно 37 лет. Очевидно, что большая часть оборудования этих котельных является значительно изношенной, и это отражается на количестве возникающих сбоев при подаче электроэнергии, газа и воды населению и промышленным предприятиям региона. Анализ данных показал, что на 39 % котельных Красноярского края были проведены капитальные ремонты в период с 1990 по 2009 год и только на 33 % – после 2010 года. При этом до сих пор функционируют котельные, на которых проводился последний капитальный ремонт до 1970 года (примерно 7 %). Наличие столь старых котельных, а также существование большого количества котельных, капитальный ремонт на которых был произведен очень давно, представляют угрозу для энергетической безопасности региона и проблему, существенно сдерживающую развитие ТЭК Красноярского края в будущем. Кроме того, результатом наличия большого количества проблем, связанных с изношенностью оборудования, является неполная загруженность основных производственных мощностей предприятий региона. Показатель среднего фактического КПД котельных Красноярского края составляет около 64 %, то есть большая часть из них работает не на полную мощность.

Также нами был проведен анализ инновационной активности организаций промышленного производства (доля организаций промышленного производства, осуществляющих технологические, организационные и маркетинговые инновации, в общем числе обследованных организаций) по Красноярскому краю в период с 2013 по 2014 год в энергетической отрасли. Анализ данных показал, что в основном за рассматриваемый период наблюдается отрицательная динамика инновационной активности в энергетической отрасли региона. Однако в зависимости от вида инноваций тенденцию нельзя оценить однозначно. Так, увеличение количества научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок наблюдается в добыче энергоресурсов (каменный, бурый уголь, торф) – примерно на 0,6 % и в производстве и распределении электроэнергии, газа и воды – практически на 8 %. По этим видам инноваций Красноярский край за рассматриваемый период опережает темпы роста данных показателей по России в целом. При этом за рассматриваемый период по Красноярскому краю наблюдается снижение инновационной активности в добыче сырой нефти и природного газа – на 10 % и в добыче топливно-энергетических полезных ископаемых – на 5 %. По этим видам инноваций Красноярский край значительно отстает от темпов роста данных показателей по России. Таким образом, в регионе наблюдается недостаток инновационной активности, связанный с добычей энергоресурсов (за исключением угля и торфа), отставание от темпов роста по России в целом. Выявленная проблема негативным

образом отражается на ТЭК и способствует замедлению развития данной отрасли региона.

Анализ динамики инвестиции в основной капитал энергетической отрасли Красноярского края показал, что большинство видов рассматриваемых инвестиций имеют отрицательную динамику. Так, инвестиции в основной капитал по добыче сырой нефти и природного газа за рассматриваемый период сократились более чем на 28 %. Инвестиции в основные производственные фонды, задействованные в передаче электроэнергии, пара и горячей воды, уменьшились примерно на 8 % и 1 % соответственно. Инвестиции, связанные с производством электроэнергии ГЭС, снизились более чем на 95 %, а финансовые вложения, связанные с производством электроэнергии ТЭЦ, увеличились примерно на 50 %. Инвестиции в основные фонды, задействованные в распределении электроэнергии, газообразного топлива, снизились за 2013–2014 годы примерно на 20 % и 22 % соответственно. Темпы роста вложений в основные фонды энергетической отрасли Красноярского края в целом отстают от темпов роста инвестиций в энергетическую отрасль по России. Таким образом, можно констатировать отрицательную динамику данного показателя за указанный период в регионе, несмотря на положительную динамику по отдельным видам инвестиций в энергетическую отрасль региона.

Проанализировав различную научную литературу, касающуюся проблем устойчивого развития энергетической отрасли региона, и статистические данные о состоянии ТЭК Красноярского края, нами был определен основной аспект построения авторской классификации и сформулированы основные признаки, по которым необходимо разделить проблемы устойчивого развития отрасли региона для построения эффективной системы ее управления. Для обеспечения устойчивого развития ТЭК регионов необходимо разработать и внедрить оптимальные инструменты управления энергетической отраслью на местах. Поэтому управленческий аспект занимает особенно важное место в построении классификации проблем, оказывающих влияние на развитие ТЭК.

Проблемы, оказывающие влияние на устойчивое развитие ТЭК регионов, были классифицированы: 1. По степени структуризации проблем; 2. В зависимости от уровня принятия решений; 3. По степени повторяемости проблем.

Не многие отечественные авторы рассматривали вопросы структуризации проблем и задач развития топливно-энергетического сектора. Так, например, М. Р. Разанов, Н. Г. Топольский, Ю. И. Артюшин в своей работе рассматривали вопросы моделирования процессов принятия решений. Авторы предлагают две модели принятия решений: полная формализация нахождения наилучшего решения – для хорошо структурированных задач; имитационный подход – для слабо структурированных задач [3; 1]. В. А. Фадеев

рассматривает принципы и особенности вариантов развития слабо структурированных систем энергетики районов [5; 117]. Авторы уделяют достаточное внимание моделированию процессов принятия решений и вариантов развития для слабо структурированных и хорошо структурированных проблем, не уделяя при этом должного внимания составляющим выделенных проблем. Кроме того, в данных работах вообще не рассматриваются неструктурированные проблемы, что, по нашему мнению, не является оправданным.

На рисунке приведена классификация проблем, оказывающих влияние на устойчивое развитие энергетической отрасли регионов в зависимости от степени структуризации проблем ТЭК.

Ценность предложенной классификации проблем, оказывающих влияние на устойчивое развитие ТЭК регионов по степени структуризации проблем, заключается в том, что позволяет выявить не только группы проблем, которые решаются проще или сложнее, но и определить методы решения таких проблем. Например, проще всего решить хорошо структурированные проблемы, так как они четко сформулированы, содержат четкое описание и решаются с использованием формальных методов. Выбор методов решения проблемы напрямую связан с местом рассматриваемой проблемы в предложенной классификации.

Одна и та же проблема может перейти из группы неструктурированных проблем в слабо структурированную или из слабо структурированной в хорошо структурированную. Важнейшая задача обеспечения устойчивого развития регионов заключается в поиске оптимальных и эффективных путей развития ТЭК региона. А поиск таких путей непрерывно связан с изучением, тщательным анализом слабо структурированных и, особенно, неструктурированных проблем. Следовательно, предложенная классификация будет способствовать упрощению проведения анализа проблем, оказывающих влияние на устойчивое развитие конкретного региона, определение первостепенных и второстепенных задач при построении и выборе стратегии развития ТЭК.

В зависимости от уровня принятия решения проблемы, оказывающие влияние на устойчивое развитие ТЭК региона, нами были разделены на следующие классификационные группы:

1. Проблемы, решение которых осуществляется на уровне отдельных работников;
2. Проблемы, решение которых осуществляется на уровне структурных подразделений;
3. Проблемы, решение которых осуществляется внутри предприятия;
4. Проблемы, которые решаются внутри региона;
5. Проблемы, которые решаются за пределами региона.

Классификация проблем, оказывающих влияние на устойчивое развитие ТЭК регионов, по степени структуризации

Предложенная классификация имеет научную ценность, так как выделение групп однородных проблем, оказывающих ключевое воздействие на устойчивое развитие ТЭК регионов в зависимости от уровня принятия решения, будет способствовать рациональному построению модели устойчивого развития ТЭК региона, учитывая, что различные проблемы эффективнее всего решаются на каком-то определенном уровне. Каждое решение должно приниматься на определенном уровне для построения рациональной стратегии развития ТЭК региона.

По степени повторяемости проблемы, оказывающие влияние на устойчивое развитие энергетической отрасли регионов, были разделены на две классификационные группы: традиционные и нетипичные. К традиционным нами были отнесены проблемы, характерные для ТЭК определенного региона; проблемы, с которыми регион сталкивается постоянно (слабая инвестиционная политика внутри определенного региона; неполнота внутренней нормативной базы; отсутствие квалифицированного персонала). К нетрадиционным – проблемы, нехарактерные для ТЭК конкретного региона, то есть новые проблемы, с которыми данный регион еще не сталкивался (например, низкая степень развития геотермальной энергетики в определенных регионах; проблемы разработки и изучения новых видов энергии).

Целесообразность предложенной классификации заключается в том, что для различных регионов нашей страны одни и те же проблемы могут относиться к различным классификационным группам. Определение нетипичных проблем региона будет иметь ключевое значение при выборе различных методов и инструментов управления его ТЭК.

Подводя итог и проанализировав проблемы, оказывающие влияние на устойчивое развитие энергетического комплекса региона, мы пришли к следующим выводам. Предложенные классификационные признаки не заменяют, а дополняют различные системы классифицирования отдельных групп проблем. Однако для построения оптимальной стратегии и модели устойчивого развития региона выделение предложенных классификационных признаков необходимо, чтобы осуществлять расширенный анализ состояния его энергетического комплекса. Классификация проблем устойчивого развития ТЭК должна быть построена на множестве различных классификационных признаков, чтобы в дальнейшем можно было проводить анализ состояния развития ТЭК с различных сторон для выявления наиболее острых проблем ТЭК различных регионов.

В процессе работы были рассмотрены и проанализированы проблемы, оказывающие влияние на устойчивое развитие энергетического комплекса, описанные различными авторами

и представленные в «Энергетической стратегии России на период до 2030 года», проведен анализ основных проблем ТЭК Красноярского края. Нами была предложена авторская классификация, которая дает более точное, целостное и системное понимание проблем, связанных с развитием ТЭК регионов. Данная классификация была разработана по различным признакам, характеризующим ТЭК с точки зрения управленческого аспекта. Достаточно большое значение при построении предложенной классификации было уделено управленческому аспекту устой-

чивого развития. В систему классификаций был включен такой классификационный признак, как степень структуризации проблем, способствующий не только углубленному анализу проблем конкретного региона, но и определению методов решения той или иной группы проблем. Управленческий аспект построения предложенной системы классификаций позволит, на наш взгляд, построить модели решения проблем в зависимости от различных критериев, таких как уровень принятия решений, степень структуризации проблем и степень их повторяемости.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Энергетическая стратегия России на период до 2030 года: Утверждена Распоряжением Правительства РФ от 13.11.2009 года № 1715-р. Справочно-правовая система «Консультант плюс» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.consultant.ru/>

² Министерство энергетики и ЖКХ Красноярского края [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gkh24.ru/>; Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gks.ru/>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеев М. К., Лозенко В. К. Развитие организационных механизмов – ключевой фактор инновационного прогресса в управлении энергоэффективностью // Контроллинг. 2012. № 43. С. 56–61.
2. Пестов И. П. Роль управления человеческим капиталом в электроэнергетике // Вестник СамГУПС. 2010. № 2 (20). С. 45.
3. Разанов М. Р., Топольский Н. Г., Артюшин Ю. И. Методы решения задач выбора при развитии и управлении ТЭК // Технологии техносферной безопасности. 2007. С. 1–8 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://agps-2006.narod.ru/ttb/2007-1/07-01-07.ttb.pdf>
4. Самошин Ю. В. Основные проблемы современного этапа развития мировой энергетики // Мировая экономика. 2008. № 9. С. 6–12.
5. Фадеев В. А. Принципы и особенности анализа вариантов развития энергетики района // Современная техника и технологии: Сборник трудов XVIII международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, Томск, 9–13 апреля 2012 г.: В 3 т. / Национальный исследовательский Томский политехнический университет (ТПУ). 2012. Т. 1. С. 117–118.

Popod'ko G. I., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)
Goloushina E. N., Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russian Federation)

ANALYSIS OF REGIONAL ENERGY SECTOR PROBLEMS UNDER NEW ECONOMIC CONDITIONS

The article analyzes multiple research papers of various authors involved with the problem of fuel and energy complex development in the region. The problems of the energy sector of Krasnoyarsk region are analyzed with the help of obtained statistical data. It was revealed that among principle problems negatively affecting the process of fuel and energy complex development in Krasnoyarsk region are the following: the critical level of losses in electrical supply networks; significant depreciation of the capital stock; negative dynamics of innovative activities in crude oil production, natural gas, fuel and power resources' extraction; lack of innovative activity in energy production. A necessity to classify problems characteristic of sustainable development of the fuel and energy complex was substantiated. The principles and criteria of the problems' classification were elaborated. The author's classification of the problems negatively affecting the fuel and energy complex development was offered. The author's classification was based on the administrative aspect.

Key words: region, energy complex, problem analysis, administrative aspect, sustainable development

REFERENCES

1. Ageev M. K. Development of institutional mechanisms – a key factor in the innovation management of energy efficiency [Razvitie organizatsionnykh mekhanizmov – klyuchevoy faktor innovatsionnogo progressa v upravlenii energoeffektivnost'yu]. *Kontrolling*. 2012. № 43. P. 56–61.
2. Pestov I. P. The role of human capital management in electricity [Rol' upravleniya chelovecheskim kapitalom v elektroenergetike]. *Vestnik SamGUPS*. 2010. № 2 (20). P. 45.
3. Razanov M. R., Topol'skiy N. G., Artyushin Yu. I. *Tekhnologii tekhnosfernoy bezopasnosti* [The technology of technosphere security]. Available at: <http://agps-2006.narod.ru/ttb/2007-1/07-01-07.ttb.pdf>
4. Samoshin Yu. V. The main problems of the current stage of the world energy development [Osnovnye problemy sovremennoy etapy razvitiya mirovoy energetiki]. *Mirovaya ekonomika*. 2008. № 9. P. 6–12.
5. Fadeev V. A. The principles and features of the analysis of regional energy development [Printsiipy i osobennosti analiza variantov razvitiya energetiki rayona]. *Sovremennye tekhnika i tekhnologii: Sbornik trudov XVIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh, Tomsk, 9–13 aprelya 2012 g.: V 3 t. / Natsional'nyy issledovatel'skiy Tomskiy politekhnicheskii universitet (TPU)* [Modern equipment and technologies: Proceedings XVIII international scientific and practical conference of students, graduate students and young scientists, Tomsk, 9–13 April 2012 at 3 m. / Tomsk Polytechnic University (TPU)]. 2012. Vol. 1. P. 117–118.

Поступила в редакцию 10.06.2015

ИГБАЛ АДИЛЬ ОГЛЫ ГУЛИЕВ

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Международного института энергетической политики и дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел РФ (Москва, Российская Федерация)
guliyevia@mail.ru

РУСЛАН КАМИЛЬЕВИЧ МУСТАФИНОВ

ведущий аналитик Центра стратегических исследований и геополитики в области энергетики Международного института энергетической политики и дипломатии, Московский государственный институт международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел РФ (Москва, Российская Федерация)
mustafinovruslan@gmail.com

ОБЗОР ПРОГНОЗОВ ДОЛГОСРОЧНОГО ИЗМЕНЕНИЯ СРЕДНЕВЗВЕШЕННОЙ ЦЕНЫ НА НЕФТЬ

На основе систематического анализа соответствующей литературы проведено исследование долгосрочных прогнозов изменения средневзвешенной цены на нефть до 2050 года, обусловленное высокой необходимостью прогнозирования дальнейшего возможного изменения цен на углеводороды. Выявлены основополагающие экономические и политические факторы, которые способны повлиять на ключевой тренд формирования средневзвешенной цены на нефтяных рынках. В долгосрочном периоде спрос на нефть увеличится, ограниченное предложение нефти вызовет дефицит данного ресурса, что уже в среднесрочной перспективе приведет к повышению цен. Рост экономической активности и увеличение количества населения усугубят данную тенденцию.

Ключевые слова: долгосрочный прогноз, международное энергетическое агентство, европейская комиссия, цена на нефть

Причины резкого падения цены на нефть со 105 долл. США за баррель эталонного сорта «WTI» в июле 2014 года до 45 долл. за баррель эталонного сорта «WTI» в январе 2015 года¹ раскрыты неоднозначно. Теории изменения цен на нефть колеблются от сугубо экономических до конспирологических. Прежде всего это объясняется недостатком информации аналитиков, которые решаются так или иначе объяснить текущее положение дел и предвидеть краткосрочное изменение цены на нефть. Несмотря на то что долгосрочное прогнозирование цены на нефть нелинейно и полно противоречий, на основе существующих исследований возможно определить ключевой тренд развития рынков нефти. В данной статье анализируются и обобщаются нижеследующие долгосрочные прогнозы по изменению цены на нефть, рассматриваются три прогноза изменения цен на нефть в долгосрочном периоде до 2050 года, за базис взят 2014 год. Прогнозы рассчитаны исходя из единой агрегированной, взвешенной цены на эталонные сорта нефти, и мировой рынок нефти рассматривается в качестве единого общего пула:

- Прогноз Центрального исследовательского института энергетической отрасли (ЦИИЭО);
- Прогноз Европейской комиссии (ЕК);
- Прогноз Международного энергетического агентства (МЭА).

Рост экономической активности и увеличение количества населения являются основными фак-

торами увеличения спроса на энергоносители, в том числе на углеводороды. С 2015 по 2050 год мировой ВПП в номинальном выражении увеличится в 2 раза до 140 трлн долл США², количество населения – в 1,3 раза с 7,2 млрд человек до 9,5 млрд человек³. Также следует отметить, что влияние политики «количественного смягчения» Центробанков, направленной на стимулирование активности экономики, не может не сказаться на росте цены на нефть в номинальном выражении.

В прогнозе МЭА рассматривается три возможных сценария изменения цены на нефть. Рост экономической активности и увеличение количества населения принимаются за основные движущие факторы долгосрочного роста спроса на энергоносители. Сценарии МЭА разделяются по принципу устойчивого развития, то есть основным маркером является повышение среднемировой температуры с 2015 по 2050 год на 2 °C, на 4 °C и на 6 °C. Данные сценарии изображены на рис. 1. Рост экономической активности и увеличение количества населения принимаются аналитиками МЭА за основные движущие факторы долгосрочного роста спроса на энергоносители⁴. Методология прогнозирования МЭА соответствует анализируемому далее прогнозам других институтов и основывается на росте спроса и предложения на энергоресурсы в связи с увеличением населения и экономической активности. Однако при этом учитываются

различные варианты экстенсивного, интенсивного и умеренного развития мировой энергетики. Например, разобранный далее сценарий 2 °C предполагает кардинальное увеличение доли возобновляемых источников энергии в потреблении и соответственно уменьшение доли потребления углеводородного сырья.

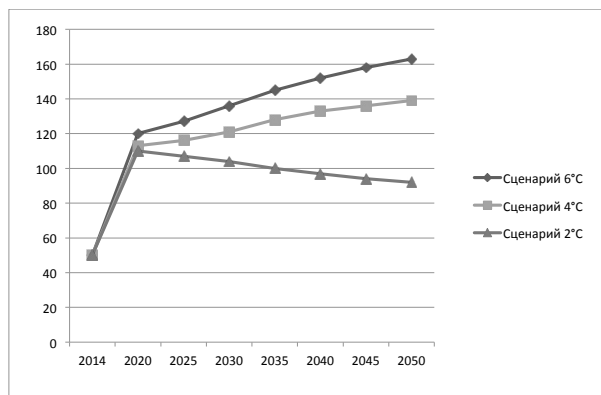

Рис. 1. Долгосрочный прогноз МЭА по мировым ценам на нефть, долл. США

- 1) Сценарий увеличения среднемировой температуры на 2 °C предполагает инновационную модель развития мировой энергетики, значительное увеличение доли возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе стран ЕС, технологический прорыв в энергетической отрасли. Исходя из данного сценария, эмиссия парниковых газов, связанная с деятельностью энергетики, к 2050 году уменьшится в 2 раза, и данная тенденция сохранится на последующие годы;
- 2) В сценарии увеличения среднемировой температуры на 4 °C заложен естественный ход научно-технического прогресса, который обеспечивает по мере внедрения новых технологий их постепенное удешевление, а также поддержание сложившихся трендов снижения энергоемкости ВВП стран ЕС. Данный сценарий также учитывает взятые на себя обязательства стран ЕС по ограничению выбросов, увеличению доли возобновляемых источников энергии в энергетическом балансе и повышению энергетической эффективности. Сценарий предполагает приверженность мирового сообщества взятому курсу и значительный прорыв в энергосберегающих технологиях;
- 3) Сценарий увеличения среднемировой температуры на 6 °C основывается на экстенсивном развитии экономики при отсутствии намерения стран мирового сообщества по уменьшению антропогенного воздействия на окружающую среду.

Европейская комиссия (ЕК) в «Обзоре Мировых Технологий до 2050 года» представила свое видение долгосрочного изменения цены на нефть, отраженное на рис. 2⁵. В отличие от вышеуказанного прогноза МЭА, по мнению ЕК,

именно ограниченное предложение, связанное с закрытостью и непредсказуемостью стран – экспортеров нефти, и высокий спрос приведут к изменению энергетических рынков. Анализ долгосрочной стратегии энергетического развития стран ОПЕК исследователями ЕК показал, что, несмотря на значительные высокоприбыльные возможности реализации проектов, доступ к ним ограничен. Это, в свою очередь, уменьшает вероятность достижения устойчивого и быстрого роста добычи нефти, необходимого для сбалансированности мировой энергетической системы. Методология прогнозирования ЕК также основана на количественном анализе спроса и предложения в будущих периодах.

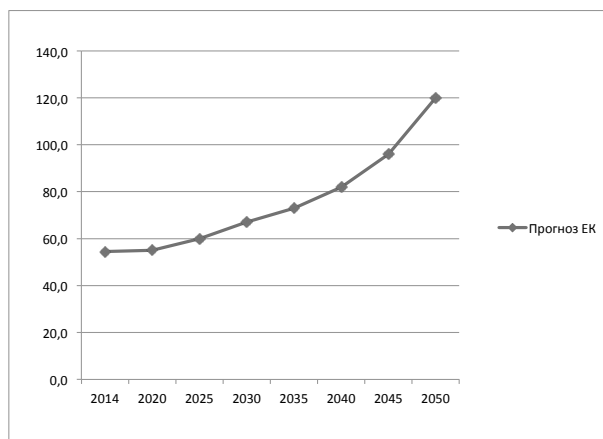

Рис. 2. Долгосрочный прогноз ЕК по мировым ценам на нефть, долл. США

Разработки прогноза ЦИИЭО в первую очередь были обусловлены необходимостью сбора данных для выработки мер по предотвращению глобального потепления и истощению энергетических ресурсов. Наиболее яркое отличие данного прогноза от вышеперечисленных выражено в том, что прогноз изменения цены на нефть представлен как в номинальных ценах, так и в реальных, за базис взят уровень цен 2002 года⁶. На рис. 3 показан долгосрочный прогноз ЦИИЭО по изменению мировой цены на нефть в реальном и номинальном выражении. Основной методологической базой данных моделей прогноза является разработанная ЦИИЭО программа «Моделирование мировых цен на энергоносители», целью создания которой была разработка количественного подхода долгосрочного исследования изменения спроса и предложения на энергоносители с целью выработки стратегии дальнейшего энергетического развития Японии.

В ходе рассмотрения долгосрочных сценариев изменения цен на нефть различных энергетических институтов были выявлены основные тенденции, представленные на рис. 4⁷. Прогноз ЦИИЭО был представлен в номинальных ценах. Из сценариев МЭА был сделан средневзвешенный прогноз МЭА, который позволяет вывести мо-

дель умеренного инновационного развития при сохранении существующего технологического устройства энергетической отрасли. Данные исследования Европейской комиссии представлены без изменений. Во всех сценариях за базис взят 2014 год.

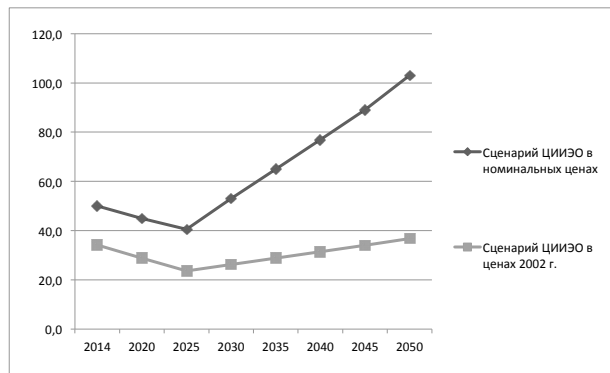

Рис. 3. Долгосрочный прогноз ЦИИЭО по изменению мировой цены на нефть, долл. США

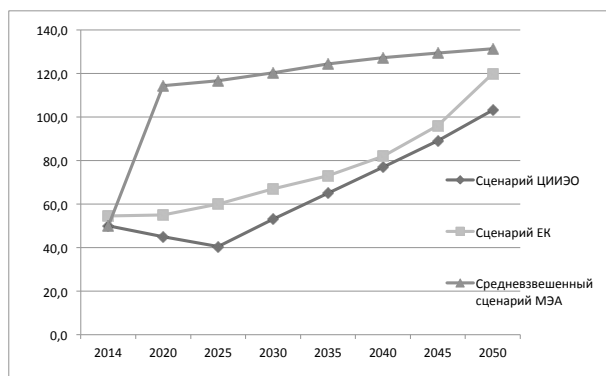

Рис. 4. Долгосрочный прогноз международных энергетических институтов по мировым ценам на нефть, долл. США

Исходя из вышеперечисленных прогнозов, включая сценарий ЦИИЭО, в котором прогнозируется изменение стоимости нефти в реальных ценах, следует, что в долгосрочном пери-

оде спрос на нефть увеличится, ограниченное предложение нефти вызовет дефицит данного ресурса, что уже в среднесрочной перспективе приведет к повышению цен. Дальнейшее экстенсивное развитие мировой экономики в долгосрочном периоде удвоит цену на нефть, что на фоне истощения традиционных запасов увеличит внешнеполитические риски стран-импортеров. Неоправданно низкий прогноз ЦИИЭО и ЕК в первую очередь связан с учетом реальности перехода развития мировой энергетики от экстенсивного к интенсивному. Это наиболее ярко выражено в прогнозе ЕК, одной из стратегических целей которой является максимизировать переход стран-участников на возобновляемые источники энергии, что, по мнению авторов, и закладывается в расчетных данных по спросу на энергоносители.

Значимость стратегического прогнозирования с целью выработки подготовительных мер и адекватных стратегий развития энергетической отрасли как никогда актуальна для энергетики России. При подготовке данной статьи были также детально проанализированы отечественные прогнозы изменения цены на нефть до 2040 года, динамика которых также вписывается в общую тенденцию увеличения средневзвешенной цены на нефть, однако при условии отсутствия серьезных прорывов в ядерной и возобновляемой энергетике [1].

Исходя из прогнозов, необходимо сделать вывод о неминуемом росте цен на энергоносители, как по причине увеличения спроса и недостатка предложения, так и в силу инфляционных и финансовых факторов увеличения денежной массы.

Российская экономика, столь зависимая от импорта энергоресурсов, несмотря на положительные прогнозы развития, также должна подразумевать основные критерии мирового сообщества по программам перехода на возобновляемые источники энергии и программам устойчивого развития и сместить акцент на более независимые от рынка источники доходов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Energy Information Administration. Short Term Energy. Нью-Йорк. 2015.
- ² Hoshino Yu. The world energy supply and demand projections. Токио. 2004.
- ³ United Nations. World Population. Нью-Йорк. 2013.
- ⁴ International Energy Agency. World Energy Outlook. Лондон. 2014.
- ⁵ European Commission. World Energy Technology Outlook. Брюссель. 2006.
- ⁶ Hoshino Yu. The world energy supply and demand projections. Токио. 2004.
- ⁷ Hoshino Yu. The world energy supply and demand projections. Токио. 2004; European Commission. World Energy Technology Outlook Брюссель. 2006; International Energy Agency. World Energy Outlook. Лондон. 2014.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бушуева В. В., Каламанова В. А. Мировая энергетика – 2050 (Белая Книга) // Бушуева В. В. Тренды развития мировой энергетики. М.: ИЦ «Энергия», 2014. С. 181–219.
2. Гулиев И. А. Оценка внутривидовых и внешнеэкономических преобразований стратегических предприятий в условиях финансово-экономической нестабильности // Вестник Московского университета. Сер. 21. «Управление (государство и общество)». 2012. № 1. С. 94–103.

3. Ефременко Д. В. Влияние изменения цен на нефть на экономику России: текущие тренды и прогнозы // Экономика России в XXI веке. Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2014. С. 182–186.
4. Козырева С. М. Динамика и прогноз цен на нефть марки URALS // Актуальные вопросы экономических наук № 29-1. Новосибирск: Изд-во «Центр развития научного сотрудничества», 2013. С. 181–186.
5. Линник Ю. Н., Афанасьев В. Я., Линник В. Ю., Третьякова М. В. Разработка адаптивных экономических моделей прогнозирования цены на нефть на краткосрочную перспективу // Горный журнал. 2014. № 12. С. 36–39.

Guliev I. A. O., Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the RF (Moscow, Russian Federation)
Mustafinov R. K., Moscow State Institute of International Relations (University)
Ministry of Foreign Affairs of the RF (Moscow, Russian Federation)

REVIEW OF THE LONG-TERM AVERAGE WEIGHTED OIL PRICE FLUCTUATION FORECASTS

The article is concerned with the problem of necessary forecasting of probable future changes in oil and gas prices. The analysis of the long-term changes of the average-weighted oil prices up to 2050 is based on the study of current specialized literature. The main economic, technical and political factors affecting the principle trend of the oil price formation at the oil markets are evident. In the long run, a demand for oil will start growing and the limited oil supply will cause deficit of this resource, which eventually will lead to high oil prices. Further economic growth and increasing population will only strengthen this tendency.

Key words: long-term forecast, international energy agency, European Commission, oil price, crude oil

REFERENCES

1. Bushueva V. V., Kalamanova V. A. World Energy – 2050 (White Book) [Mirovaya Energetika – 2050 (Belaya Kniga)]. *Bushueva V. V. Trendy razvitiya mirovoy energetiki* [The world energy development trend]. Moscow, Energiya Publ., 2014. P. 181–219.
2. Guliev I. A. The estimation of external and internal factors for the development of strategic enterprises in the context of unstable financial and economic situation [Otsenka vnutristrukturnykh i vneshneekonomicheskikh preobrazovaniy strategicheskikh predpriyatiy v usloviyakh finansovo-ekonomicheskoy nestabil'nosti]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21, Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* [Moscow University. Ser. 21, Governance of instability]. Moscow, Moscow University Publ., 2012. P. 94–103.
3. Efremenko D. V. The influence of oil price fluctuations on Russian economy: current trends and forecasts [Vliyanie izmeneniya tsen na nef't' na ekonomiku Rossii: tekushchie trendy i prognozy]. *Ekonomika Rossii v XXI veke* [Russian Economy in the 21 century]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2014. P. 182–186.
4. Kozyreva S. M. Dynamics and forecast of prices for Urals oil [Dinamika i prognoz tsen na nef't' marki URALS]. *Aktual'nye voprosy ekonomicheskikh nauk № 29-1* [Current questions of economics]. Novosibirsk, Centre for development of science Publ., 2013. P. 181–186.
5. Linnik Yu. N., Afanas'ev V. Ya., Linnik V. Yu., Tret'yakova M. V. Development of adaptive economic models for short-term oil price forecast [Razraborka adaptivnykh ekonomicheskikh modeley prognozirovaniya tzeny na nef't' na kratkosrochnuyu perspektivu]. *Gornyy zhurnal* [Mine journal]. 2014. № 12. P. 36–39.

Поступила в редакцию 27.04.2015

ЮЛИЯ ВАСИЛЬЕВНА ЛЕБЕДЕВА

старший преподаватель кафедры экономической теории и менеджмента экономического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)
julli@petrsu.karelia.ru

УРОВЕНЬ ОБРАЗОВАНИЯ И СУБЪЕКТИВНАЯ ОЦЕНКА РОССИЯНАМИ СОБСТВЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ НА РЫНКЕ ТРУДА

Рассматривается взаимосвязь между наличием образования и возможностями поиска своего места на рынке труда России. Для выявления указанной взаимосвязи использованы мнения и оценки россиян. Выявленная связь с помощью расчета коэффициентов К. Пирсона и А. А. Чупрова оказалась слабой. Доказана адекватность субъективных оценок россиянами окружающей действительности. Указаны причины полученных результатов исследования. Отмечены негативные последствия реформы системы образования в последние годы в России, что, на наш взгляд, также объясняет полученные результаты.

Ключевые слова: уровень образования, трудоустройство, работник, рынок труда России

Исследователи проявляют большой интерес к вопросам социально-экономического поведения людей. В основе проявления профессиональной активности, выбора поведенческой стратегии, которая характеризует успешность социально-экономической адаптации к жизненным обстоятельствам, лежит образование. Полагаем, что образованная рабочая сила, способная решать более сложные производственные задачи, добиваться увеличения роста производительности труда, имеет более выгодную позицию на рынке труда.

В данной статье исследуем наличие и тесноту взаимосвязи между наличием определенного уровня образования и возможностью быстрого трудоустройства, оценим данный аспект с позиции людей, находящихся внутри рынка труда, и их субъективное мнение. Также сравним полученные результаты с официальными статистическими данными о взаимосвязи полученного образования и положением экономически активного населения на рынке труда.

Нельзя не отметить критические замечания об изменениях в системе образования России при проведении реформ в последние годы. «В России 24 % вчерашних студентов устраиваются на должности, не требующие высшего образования, и менее 50 % начинают карьеру по той специальности, по которой учились (в США – 76 %). Неудивительно, что бизнес проявляет крайне низкий интерес к развитию российского образования и почти не участвует в его финансировании. За постсоветский период в стране разрушена система среднего профессионального образования. <...> Можно утверждать, что сегодня российская система образования производит скорее статус человека с дипломом, нежели специалистов, способных найти свое место в современном мире» [3; 59–60]. Последние два десятилетия в России наблюдается существенное перепроизводство

специалистов с дипломами, не востребованными в экономике страны.

Подразумевается, что получение образования предполагает овладение определенными профессиональными компетенциями и навыками, которые обеспечивают более выигрышные позиции их обладателю и увеличивают шансы на быстрое трудоустройство. Профессиональное образование принято рассматривать как успешную предпосылку занятости. Но заметим, что наличие образования увеличивает шансы на получение вообще какой-либо работы. Доказательством служат данные официально зарегистрированных российских безработных, среди которых лица без профессионального образования составляли в 2010 году 43,3 %, 2011 году – 43,8 %, в 2012 году – 44,0 % [6]. На рынке труда России среди занятых лица без профессионального образования составляют меньшинство в сравнении с имеющими профобразование любого уровня (2010 год – 24,2 %, 2012 год – 23,9 %) [7].

В данном исследовании нами не ранжируется образование на уровни более высокий и низкий. Предложение определенных профессиональных навыков и опыта, с одной стороны, и спрос на них, с другой стороны, определяются конкретными сложившимися условиями на рынке труда. В определенные периоды на рынке труда особую востребованность приобретают профессии и специальности, не предполагающие получения их владельцами образования самого высокого уровня. Складывающаяся ситуация на рынке труда, таким образом, провоцирует молодежь к получению определенных профессий. Так, в начале 1980-х годов французские ученые А. Минга и Ж.-К. Эйхер предположили, что «важным компонентом в принятии студентами решения об инвестициях в образование и о выборе профессии является оценка соотношения рисков и вы-

год. Особенно это справедливо для выходцев из малообеспеченных семей, которые руководствуются, прежде всего, возможными экономическими выгодами и соответственно принимают во внимание состояние рынка труда. Они также выбирают менее рискованные, как с точки зрения сложности обучения, так и с точки зрения продолжительности учебы, профессии» [9; 45].

Полагаем, что наличие образования, профессиональных умений и навыков дает его обладателю больше уверенности в своей незаменимости на рабочем месте, более широкие возможности в поиске своего места на рынке труда, способствует развитию социально-экономической мобильности, активности на рынке труда.

Попробуем выявить связь между образованием и субъективной оценкой возможности успеха в поиске нового, почти аналогичного, места работы, что может говорить о развитии профессиональных качеств, многие из которых обладают достаточной степенью специфичности. Владение уникальными умениями и навыками не подразумевает большого числа соперников. Это, в свою очередь, позволяет рабочей силе – носителю этих качеств более уверенно чувствовать себя на рынке труда.

Для исследования нами были взяты данные опроса с сайта НИУ ВШЭ из блока Единого архива экономических и социологических данных (ЕАЭсд). Опрос проводился АНО «Левада-центр» на территории почти всех регионов нашей страны, кроме 4 регионов Северного Кавказа и 8 автономных округов на востоке страны. К сожалению, представленные данные ограничены 2012 годом, что не дает возможности охватить в исследовании более длительный временной период. Для исследования нами были составлены с помощью базы данных ЕАЭсд кросс-таблицы, где с помощью программы сайта сгруппированы по вертикали данные об уровне образования опро-

шенных, а по горизонтали – ответы на вопрос: «Можете ли Вы в ближайшее время потерять свою нынешнюю работу? Если да, то насколько легко будет найти другое место работы по той же профессии, специальности?» [2].

Для подтверждения нашего предположения воспользуемся критерием χ^2 -Пирсона, который применяют для установления наличия связи между изучаемыми явлениями. Полученное значение критерия χ^2 -Пирсона сравнивается с табличным (см. по таблице «Значения χ^2 -Пирсона»). Если $\chi^2_{\text{факт}} > \chi^2_{\text{табл}}$, то имеется статистическая зависимость, то есть распределение данных в кросс-таблице не случайно. Полученные результаты расчетов внесены в табл. 1, в которой наличие связи отмечено знаком «+». Для тех периодов, где обнаружилась эта связь (то есть существует статистическая зависимость между изучаемыми признаками), измерили тесноту выявленной связи через нахождение коэффициентов взаимной сопряженности К. Пирсона и А. А. Чупрова. Все расчеты проводились с помощью табличного редактора Excel. При обработке данных не принимались в расчет системные пропущенные значения, указанные в данных проведенных опросов.

Полученные данные указывают на то, что влияние наличия образования на возможность быстрой смены рабочего места на новое, почти аналогичное, малозначимо. Значения коэффициентов Пирсона в рассматриваемый период менялись от 0,22 до 0,28, а разброс значений коэффициентов Чупрова меньше: от 0,10 до 0,13.

Несмотря на выявленную связь между наличием образования и возможностями в смене места работы по той же специальности (без существенной потери квалификации), полученные данные говорят, что эта связь слабая (на сильную связь указывали бы значения коэффициентов сопряженности, близкие к 1).

Таблица 1

Взаимосвязь между уровнем образования и возможностью быстрого поиска рабочего места на основе данных опросов ЕАЭсд [2]

Год	Месяц	Критерий χ^2 -Пирсона (расчетный)	Критерий χ^2 -Пирсона (табличный)	Наличие связи	Коэффициент взаимной сопряженности		Вывод о тесноте связи
					К Пирсона	К Чупрова	
2009	Август	28,92	41,34	-	-	-	-
	Октябрь	46,22	41,34	+	0,22	0,10	Слабая
	Декабрь	66,15	41,34	+	0,28	0,13	Слабая
2010	Февраль	43,03	41,34	+	0,24	0,11	Слабая
	Апрель	44,88	41,34	+	0,23	0,10	Слабая
	Июнь	27,12	41,34	-	-	-	-
	Август	27,55	41,34	-	-	-	-
	Октябрь	41,18	41,34	-	-	-	-
	Декабрь	38,75	41,34	-	-	-	-
2011	Февраль	47,56	41,34	+	0,25	0,11	Слабая
	Апрель	29,10	41,34	-	-	-	-
	Июнь	15,94	41,34	-	-	-	-
	Август	47,39	41,34	+	0,24	0,11	Слабая
	Октябрь	53,81	41,34	+	0,26	0,12	Слабая
	Декабрь	54,53	41,34	+	0,27	0,12	Слабая
2012	Февраль	34,92	41,34	-	-	-	-
	Июнь	42,19	41,34	+	0,24	0,11	Слабая
	Октябрь	29,71	41,34	-	-	-	-

На наш взгляд, причинами выявленной слабой связи являются недостатки на рынке труда при взаимодействии работника и работодателя, что вытекает из «информационной непрозрачности самого процесса трудоустройства. Как показывает практика, основные потоки информации как о рабочих местах и условиях приема на работу, так и рабочей силе движутся по неформальным сетям, в которые включаются все участники рынка труда» [5; 75]. Самый популярный метод трудоустройства среди россиян – с помощью друзей и знакомых, в России он еще и достаточно эффективен. «Сбор информации через друзей и знакомых является ведущим инструментом поиска на рынке труда в большинстве стран мира. Однако в России его доминирование на протяжении многих лет проявляется особенно наглядно» [1; 93]. В 2013 году через друзей и знакомых искали место работы 78,9 % россиян (против 60,5 % в 1994 году), этот показатель с начала 2000-х годов менялся незначительно, оставаясь в районе 80 %. В 2013 году таким способом нашли рабочее место 41 % россиян. Следующие позиции по распространенности в поиске места работы занимают помощь родственников и обращения прямо на предприятия (в 2013 году – 51,2 % и 50,2 % соответственно). В 2013 году таким образом нашли работу 12,4 % и 21,3 % россиян соответственно [1; 93–95].

«В последние годы работники с начальным и основным общим образованием стали чаще пытаться решить проблему поиска подходящей работы с помощью друзей и знакомых, тогда как обладатели профессионального образования, от начального до высшего, пользовались этим способом реже. Что касается обращений к родственникам, то к их помощи стали чаще прибегать лица как с самым низким, так и с самым высоким уровнем образования. Еще одной особенностью поиска работы респондентами с высшим образованием является значительное снижение популярности непосредственного общения с потенциальными работодателями на предприятиях до уровня распространенности его среди лиц с начальным и средним профессиональным образованием. Но чаще других пользуются этим способом лица с начальным и основным общим образованием» [1; 93–94].

Ориентированность на отмеченные способы трудоустройства в последние годы не менялась. Со своей стороны, работодатели в основном прибегают при поиске персонала к тем же методам. Так, например, в организациях, производящих интеллектуальные услуги, самые популярные каналы подбора персонала: или через свой сайт, или по знакомству (примерно 40 %) [4].

Также отметим, что «среди работников предприятий и организаций, владельцами которых являются российские частные лица, коллективы или российские частные фирмы, через родственников устроились на работу почти половина работников, тогда как на государственных предприятиях –

около трети» [5; 78]. Указанные факты в отдельных случаях ведут к несоответствию профессиональной подготовки работника и занимаемому им рабочему месту. Также межпрофессиональная мобильность, вызванная структурными изменениями в современной экономике, провоцирует недоиспользование накопленного ЧК. По разным оценкам, обладатели дипломов о высшем образовании, работающие по специальности, составляют из них от третьей части до половины. Ситуация с выпускниками среднего профессионального образования еще более драматична: «фактически среднее специальное образование оказывается невостребованным ни в качестве запаса знаний и умений, ни в качестве поддерживающего социального лифта» [8; 333].

Конечно, данные опросов носят субъективный характер, но ценность их заключается в получении информации от людей, находящихся внутри самих изучаемых явлений и процессов. Но надо учесть, что на мнения людей большое влияние оказывают компоненты окружающей среды и индивидуальные социально-психологические особенности самих людей.

На наш взгляд, данные используемых нами опросов довольно правдивы, респонденты адекватно отражали явления и процессы окружающей действительности. Приведенные средние значения в табл. 2, дающие сведения о представлениях респондентов о возможном изменении числа безработных, коррелируют с данными официальной статистики, которые в табл. 2 представлены данными изменения уровня безработицы. В тех же опросах, используемых для исследования, есть вопрос: «Как Вы думаете, в ближайшие 12 месяцев безработных (людей, которые не имеют работу и ищут ее) будет больше, примерно столько же или меньше, чем сейчас?»

Таблица 2

Распределение респондентов при ответе на вопрос: «Как Вы думаете, в ближайшие 12 месяцев безработных (людей, которые не имеют работу и ищут ее) будет больше, примерно столько же или меньше, чем сейчас?», %

Год	Больше	Столько же	Меньше	Затруднились с ответом	Уровень безработицы [10]
2009	37,43	44,93	9,57	8,03	8,3
2010	33,17	49,23	9,85	7,80	7,3
2011	29,75	52,47	9,33	8,47	6,5
2012	23,30	56,43	10,40	9,87	5,5
Вывод	↓	↑			↓

Как видим, количественные оценки представлений россиян и официальные данные статистики уровня безработицы имеют тенденцию к снижению в рассматриваемый период. Заметим, что среднее время поиска рабочего места с 2000 года сокращалось: в 2000 году – 9,6 месяца, в 2012 году – 7,5 месяца.

В итоге наша оценка субъективного взгляда работника на свое положение на рынке труда в зависимости от уровня его образования еще раз подтвердила важность его наличия. Образование должно стать фактором, оказывающим гораздо более сильное влияние в процессе поиска своего

места на рынке труда. Результаты проведенного исследования указывают на то, что это пока не достигнуто. Последние два десятка лет девальвировалась ценность образования в стране, что связано с особенностями проводимой реорганизации системы образования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воронин Г. Л., Киселева И. П., Козырева П. М., Косолапов М. С., Евграфова К. О., Низамова А. Э., Смирнов А. И., Соколова С. Б. Социально-экономическое поведение российских домохозяйств // Вестник Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE). Вып. 5: Сб. науч. ст. / Отв. ред. П. М. Козырева. М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2015. С. 7–107 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.hse.ru/data/2015/10/09/1077435180/Vestnik%20RLMS-HSE_2015.pdf
2. Единый архив экономических и социологических данных. Повторяющиеся исследования: Мониторинги – Мониторинг социально-экономических перемен – Опросы взрослого населения [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=98&en=0>
3. Иноземцев В. Л. «Образованная страна» вчера и сегодня // Развитие человеческого капитала – новая социальная политика: Сб. науч. ст. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2013. С. 58–62.
4. Каналы набора персонала [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://sophist.hse.ru/facts/hr.shtml>
5. Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф, 2013. 328 с.
6. Распределение численности безработных по уровню образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/05-18.htm
7. Распределение численности занятых в экономике по уровню образования [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/05-12.htm
8. Российский работник: образование, профессия, квалификация: Моногр. / Под ред. В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капельюшикова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011. 574 с.
9. Семёко Г. В. Образование как фактор экономического роста // Экономические и социальные проблемы России: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; Ред. кол.: Н. А. Макашева, гл. ред., и др. М.: ИНИОН, 2010. № 2: Институциональные факторы экономического роста / Ред. и сост. вып. И. Г. Минервин. С. 41–83.
10. Уровень безработицы населения по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud6.xls

Lebedeva Yu. V., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

RUSSIANS' NATIONAL EDUCATION LEVEL AND THEIR SUBJECTIVE VALUE JUDGMENT OF LABOR MARKET OPPORTUNITIES

The article is concerned with the problem of interrelation between education availability and employment opportunities on the labor market of the Russian Federation. To reveal the level and strength of this correlation subjective opinions and value assessments of the Russians were studied. The data obtained with the use of K. Pirson and A. A. Tchuprov factors diagnosed a rather weak interconnection. The adequacy of the value judgments provided by the surveyed Russians on the environment conditions was proven. The underlying reasons determining the outcome of the experiment were specified. The negative effects of the latest reforms in the system of education were highlighted. In our opinion, the unfavorable effect of these reforms also explains the obtained research results.

Key words: level of education, employment, employee, labor market of Russia

REFERENCES

1. Voronin G. L., Kiseleva I. P., Kozyreva P. M., Kosolapov M. S., Evgrafova K. O., Nizamova A. E., Smirnov A. I., Sokolova S. B. Socio-economic behavior of Russian households [Sotsial'no-ekonomicheskoe povedenie rossiyskikh domokhozyaystv]. *Vestnik Rossiyskogo monitoringa ekonomicheskogo polozheniya i zdorov'ya naseleniya NIU VShE (RLMS-HSE)* [The bulletin of the Russian monitoring of an economic situation and population health (RLMS-HSE)]. Vol. 5. 2015. P. 7–107. Available at: http://www.hse.ru/data/2015/10/09/1077435180/Vestnik%20RLMS-HSE_2015.pdf
2. *Edinyy arkhiv ekonomicheskikh i sotsiologicheskikh dannykh. Povtoryayushchiesya issledovaniya: Monitoringi – Monitoring sotsial'no-ekonomicheskikh peremen – Oprosy vzroslogo naseleniya* [Uniform archive of economic and sociological data]. Available at: <http://sophist.hse.ru/db/oprosy.shtml?ts=98&en=0>
3. Inozemtsev V. L. “The formed country” yesterday and today [“Obrazovannaya strana” vchera i segodnya]. *Razvitie chelovecheskogo kapitala – novaya sotsial'naya politika: Sbornik nauchnykh statey* [Development of the human capital – new social policy]. Moscow, Delo RANKhiGS Publ., 2013. P. 58–62.
4. *Kanalы nabora personala* [Channels of the personnel accumulation]. Available at: <http://sophist.hse.ru/facts/hr.shtml>
5. Kozyreva P. M., Nizamova A. E., Smirnov A. I. *Resursy i praktiki sotsial'no-ekonomicheskoy adaptatsii naseleniya Rossii* [Resources and experience of social and economic adaptation of the population of Russia]. Moscow, Novyy khronograf Publ., 2013. 328 p.
6. *Raspredelenie chislennosti bezrabotnykh po urovnyu obrazovaniya* [Distribution of the unemployed people by the level of education]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/05-18.htm
7. *Raspredelenie chislennosti zanyatykh v ekonomike po urovnyu obrazovaniya* [Distribution of the occupied in the economy by the level of education]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_13/IssWWW.exe/Stg/d01/05-12.htm
8. *Rossiyskiy rabotnik: obrazovanie, professiya, kvalifikatsiya: Monogr.* [The Russian worker: education, profession, qualification]. Moscow, HSE Publ., 2011. 574 p.
9. Semeko G. V. Education as the factor of economic growth [Obrazovanie kak faktor ekonomicheskogo rosta]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye problemy Rossii: Sbornik nauchnykh trudov* [Economic and social problems of Russia: The collection of proceedings]. Moscow, INION Publ., 2010. Vol. 2. P. 41–83.
10. *Uroven' bezrabotitsy naseleniya po su'ektam Rossiyskoy Federatsii* [Unemployment rate by the subjects of the Russian Federation]. Available at: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/trud6.xls

Поступила в редакцию 19.10.2015

13 октября 2015 года исполнилось 90 лет доктору исторических наук, профессору кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук Петрозаводского государственного университета, члену редколлегии нашего журнала *Михаилу Ильичу Шумилову*.

МИХАИЛ ИЛЬИЧ ШУМИЛОВ

К 90-летию со дня рождения

В год 75-летия Петрозаводского государственного университета Михаил Ильич Шумилов празднует не только 90-летие, но и 55-летие преподавательской и научной деятельности.

Михаил Ильич стал студентом историко-филологического факультета Карело-Финского государственного университета в далеком 1944 году. С 1960 года его жизнь связана с Петрозаводским государственным университетом: сначала доцент кафедры истории КПСС, затем ее заведующий, проректор по учебной работе и в 1973–1990 годах – ректор университета. «Со всем не думал, что новая работа с сохранением заведования кафедрой продлится два десятилетия и останется в памяти как один день. Работа не для своих успехов, а ради благополучия и успешного развития большого коллектива – радость и удовлетворение», – вспоминает юбиляр.

Кандидатскую диссертацию о деятельности большевистских организаций Карелии в 1917–1918 годах защитил в ИМЛ при ЦК КПСС в 1955 году, докторскую о революционных событиях на Европейском Севере в 1917–1920 годах – в Ленинградском университете в 1967 году. Основное научное направление: изучение истории и культуры Европейского Севера, истории освободительного и демократического движения в России. Научные работы посвящены характеристике социально-экономической обстановки в стране и северном регионе в XIX–XX веках, процессу развития национального, рабочего и крестьянского движения, особенно в ходе революций 1905 и 1917 годов и Гражданской войны. Показана роль политических партий и массовых организаций в развитии революционного процесса. Особое внимание уделено региональным особенностям новейшей истории Европейского Севера и Карелии.

М. И. Шумилов – заслуженный деятель науки Российской Федерации и Республики Карелия, действительный член Академии гуманитарных наук. Почетный работник высшего профессионального образования. Награжден двумя орденами Дружбы и орденом Почета.

От всей души поздравляем Михаила Ильича с историческим юбилеем, желаем крепкого здоровья, любви и заботы близких, внимания учеников!

ХРОНИКА

■ В 2015 году исполняется 20 лет кафедре классической филологии филологического факультета Петрозаводского государственного университета.

В современных динамичных и жестких реалиях высшего образования сохранение кафедры классической филологии является той роскошью, которую могут позволить себе ведущие вузы России. И не только потому, что «классический вуз должен иметь в своем составе кафедру классической филологии». Преподавание древних языков и античной культуры – базис, на котором формируется гуманитарное образование. Недаром на протяжении многих веков именно с античности начинался путь в науку любого студента, а к изучению латыни и древнегреческого приступали уже в школе. В советской России классическая филология была объявлена архаичной и ненужной для нового поколения советских людей. Латынь была упразднена не только в школах, но и в университетах. Чудом выжившие кафедры классической филологии остались только в ведущих столичных вузах. С тех пор ситуация мало менялась, хотя потребность в «классиках» ощущалась и ощущается филологическим сообществом достаточно остро. Согласно ФГОС ВПО дисциплина «Латинский язык» является необходимым компонентом учебных программ для многих специальностей – филологов, историков, медиков, юристов. Между тем преподавателей латинского языка профессионально готовят только на кафедрах классической филологии, которых в современной России насчитывается только четыре. Кафедра классической филологии ПетрГУ – одна из самых молодых кафедр этого направления. Возможно, поэтому преподаватели кафедры стараются изыскивать современные подходы к преподаванию классических древностей. Латинский язык и античная культура преподносятся студентам не как что-то узкое и монотонное; тысячелетия, отделяющие нас от древних греков и римлян, оказываются не такой уж непреодолимой бездной.

Пропагандируя актуальность и современность античности, кафедра классической филологии не только «осовременивает» традиционные курсы латинского языка, но и создает новые. Например, уже несколько лет у студентов математического и агротехнического факультетов читается курс «Основы научной терминологии», аналогов которому нет в других вузах. Идет активная работа со школами города. Начатый в рамках школьных академий ПетрГУ открытый образовательный проект «Мифы среди нас» заслужил признание у достаточно обширной аудитории и уже вышел в радиоформат вещания на всю Карелию.

Кафедра не ограничивается только преподавательской деятельностью. Основное направление ее научных исследований – «Античные

и христианские традиции в русской литературе XVIII–XX веков». В рамках этого направления защищены докторская диссертация Т. Г. Мальчуковой «Античные и христианские традиции в поэзии А. С. Пушкина», кандидатские диссертации: А. Ю. Ниловой «Жанрово-стилистические традиции в лирике М. Ю. Лермонтова (послание, элегия, эпиграмма)»; А. В. Дехтярёнок «Античные и христианские традиции в творчестве Д. С. Мережковского»; А. А. Скоропадской «Античные и христианские традиции в изображении образа сада в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”»; Е. П. Литинской «Рецензия и рецепция античной поэзии в творчестве В. А. Жуковского». В рамках научных проектов под эгидой РГНФ проведены исследования: «Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв.» (2007–2009 годы); «Классицизм и неоклассицизм в русской литературе XVIII–XIX вв.» (2010–2012 годы); «Античные жанры в развитии русской литературы XVIII–XIX вв.» (2013–2015 годы). По результатам исследований изданы коллективные монографии, вошедшие в себя около 50 статей. Преподаватели кафедры принимают участие во многих научных конференциях, форумах и симпозиумах, проводимых различными научными организациями.

С 1997 года преподаватели и студенты кафедры имеют возможность стажироваться в Греции на языковых курсах ТИЕСПА при Афинском университете, а также в университете г. Салоники. Подобные стажировки помогли сформировать преподавательский состав по преподаванию современного греческого языка, и в 2011 году на кафедре открылось отделение «Новогреческий язык и литература, английский язык». Во многом способствовали открытию этого отделения международные партнеры, среди которых: Посольство Греции в Москве, Генеральное консульство Греции в С.-Петербурге, Благотворительный фонд Е. и К. Урани.

В рамках 20-летнего юбилея кафедры организована Всероссийская конференция «Актуальные проблемы преподавания классических языков и культуры», на секции которой было вынесено обсуждение вопросов методики преподавания классических языков и рецепции античного наследия в отечественной и зарубежной литературе. Часть статей опубликована в данном номере журнала.

А. А. Скоропадская
кандидат филологических наук, доцент кафедры
классической филологии филологического факультета,
Петрозаводский государственный университет
san19770@mail.ru

ХРОНИКА

■ 21–23 октября 2015 года в Елецком государственном университете имени И. А. Бунина состоялась Международная научная конференция «Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований».

Организаторами конференции, приуроченной к 145-летию первого в России лауреата Нобелевской премии по литературе, выступили научно-исследовательская лаборатория «Бунинская Россия», кафедра всеобщей истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета имени И. А. Бунина, которую возглавляет кандидат филологических наук, доцент Н. А. Трубицина. Конференция проводилась при финансовой поддержке РГНФ (проект № 15-14-48501).

География участников конференции была представлена ближним и дальним зарубежьем (Беларусь, Украина, Индонезия, Ирак, Иран, Йемен, Швеция, Япония), республиками и регионами России (Карелия, Краснодарский край, Крым, Татарстан, Ханты-Мансийский АО, ЦФО). В научном форуме приняли участие известные ученые, аспиранты и студенты, учителя школ, музейные работники. С приветственным словом к собравшимся обратилась ректор университета, доктор педагогических наук, профессор Е. Н. Герасимова, подчеркнувшая особое значение конференции не только для российской науки, но и для современного мирового сообщества.

На пленарном заседании с докладами выступили Н. В. Борисова, доктор филологических наук, профессор кафедры всеобщей истории и историко-культурного наследия Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина (Елец) «Власть места в повести И. Бунина “Суходол”»; Л. П. Грот, кандидат исторических наук, директор консалтингово-образовательного предприятия «НОРРКОН АБ» (Лүлео, Швеция) «И. А. Бунин и историческая память»; И. А. Есаулов, доктор филологических наук, профессор кафедры русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького (Москва) «Россия Бунина: миф, модель, реальность»; И. Б. Ничипоров, доктор филологических наук, профессор филологического факультета Московского государственно-

го университета им. М. В. Ломоносова (Москва) «Голоса эпохи в “Окаянных днях” И. Бунина»; И. Г. Минералова, доктор филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета (Москва) «Ирония в прозе Бунина»; Кинуё Миягава, доктор наук, научный сотрудник Токийского университета (Токио, Япония) «Рассказ И. А. Бунина “Антоновские яблоки” и его импрессионичность».

В рамках конференции работали следующие секции:

1. Бунинская Россия: от прошлого к настоящему.
2. Творчество И. А. Бунина в контексте художественных исканий XIX–XX веков.
3. Философско-мировоззренческий контекст творчества И. А. Бунина.
4. Фольклорно-этнографические и педагогические основы творчества И. А. Бунина.
5. Художественный мир И. А. Бунина: поэтика и эстетика.
6. Творчество И. А. Бунина: лингвистический аспект.

Темы докладов конференции позволили рассмотреть творчество выдающегося мастера слова сквозь призму философско-мировоззренческих и культурологических контекстов, поэтологических парадигм, в фокусе лингвистического и фольклорно-этнографического дискурса. Обмен опытом, творческими и научными идеями внес значительный вклад в существующую систему знаний о художественном наследии И. А. Бунина.

Конференцию отличала разнообразная культурная программа: это и экскурсия «Елец бунинский» с посещением мемориального музея писателя, и литературно-музыкальная гостиная «Бунин и музыка» в Елецком краеведческом музее, и экскурсия в г. Задонск.

К началу работы конференции был издан сборник научных трудов «Творческое наследие И. А. Бунина в контексте современных гуманитарных исследований», постатейно размещенный в Российском индексе научного цитирования.

*Н. В. Ровенко
кандидат филологических наук
rovenko@petrsu.ru*

CONTENTS

HISTORICAL SCIENCES AND ARCHEOLOGY

- Suvorov Yu. V.*
SOPHIA VON HATZFELDT. AT THE ORIGINS
OF GERMAN SOCIAL DEMOCRACY..... 7
- Filimonchik S. N.*
KARELIAN THEATRES IN 1918 – BEGINNING
OF THE 1920s 12
- Bauer T. V.*
HELP APPEAL TO THE SAINTS IN THE CON-
TEXT OF THEFT..... 21
- Kuznetsova N. Yu.*
S. B. PRUGAVIN'S LETTER TO ARKHANGELSK
GOVERNOR N. P. IGNATIEV 26
- Sheremet A. V.*
COOPERATION OF KARELIAN ENTERPRISES
WITHIN TWINNING PARTNERSHIP PROJECT
OF 1970–80s..... 29

PEDAGOGICAL SCIENCES

- Elakhovskiy D. V., Nazarov A. I.*
METHODOLOGICAL SUPPORT OF PRACTICAL
CLASSES FOR UNDERGRADUATE STUDENTS
OF ENGINEERING FACULTY 33

PHILOLOGICAL SCIENCES

- Barkovich A. A.*
COMPUTER-MEDIATED COMMUNICATION:
POTENTIAL OF METALEXICAL SIGNIFICANCE... 38
- Nikiforova S. A.*
PASSIVE VOICE IN GERMAN POETIC TEXTS
(EVIDENCE FROM I. V. GOETHE'S POEMS)..... 44
- Panfilova S. S.*
GRAPHICAL AND PUNCTUATION MEANS
OF PRESENTING EMOTIONAL COMPONENTS
OF ENGLISH HYPERTEXT..... 49
- Semenova O. V.*
THE GAME OF SYNONYMS IN THE STORY BY
A. PLATONOV *THE FOUNDATION PIT*..... 54
- Kashirina V. V.*
ASSESSMENT OF THE “HIGH SOCIETY RIFT”
BY RUSSIAN SECULAR AND SPIRITUAL
WRITERS OF THE XIX CENTURY 57
- Rozanov Yu. V.*
ORTHODOX ELDER ANTHONY (FLORENISOV)
AND DECADENTS..... 63
- Boeva G. N.*
DRAMATURGIC INNOVATIONS IN S. PRZY-
BYSEWSKI AND L. ANDREEV WORKS: PER-
CEPTION ASPECT 69

- Mineeva I. N.*
UNKNOWN FACTS ON THE HISTORY OF
N. S. LESKOV'S STORY “THE BUFFOON PAM-
FALON (ANCIENT LEGEND)” 74
- Morozova T. N.*
CURRENT STATE OF THE FISHERY FOLK-
LORE OF THE WHITE SEA WINTER SHORE 81

All-Russian scientific conference “Contemporary problems of teaching Humanities”

- Tsvetkov Yu. L.*
MYTH MODEL BY R. WAGNER AND F. NI-
ETZSCHE IN HUGO VON HOFMANNSTHAL'S
OPERA LIBRETTO “EGYPTIAN HELEN” 85
- Nilova A. Yu.*
LERMONTOV'S FRAGMENT “IT HAPPENED
IN THE LAST YEARS OF POWERFUL ROME...”:
THE PROBLEM OF SOURCES AND FORMS 92
- Marshallok N. V., Ul'yanova I. L.*
LATIN IN INTERNATIONAL LAW (METHODS
OF EARLY PROFESSIONAL MOTIVATION OF
LAW FACULTY STUDENTS) 95
- Skoropadskaya A. A.*
HORATIAN QUOTES IN IVAN TURGENEV'S
CORRESPONDENCE..... 98
- Agapitova E. K.*
ON HISTORICAL SOURCES IN I. A. EFRE-
MOV'S NOVEL “TAIS AFINSKAYA”..... 103

ECONOMIC SCIENCES

- Popod'ko G. I., Goloushkina E. N.*
ANALYSIS OF REGIONAL ENERGY SECTOR
PROBLEMS UNDER NEW ECONOMIC CONDI-
TIONS 107
- Guliev I. A. O., Mustafinov R. K.*
REVIEW OF THE LONG-TERM AVERAGE
WEIGHTED OIL PRICE FLUCTUATION FORE-
CASTS 113
- Lebedeva Yu. V.*
RUSSIANS' NATIONAL EDUCATION LEVEL
AND THEIR SUBJECTIVE VALUE JUDGMENT
OF LABOR MARKET OPPORTUNITIES..... 117

Jubilation

- To the 90th Birthday Anniversary of M. I. Shumilov... 121

Scientific information 122